

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/95

ISSN 0131 - 2812

Сотрудничество со странами
СВА и развитие российского
Дальнего Востока

*

Идейно-политическая ситуация
в Китае

*

Хозяйственный механизм КНР

*

Секретная миссия А.Микояна в
Китае в 1949г.

*

Современная философия на
Тайване

Лей - окз

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

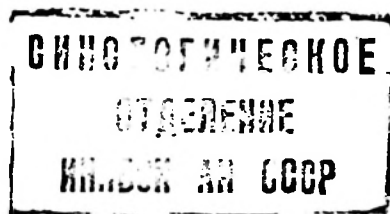
3/95

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и
английском языках

Издается с марта 1972 года

Вручение ИДВ РАН "Ниигатской премии Японского моря - 1994 года".....	3
Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока.....	4

РЕГИОН

<i>Р. Скалапино.</i> Впереди - вызовы грядущего.....	38
<i>В. Бунии.</i> О концепции ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия, в СВА.....	44

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Идейно-политическая ситуация в Китае в 1994 г.	49
---	----

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

<i>Фань Ган.</i> Реформы по нарастающей и "двухколейный" переход: осмысление опыта Китая.....	58
<i>В. Портяков.</i> Проблемы экономической реформы в Китае на конференции в Лондоне.....	74
<i>М. Баранов.</i> Хозяйственный механизм КНР (окончание).....	81

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>А. Ледовский.</i> Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (окончание).....	94
---	----

МЕМУАРЫ

<i>А. Титов.</i> Из воспоминаний о работе в Китае в 1948-1950 гг.	106
--	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

П. Фиалковский. В его стенах все мы были молоды..... 115

КЛУБ КОНФУЦИЯ

А. Ломанов. Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы 119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 50-летию Великой Победы..... 131

Т. Турчак, А. Ипатова. В ИДВ РАН открыт научно-информационный центр "Китай" 133

А. Свешников. Центр изучения России АОН КНР 135

РЕЦЕНЗИИ

Ю. Гарушянц. "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1, 1920-1925" 137

С. Тихвинский, С. Белоусов. Китайская философия. Энциклопедический словарь 146

К. Кокарев. Тайвань. Краткие справочные сведения..... 149

Н. Кулешов. Джон Снеллинг. Буддизм в России. Агван Доржиев - эмиссар Лхасы при царском дворе 154

В. Асафьев. Э. Молодякова. Япония: профсоюзы и общество..... 157

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80-летие Л.А. Березного..... 159

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), Ю.М. Гарушянц, В.И. Глуниц, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин, В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакир, В.С. Мясников, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Б.Н. Славинский (зам. главного редактора), Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-02

Вручение Институту Дальнего Востока

Российской Академии Наук

"Ниигатской премии Японского моря - 1994 года"

"Ниигатская премия Японского моря", учрежденная в 1992 году губернатором и правительством префектуры Ниигата, вручается организациям и отдельным специалистам за достижения в разработке и осуществлении проектов политического и экономического сотрудничества народов стран Бассейна Японского моря и, в более широком смысле, за вклад в обеспечение мира, безопасности и развитие многостороннего сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии.

Экспертный отбор и оценку претендентов на премию осуществляют руководство префектуры, Департамент планирования и координации правительства префектуры Ниигата, а также привлекаемые ими независимые эксперты, в том числе авторитетные специалисты Японского центра экономических исследований, Института экономики Северо-Восточной Азии и ряда других исследовательских организаций.

Премия за 1994 год была присуждена Институту Дальнего Востока РАН за цикл исследований и публикаций, связанных с проектом "Кольцо Японского моря" и разработку программ экономической интеграции восточных районов России и стран СВА и АТР.

На церемонии вручения премии, состоявшейся 17 февраля 1995 года в ходе проходившего в Ниигате V Международного Ниигатского экономического форума региона СВА, с докладом выступил директор Института Дальнего Востока, профессор М.Л.Титаренко. В нем он обобщенно изложил основные итоги работы института по теме "Кольцо Японского моря". В докладе подчеркивалось, что в России высоко оценивают значение развития сотрудничества в бассейне Японского моря для улучшения общей ситуации в АТР и подъема восточных районов России и гармоничного развития российско-японских отношений. Докладчик отметил, что в этом процессе важную роль играют дальновидные инициативы и взвешенный подход к региональному сотрудничеству руководства префектуры Ниигата и лично губернатора господина Икуо Хираяма.

Профессор М.Л.Титаренко, принимая диплом и медаль, заверил председателя и членов Комитета по присуждению премии Ниигата, что коллектив ИДВ РАН будет стремиться находиться на острие всех дел, нацеленных на укрепление и углубление сотрудничества между Россией и Японией, всеми государствами Северо-Восточной Азии.

Были вручены также две персональные премии: председателю "Исследовательского комитета по проблемам Кольца Японского моря" Управления экономического планирования правительства Японии, профессору Хисао Канамори, известному своими работами по проблемам многостороннего экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии, благодаря энергии и усилиям которого был учрежден возглавляемый им Институт экономики Северо-Восточной Азии, а также президенту компании "Хирата фармс" Каити Нитта за вклад в развитие японо-китайских отношений.

Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока

В конце 1994 - начале 1995 г. Институт Дальнего Востока РАН в инициативном порядке подготовил научный доклад "Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока". В написании доклада участвовали сотрудники Института: д.э.н. Андрианов В.Д., д.воен.н. Болятко А.В., д.э.н. Манежев С.А., к.э.н. Мозиас П.М., д.э.н. Островский А.В., к.и.н. Павлятенко В.Н., к.и.н. Пащенко Н.И., к.и.н. Портяков В.Я., к.э.н. Спрогис Е.В., к.э.н. Столяров Ю.С., Терентьева Т.Г., д.и.н. Яковлев А.Г. Руководитель работы - директор ИДВ, проф. М.Л.Титаренко.

В марте 1995 г. на заседании Бюро Отделения экономики РАН состоялось его обсуждение. Со вступительным словом выступил профессор М.Л.Титаренко. Представляя основные положения и выводы доклада, М.Л.Титаренко выдвинул для обсуждения ряд практических предложений и рекомендаций, адресованных руководству страны:

- в ходе переговоров и встреч на высшем и высоком уровнях с лидерами соседних стран, США и Канады добиваться максимального взаимопонимания по вопросу о подъеме и развитии Сибири и российского Дальнего Востока как части нашего государства в контексте общей программы соразвития региона и углубления двустороннего сотрудничества;

- поручить Министерству экономики России совместно с руководством восточных краев и областей РФ и с привлечением фундаментальной науки разработать поэтапную, конкретную долгосрочную программу социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока с учетом факторов взаимодополняемости экономик Сибири, российского Дальнего Востока и соседних стран, которая могла бы быть представлена на утверждение в Федеральное собрание от имени Президента или Правительства РФ;

- для привлечения иностранных инвестиций проработать конкретную программу деятельности по подготовке и заключению с заинтересованными соседними странами, США и государствами СНГ двусторонних соглашений об участии иностранных инвесторов в разработке ресурсов Сибири и Дальнего Востока на основе передовых наукоемких, ресурсосберегающих технологий.

Авторы доклада, отметил М.Л.Титаренко, считают целесообразным рекомендовать рассмотреть вопрос о создании специальных координирующих эту программу органов в системе российской государственной исполнительной власти:

- межведомственного органа для координации наших действий в политической, экономической и оборонительной сферах в регионе Северо-Восточной Азии;

- министерства развития и освоения районов Восточной Сибири и Дальнего Востока с широкими властными и финансовыми полномочиями - координирующего органа во главе с заместителем премьера. В число его функциональных обязанностей включить разработку и осуществление долговременной программы заселения этих районов, прежде всего переселенцами из центральной части России, а также иммигрантами и беженцами из других стран СНГ, для чего создать систему привлекательных экономических условий и различных льгот;

- действующего под эгидой Правительства и Центрального банка России Банка развития Сибири и Дальнего Востока, поставив под его контроль пустующие и незаселенные, неосвоенные земли.

В ходе обсуждения доклада выступили члены Бюро Отделения экономики РАН академики А.Г.Гранберг, С.А.Ситарян, сотрудники входящих в Отделение экономики научно-исследовательских институтов, а также представители практических организаций, в том числе МИД РФ, НИКИ при МВЭС РФ. По итогам обсуждения было принято решение одобрить инициативу ИДВ РАН по созданию нового научного направления по исследованию интересов Сибири и Дальнего Востока в АТР и поддержать основные положения доклада и выдвинутые в нем научные и практические рекомендации.

Редакция журнала предлагает читателям краткое изложение доклада.

При подготовке доклада использовались исследования Института экономических проблем Дальневосточного отделения РАН под руководством П.А.Минакира, а также поисковое исследование по оценке торгово-экономического потенциала Приморского края России, подготовленное сотрудниками ИЭНТП РАН под руководством Ю.В.Яременко. Кроме того, в докладе были широко использованы статистические данные стран АТР - КНР, Японии, Республики Корея и опубликованные в этих странах материалы по проблемам экономического сотрудничества в АТР.

Раздел 1. Интересы России в Северо-Восточной Азии и возможные варианты их реализации.

Одной из основных проблем совершенствования российской государственности и формирования региональной политики является развитие дальневосточного региона России. На протяжении последних десятилетий Дальний Восток в экономическом плане был оторван как от стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), так и от своих ближайших соседей - стран Северо-Восточной Азии (СВА), которая включает в себя российский Дальний Восток (Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области и Республику Якутия-Саха), Северо-Восток Китая (провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзянь), КНДР, Республику Корея и Японию. За эти годы произошел значительный скачок в уровне экономического развития стран Северо-Восточной Азии, в то время как дальневосточный регион России по ряду причин, прежде всего из-за недостаточных централизованных инвестиций в экономику региона и транспортной отдаленности от центральных районов России, оказался в положении отстающего. В нынешних условиях для стимулирования развития Дальнего Востока уже требуется либо резко увеличить централизованные инвестиции (что затруднительно в условиях хронического

дефицита государственного бюджета), либо более активно интегрироваться в экономику АТР и СВА.

Россия в качестве самостоятельного государства стала в большей степени азиатско-тихоокеанской страной, чем был Советский Союз. Для нее АТР более важен уже в силу возросшей роли дальневосточных портов и потери морских портов на Черном и Балтийском морях после развала СССР. Однако в настоящее время Россия по ряду внутренних и международных причин находится вне магистральных процессов развития экономического сотрудничества как в АТР, так и в СВА. Затяжной экономической кризис в стране, относительная слабость и некомплексность производственно-технической базы российского Дальнего Востока вряд ли позволят выправить эту неблагоприятную ситуацию в сжатые сроки без активных усилий центрального правительства России и расширенного сотрудничества с крупными иностранными инвесторами. Это потребует от России ускорения процесса адаптации экономики России в интеграционные процессы в СВА и АТР.

При подготовке доклада и соответствующих рекомендаций его разработчики принимали в качестве аксиом следующие положения:

1. Несмотря на тяжелый общий кризис, переживаемый Россией, и угрозу распада страны, государственные подходы в политике центральных и местных властей преобладают, и центристремительные тенденции перевешивают центробежные.

2. Президент и центральное правительство обладают волей и способностью осуществлять макроконтроль за ситуацией в стране и в сотрудничестве с местными властями Сибири и Дальнего Востока в интересах консолидации страны, сохранения ее территориальной целостности и единого политического, экономического, оборонного и культурного пространства выработать долговременную взвешенную, экономически обоснованную политику и практическую программу действий по социально-экономическому обустройству и развитию Сибири и Дальнего Востока как неотъемлемых частей Российского государства. Законодательные ветви власти способны оперативно выработать необходимую правовую основу обеспечения целостности России, разделения прав и обязанностей Центра и регионов, защиты интересов страны и ее граждан во внешнеэкономических связях с нашими соседями.

В настоящее время в СВА принято включать российский Дальний Восток, Северо-Восток КНР, Японию, КНДР и Республику Корея с общей площадью суши 8,28 млн. кв. км (19% всей площади суши в Азии) и общей численностью населения 290 млн. человек (10% численности населения Азии). Как показывают оценки возможностей стран этого региона, наиболее богатыми природными ресурсами располагает Дальний Восток - уголь, лес, водные ресурсы, цветные металлы и др., затем идут КНР - сельскохозяйственные ресурсы, нефть, лес и КНДР - уголь и черные металлы. В то же время Япония и Южная Корея располагают высоко развитой тяжелой промышленностью и высокотехнологичными отраслями производства, КНР и КНДР - легкой промышленностью и сельским хозяйством. При этом Япония и Республика Корея обладают капиталами и высококвалифицированными ИТР и специалистами в сфере управления, а КНР - избытком рабочей силы. Кроме того, следует особо отметить, что российский Дальний Восток располагает мощным научным потенциалом, сравнимым с потенциалом США и Японии. Не следует также забывать, что за территориями, входящими в состав СВА, стоят государства с численностью населения более 1,5 млрд. чел. По размерам ВВП (3,4 трл. ам. долларов) эти государства сопоставимы с аналогичными показателями США и стран ЕЭС.

В настоящее время Северо-Восточная Азия представляет собой один из наиболее динамично развивающихся районов мира. По имеющимся прогнозам, к

2010 году по совокупному объему производства валового национального продукта она может обойти ЕЭС и Северную Америку. Этим тенденциям экономического роста может в значительной степени способствовать усиление интеграционных процессов, особенно на субрегиональном уровне. Предлагаемые модели, схемы и варианты сотрудничества либо предполагают непосредственное участие России, прежде всего ее дальневосточного региона (проект "Тумэнцзын", "Кольцо Японского моря"), либо косвенно затрагивают ее интересы ("Кольцо Желтого моря и Бохайского залива", "Большой Китай"). Можно сказать, что сегодня экономические процессы в СВА представляют собой и возможность, и вызов для России. Взаимовыгодное сотрудничество с государствами региона позволит России резко ускорить свое экономическое развитие. В то же время отказ от такого сотрудничества либо включение Дальнего Востока в экономическое пространство СВА при отсутствии продуманной стратегии сотрудничества и должной координации действий отдельных краев и областей на государственном уровне чревата дальнейшей социально-экономической деградацией российского Дальнего Востока.

С углублением экономического кризиса в России хозяйственное взаимодействие краев и областей Дальнего Востока с зарубежными партнерами, постепенно становящееся для них безальтернативной формой выживания, могло бы носить более эффективный характер и для региона, и для страны в целом, если бы оно было поставлено на базу серьезного концептуального анализа долгосрочных возможностей и намерений стран-партнеров по сотрудничеству. В настоящее время слабо контролируемая федеральным центром чрезмерная ориентация экономических инициатив регионов на внешний мир создает наибольшую угрозу суверенитету и единству Российского государства.

Для ускорения социально-экономического развития российского Дальнего Востока наиболее оптимальные условия сможет создать в первую очередь максимально возможная интернационализация процесса хозяйственного освоения региона и включения его в субрегиональную интеграцию в СВА, выработка российского варианта политики открытости в отношении как "ближнего", так и дальнего зарубежья, стимулирование четко регулируемого правительством и регионами заселения этих районов, создание благоприятного климата для внутренних и иностранных инвестиций.

Раздел 2. Предпосылки укрепления позиций России в СВА

1. Военно-политическая ситуация в регионе: концепция безопасности через сотрудничество.

Современная международно-политическая обстановка в СВА - прямое и непосредственное следствие глобальных процессов, вызванных перестройкой в СССР и реформами в Российской Федерации. В результате этих процессов с мировой и региональной арены исчез мощный сверхдержавный фактор - Советский Союз с его многочисленными военно-политическими и идейными союзниками. Его место заняла лишенная таких союзников, намного менее могущественная и к тому же пребывающая в состоянии нестабильности и всеобщего кризиса Российская Федерация.

В этой ситуации международно-политическую обстановку в мире и тем более в СВА теперь активно формируют "большая семерка" и Китай. Россия же пока в большей мере выступает в роли объекта, чем субъекта мировой и региональной политики. Заметим, что ни одна из стран СВА не последовала примеру России, в течение 1989-1994 гг. сократившей свою дальневосточную

группировку войск примерно вдвое и, согласно заявлению министра обороны России П. Грачева, намеревающейся продолжить этот процесс. Более того, во всех странах Восточной Азии продолжается рост военных приготовлений, что не может не настораживать, ибо является верным симптомом тенденции к возрождению военно-силовых традиций в отношениях между государствами региона.

Новое соотношение сил в регионе, сложившееся в результате фактически одностороннего уменьшения военного потенциала России, отнюдь не облегчило ей достижение рационального баланса интересов со странами СВА. Как объект политики держав региона она стала более уязвимой, утратив единственный реальный источник своего авторитета и влияния в региональной политике - мощный оборонительный щит, а также и своего единственного военного союзника в СВА - КНДР.

Таким образом, становление военной безопасности России в СВА в новых конкретно-исторических условиях и частично новыми путями - далеко не закончившийся процесс с пока неясными ближайшими, а тем более отдаленными последствиями для развития международно-политической обстановки в регионе. Пока достаточно очевидно лишь то, что баланс сил не благоприятствует успешному продвижению и реализации ближайших и особенно долгосрочных российских интересов в сфере собственно военной безопасности и в еще большей степени в деле нейтрализации серьезных невоенных угроз суверенитету России. Тем более, что финансово-экономические возможности России значительно уступают возможностям бывшего СССР, и в настоящее время Россия не может обеспечить военный паритет на Дальнем Востоке. Так что основной задачей России остается лишь поддержание такого уровня военного присутствия в регионе, которое обеспечивало бы статус-кво.

Ослабленная на обозримую перспективу оборона российского Дальнего Востока в условиях продолжающейся гонки вооружений в Восточной Азии вызывает чувство неуверенности у местного населения, причем такое, какого не было даже в самые острые периоды советско-китайского конфликта и конфронтации СССР с США и их дальневосточными союзниками. Соответственно осложняется организация переселенческого движения в дальневосточные районы России, всегда находившиеся под угрозой демографического давления со стороны перенаселенных сопредельных государств. Поспешные шаги по глубокой демилитаризации Дальнего Востока, усугубленные скудным финансированием остающихся вооруженных сил, особенно военно-морского флота, значительно уменьшили возможности защиты российских интересов в морских экономических зонах, на океанских транспортных коммуникациях, в приграничных районах. Эти шаги существенно подорвали и без того не очень мощную экономику этой части России, где армия всегда играла важную роль в хозяйственной жизни.

На протяжении нескольких десятилетий с 30-х годов развитие отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока было связано с решением задач обороны на дальневосточных рубежах от угрозы с Востока и оптимального размещения предприятий военно-промышленного комплекса, обеспечивающих потребности вооруженных сил Забайкалья, Дальнего Востока и Тихоокеанского флота и в то же время неуязвимых для ударов обычным оружием с западного направления. Это предопределило сравнительно высокий уровень милитаризации обширного и малонаселенного региона и важную роль предприятий ВПК и непосредственно вооруженных сил в решении хозяйственных задач дальневосточного региона.

Значительная часть инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока (аэродромы, дороги, узлы связи, энергообеспечение) в свое время создавалась

для нужд ВПК и ВС, причем вплоть до настоящего времени эти объекты характеризуются как лучшее из того, чем располагает в этом регионе Россия. Предприятия ВПК Сибири и Дальнего Востока являлись и являются центрами сосредоточения наиболее квалифицированной рабочей силы и передовой технологии. Высокие технологии представлены на предприятиях машиностроения и других отраслей тяжелой промышленности. Поэтому ситуация общего экономического кризиса в России, отсутствие целевой программы конверсии предприятий ВПК и ее плохое финансирование с учетом неблагоприятной демографической ситуации позволяют ставить вопрос об их сохранении и даже преимущественном развитии по сравнению с европейской частью России. Критерием этого является необходимость сохранения количества рабочих мест, поддержание в работоспособном состоянии объектов инфраструктуры и социально-политической стабильности в регионе.

Развитие дальневосточных и сибирских районов России жестко регулировалось из Центра и было в значительной мере подчинено целям стратегического выживания и обеспечения оборонной безопасности государства. Поэтому большинство районов этого региона были закрыты не только для иностранцев, но и для своих собственных граждан. Владивосток был открыт лишь четыре года назад. Закрытость этой огромной территории, составляющей почти 2/3 страны, резко сдерживала развитие экономики и социальной сферы.

К этому следует добавить, что реализация российско-американского соглашения 1993 г. по новому этапу сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) должна была бы привести к повышению роли ВМФ в стратегических ядерных силах России. В сочетании с необходимостью обеспечения экономических интересов России на обширной акватории дальневосточного региона это требует укрепления и развития системы базирования, сил и средств Тихоокеанского флота России в пределах разумной достаточности.

Таким образом, очевидно, что в нынешних условиях внутриполитического и экономического кризиса Россия не может себе позволить шаги, которые может делать благополучное в плане внутренней стабильности государство. Прежде всего, это относится к попыткам как можно быстрее любой ценой включиться в экономическое сотрудничество в СВА, широко открыв двери для внешнего мира в Сибирь и на Дальний Восток. Такая открытость полезна и эффективна только в том случае, когда государство в состоянии определять, устанавливать и жестко контролировать условия сотрудничества как для местных участников, так и для иностранных партнеров. Это можно наблюдать на примере Китая, хотя и для него политика открытости для внешнего мира принесла немало сложных проблем. А в плохо управляемой и переживающей кризисный спад производства стране она породит главным образом проблемы.

Уже сейчас очевидно, что такая открытость, не контролируемая федеральным правительством, будет усиливать региональный эгоизм и сепаратистские тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке, причем не только в тамошних национальных автономиях, но и в административных краях и областях. Эти тенденции усиливаются небывалой бытовой изолированностью дальневосточников от европейской части России, которым легче съездить в Китай или Японию, чем в Москву. Ощущение изолированности также возникает и укрепляется из-за ограниченных возможностей федерального центра своевременно и действительно помогать им в ликвидации разрушительных последствий стихийных бедствий, не говоря уже об экономических проблемах дальневосточников, и в первую очередь, северян. Отсюда готовность местных властей и хозяйственников решать эти проблемы путем развития торговли и экономического сотрудничества со странами СВА. Все это без восстановления

управляемости Сибири и Дальнего Востока из единого центра ведет к полной потере контроля за положением на Дальнем Востоке и расхищению невосполняемых природных богатств России.

В этих условиях вхождение России в систему экономической интеграции в СВА возможно только на пути восстановления управляемости Сибири и Дальнего Востока из федерального центра, в том числе в экономической сфере, включая внешнеэкономические связи. Именно федеральный центр в рамках задач обеспечения безопасности, защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации должен решать вопросы укрепления безопасности восточных районов страны, с которыми связано будущее процветание России, но которые становятся объектами наступления глобальных и региональных держав АТР.

Все эти процессы идут на фоне развития неблагоприятных тенденций в российской политике наших партнеров в СВА, которые выражаются в их неадекватной реакции на наши односторонние акции по разоружению на Дальнем Востоке, в открытом антироссийском взаимодействии США и Японии, например, по вопросу территориальных претензий Японии, в реальной опасности неформального сговора США, Японии, Китая, Южной Кореи с целью подрыва суверенитета России в отношении районов Сибири и Дальнего Востока, и наконец, в жестком геополитическом эгоизме западных партнеров, не признающих прав России на лидирующую роль даже среди стран СНГ. В этих условиях только разумное включение в систему международного экономического сотрудничества в СВА, обеспечиваемое со стороны России из единого федерального центра с передачей части полномочий местным органам власти позволит сохранить существующий экономический потенциал и в дальнейшем способствовать экономическому развитию дальневосточного региона России.

2. Экономическая обстановка в регионе, характеристика глобальных экономических процессов в СВА. Позиция стран региона по вопросам углубления интеграционных процессов, их оценка места России в этих процессах.

В последние десятилетия АТР и прежде всего его восточно-азиатская часть, превратились в наиболее динамично развивающуюся часть мирового хозяйства. Ключевым звеном в механизме стремительного развития восточноазиатских экономик послужило активное использование внешнеэкономических факторов роста в рамках политики экспортной ориентации. В 50-е годы этот курс был взят на вооружение Японией, а с середины 60-х годов - новыми индустриальными странами - Южной Кореей, Сингапуром, Тайванем, Гонконгом. Главным преимуществом экономики стран СВА и НИС было наличие дешевой и достаточно квалифицированной рабочей силы. Поэтому ставка была сделана на развитие тех отраслей промышленности, которые предусматривали высокие удельные затраты живого труда - текстильной промышленности, пошива одежды, производства потребительских товаров, сборки в электронной промышленности.

В условиях неразвитости внутренних рынков не только в Китае, но и в таких традиционно "рыночных" странах как Япония и НИС функцию перераспределения ресурсов в пользу экспортных отраслей взяло на себя государство. Оно, не ограничиваясь проведением соответствующей налоговой и кредитной политики, мерами поощрения экспорта через девальвацию национальной валюты, активно проводило в жизнь систему индикативного планирования, льготного финансирования и предоставления гарантий для импортзамещающих отраслей, а также для отраслей, внедряющих и

развивающих передовые технологии. Наряду с поощрением экспорта государственная политика предусматривала комплекс мер по защите внутреннего рынка страны. Иностраный капитал привлекался в основном в приоритетные экспортные отрасли, тогда как его деятельность в импортзамещающих отраслях жестко регламентировалась.

На рубеже 80-90-х годов период стабильного бескризисного роста мировой экономики сменился циклическим спадом, за которым последовало неустойчивое оживление. В 1992 г. прирост ВВП в 24 странах-членах ОЭСР составил только 1,5%. В то же время такие страны СВА, как КНР и Республика Корея, сумели сохранить высокие показатели роста и в условиях общего мирового застоя. Например, прирост ВВП в КНР в 1992 г. составил 12,0%, в 1993 г. - 10,1%; в Южной Корее - в 1992 г. составил 4,4%, в 1993 г. - 6,4%. Аналогичные высокие показатели для этого периода были характерны для таких стран как Гонконг, Сингапур, Тайвань. В то же время в России объем ВВП снизился и в абсолютном выражении: в 1992 г. на 19,0%, в 1993 г. на 15,0%.

В целом сохранение высоких показателей экономического роста стран СВА будет способствовать усилению роли региона в мировой экономике. Ожидается, что к 2000 г. доля Восточной Азии в мировом ВВП увеличится до 1/4. Согласно большинству прогнозов, к началу нового тысячелетия в мировой экономике будут доминировать три примерно равные по силам экономические группировки - североамериканская, восточноазиатская (Япония, НИС и страны АСЕАН) и европейская, две из которых будут представлять тихоокеанский бассейн.

Безусловными лидерами региона остаются США и Япония. На них приходится более 80% совокупного ВВП всего Тихоокеанского бассейна. Основу экономической мощи обеих стран составляют технологическое превосходство, емкие внутренние рынки и эффективные механизмы накопления капиталов. При значительном отрыве от других стран между США и Японией происходит достаточно быстрое изменение сил. Если в начале 60-х годов ВВП Японии составлял менее 10% американского уровня, то в настоящее время - около 60%. По уровню ВВП на душу населения Япония в 1987 г. обогнала США и ожидается, что к 2000 г. она будет опережать по этому параметру США уже на 20%.

Для экономики Южной Кореи в целом характерны те же проблемы, что и для НИС. Постепенно в структуре экспорта этих стран будет происходить рост доли высокотехнологичных товаров. Однако по-прежнему самым слабым местом экономики НИС является слабая обеспеченность природными ресурсами. Кроме того, большой проблемой является дальнейшее повышение технологического уровня производства из-за неразвитости базы фундаментальных наук и отставания по размерам ассигнований на НИОКР от США и стран Запада. В то же время по мере экономического прогресса рынок НИС становится все более емким, что способствует расширению экспортных поставок в эти страны. Нельзя забывать и то, что НИС обладают богатыми инвестиционными возможностями. Например, только один Тайвань в настоящее время занимает первое место в мире по общему объему свободных средств для осуществления инвестиций - 80 млрд. ам. долл.

Включение экономики КНР в систему мирохозяйственных связей в настоящее время происходит за счет развития трудоемких отраслей, продукция которых, особенно текстиль, является достаточно конкурентоспособной на мировом рынке. Кроме того, Китай располагает большими запасами полезных ископаемых, что повышает заинтересованность бедных природными ресурсами стран в сотрудничестве с ним. Огромная численность населения Китая делает его самым перспективным экспортным рынком мира. Помимо производства,

основанного на малоквалифицированном и неквалифицированном труде, в 50-е годы была заложена мощная база тяжелой индустрии, ныне нуждающаяся в технологической модернизации. Кроме того, страна обладает научно-исследовательской базой, обеспечившей прорывы мирового значения на отдельных направлениях научно-технического прогресса (в космической промышленности, спутниковой связи, электронике и т.д.). Слабыми местами китайской экономики является нехватка капитальных ресурсов и современных технологий, доведенных до массового уровня.

Что касается России, то в настоящее время одной из наиболее трудных задач является ее включение в систему мирохозяйственных связей. Безусловно, одним из основных преимуществ российского рынка является высокая степень обеспеченности российского Дальнего Востока природными ресурсами. Однако упор на отраслевую специализацию экспорта и импорт продукции обрабатывающей промышленности ставит Россию в зависимое положение от других стран.

Таким образом, выдвижение концепций регионализма в Северо-Восточной Азии обусловили следующие объективные долгосрочные факторы экономического порядка: 1) крупные сдвиги в экономике стран СВА; 2) качественные структурные сдвиги, обеспечившие рост доли промышленного производства СВА в мировом производстве, и концентрация наукоемких отраслей; 3) превращение стран СВА в важную сферу накопления капитала и источник избыточного капитала для международного инвестирования; 4) усиление интернализации хозяйственной деятельности стран СВА.

Основой экономического сотрудничества в СВА являются прежде всего торговые связи между Японией и КНР, Японией, Южной Кореей и другими НИС, КНР и Южной Кореей, на долю которых приходится около половины товарооборота стран СВА. В последнее время в качестве фактора объединительных процессов в СВА называются и углубляющиеся торгово-экономические отношения между Россией и КНР.

В целом при всей разноречивости явлений международной экономической жизни региона можно говорить о начале процессов хозяйственного сближения стран региона, интенсификации взаимного экономического сотрудничества, в том числе и на многосторонней основе.

3. Перспективы развития экономики и внешнеэкономических связей Китая, Республики Кореи и Японии.

В общем объеме экспорта и импорта в СВА доля таких стран, как КНР, Япония, Республика Корея, достаточно высока и составляет в настоящее время около 80% всего торгового оборота СВА. Поэтому перспективы развития внешнеэкономических связей в СВА будут во многом определяться особенностями развития экономики и внешнеэкономических связей этих стран.

а) Китай. Для Китая наиболее серьезными ограничителями экономического роста являются такие застарелые "узкие места" экономики, как чрезмерно высокая энерго- и материалоемкость отечественного производства, отставание от потребностей народного хозяйства электроэнергетики и транспорта, нарастающее ухудшение экологической ситуации. Наиболее труднопреодолимыми факторами негативного характера выступают ограниченность пахотных площадей страны, усугубляющаяся в связи с ростом населения и возрастающим изъятием сельскохозяйственных угодий на несельскохозяйственные цели, и наличие большого количества трудоизбыточного населения, особенно в сельской местности. Развитие волостно-поселковых предприятий, которые являются главной сферой поглощения сельской рабочей

силы, в приморских районах Восточного Китая уже близко к предельно допустимому.

Вместе с тем, в перспективе сохраняется и действие факторов, благоприятствующих достаточно высоким темпам экономического роста Китая: хорошая обеспеченность большинством видов полезных ископаемых (за исключением меди и нефти), большой инвестиционный задел второй половины 80-х - начала 90-х годов, крупномасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций (26 млрд.долл. в 1993 г. - второе место в мире после США), все более активное вовлечение экономики страны в систему мирохозяйственных связей с включением КНР во внутриотраслевое разделение труда с Тайванем, Гонконгом и Южной Кореей.

По-прежнему важным фактором экономического роста КНР остается потенциал реформы хозяйственной системы. Если в 80-е годы главным стимулятором экономического развития были такие преобразования, как внедрение семейного подряда в деревне, расширение хозяйственных прав отдельных административных единиц и предприятий, развитие индивидуального и частного сектора (вместе с государственным сектором, а не вместо него), то в 90-х годах на первый план выходят такие мероприятия, как реформа банковской сферы и преобразование государственных предприятий в акционерные общества и товарищества различных типов.

Новый этап структурной перестройки народного хозяйства КНР в соответствии с принятой в 1994 г. Госсоветом КНР программой предусматривает ограничение дальнейшего развития производства, ориентированного на импортное сырье, введение нижних лимитов мощностей строящихся предприятий, поощрение экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичных изделий и снижение экспорта товаров с высокой долей энергозатрат. Намечаемая структурная перестройка будет вести к улучшению качества экономического роста Китая, к обострению конкуренции на китайском рынке экспортеров всего спектра машин и оборудования, бытовой техники, телекоммуникаций.

По данным китайской печати, в стране уже намечены основные народнохозяйственные показатели 9-го пятилетнего плана на 1995-2000 гг. и программы развития до 2010 года. Среднегодовой прирост ВВП на вторую половину 90-х годов определен в 8,5%, а на следующее десятилетие - в 7,5%. Есть также намерение заметно снизить среднегодовые темпы прироста инвестиций в основные фонды - до 9,1% на 1995-2000 гг. и до 7,6% на период 2001-2010 гг (для сравнения - в 1986-1995 гг. они составили в среднем 17,5%). Хотя модернизация КНР будет осуществляться все еще выборочно, экономика страны укрепит свой статус одной из крупнейших в мире и по такому показателю, как валовой внутренний продукт, КНР, по оценкам экспертов, должна выйти на третье, а может быть и на второе место в мире.

В 1994 г. объем внешней торговли КНР составил 236 млрд.долл. (по этому показателю Китай занимает 11-е место в мире). Стремление Китая сделать все возможное для вступления в ГАТТ и стать одним из государств-учредителей Всемирной торговой организации обусловило кардинальное сокращение им в последние два года уровня импортных таможенных пошлин и резкое сокращение списка товаров, подпадающих под нетарифные ограничения. В результате Китай ориентируется на существенное расширение своей импортной программы, которая предусматривает к 2000 г. довести общий объем импорта до 1000 млрд.долл., увеличивая его в среднем на 143 млрд.долл. в год.

КНР стремится к диверсификации внешней торговли, полагая недостаточным свое присутствие на рынках Африки и Латинской Америки. В то же время следует реально ожидать дальнейшего увеличения доли Азии во

внешнеторговом обороте Китая, причем доля Гонконга будет падать, а удельный вес Тайваня, Республики Корея и стран АСЕАН - расти. Маловероятно, чтобы Россия могла рассчитывать на заметное продвижение вверх с 7-го места в ряду торговых партнеров Китая и на заметный рост своей доли во внешней торговле КНР. В 1992-1993 гг. были достигнуты "пиковые" показатели, которые вряд ли удастся превзойти из-за более медленной динамики роста внешней торговли России по сравнению с Китаем, усложнения процедуры приграничной и "челночной" торговли и, главное, из-за малого объема взаимных инвестиций.

КНР предполагает и далее наращивать объем привлекаемых прямых зарубежных инвестиций, видя в создании предприятий с участием иностранного капитала наиболее эффективный и дешевый способ освоения передовых технологий. Например, Китай ныне удовлетворяет свои потребности в станках с числовым программным управлением на 20% по объему и на 40% по типу. Намечается через создание совместных предприятий в данной сфере довести долю отечественных станков до 70% в 2000 г. и до 80% в 2010 г.

Все более отчетливо просматривается стремление Китая активизировать создание совместных предприятий с китайским капиталом в других странах. Ныне китайские инвестиции за рубежом составляют всего 0,2% мирового объема - КНР инвестировала 5,2 млрд.долл. в примерно 4500 предприятий, в то время как все мировые зарубежные инвестиции составляют 1600 млрд.долл.

б) Республика Корея. До 2000 года экономика Южной Кореи сохранит достаточно высокие темпы экономического развития. Предполагается, что во второй половине 90-х годов прирост ВВП будет составлять примерно 7% в год, в том числе в 1995-1997 гг. - 7-8% в год, в 1997-2000 гг. - 5-7% в год.

К концу столетия ожидаются определенные изменения в структуре ВВП за счет интенсивного использования современных технологий, повышения собственного научно-технического потенциала и интернационализации и глобализации национальной экономики. Вырастет доля обрабатывающей промышленности за счет сокращения сельского и лесного хозяйства и рыболовства.

Во второй половине 90-х годов существенно изменится отраслевая структура обрабатывающей промышленности. Уменьшится удельный вес производства текстиля, одежды, продукции лесной и резино-технической индустрии, возрастет доля машиностроительной, химической, электронной и электротехнической промышленности. Наиболее динамично будут развиваться электронная и электротехническая промышленность, и, прежде всего, производство электронно-вычислительной техники, электронных компонентов, телекоммуникационного оборудования и бытовой электротехники. Высокие темпы прироста ожидаются в косметической, нефтехимической и фармацевтической промышленности.

Экономическое развитие Южной Кореи сохранит ярко выраженную экспортную направленность. Среднегодовой темп прироста экспорта в 1991-1995 гг. составит 8,9%, а в 1996-2000 гг. - 8,3%. По стоимости экспорта к концу 90-х годов Южная Корея войдет в десятку крупнейших мировых экспортеров.

В экспорте Южной Кореи в ближайшие годы будет преобладать продукция обрабатывающей промышленности, удельный вес которой сохранится на уровне 90%. Дальнейшее развитие получит тенденция к изменению структуры экспортных операций, что связано главным образом с ростом наукоемкой продукции. По оценкам, на мировом рынке наукоемких изделий удельный вес продукции южнокорейских фирм может увеличиться с 1,4% в 1987 г. до 2,3% в 1994 г. и до 3,2% в 2000 г.

Основным рынком сбыта южнокорейских товаров останутся промышленно развитые страны. К 1995 г. на долю США будет приходиться 25%

экспорта Южной Кореи, Японии - 20%, на европейские страны - 10%, страны АСЕАН - 9%. Сохранится тенденция к переориентации экспорта с США на страны Западной Европы и Японию. Быстрыми темпами будет расти экспорт в Россию, КНР и другие бывшие социалистические страны.

Импорт Южной Кореи будет развиваться медленнее экспорта. Среднегодовые темпы импорта в 1991-1995 гг. составят 4,5%, в 1996-2000 гг. - 2,6%. Стоимостной объем ввоза вырастет с 82 млрд.долл. в 1991 г. до 100 млрд.долл. к 1995 г.

При импорте продукции машиностроения приоритет будет отдаваться современной технике и технологии. Ожидается повышенный спрос на электронное и электротехническое, нефтехимическое, аэрокосмическое оборудование, крупную строительную технику. Стоимость импорта машин и оборудования к 2000 г. увеличится до 40-45 млрд.долл., а доля продукции машиностроения в импорте составит 40-45%.

в) Япония. Начало 90-х годов ознаменовалось для Японии завершением периода, характеризовавшегося высокими темпами прироста ВВП страны. За 1985-1991 гг. этот показатель вырос с 324 трлн.йен до 455 трлн.йен (или в 1,4 раза). Однако эти темпы прироста ВВП не могли держаться долгое время, поскольку они были обусловлены чисто внешними искусственными факторами, такими, как ценовой бум на рынке недвижимости и повышение курса йены по отношению к доллару, связанное больше с политическими, нежели экономическими причинами.

В 1992-1993 гг. экономика страны вступила в состояние спада. В эти годы прирост ВВП Японии падал не менее, чем на 1% в год. Это было вызвано глубоким падением активности в отдельных отраслях экономики, в первую очередь производящих. В 1992 г. наметилась тенденция к уменьшению количества промышленных предприятий в стране и численности занятого на них персонала. По мнению многих экспертов, главной причиной спада в экономике страны является не столько кризис перепроизводства, сколько структурно-перестроечные факторы. Хотя конкретным толчком, стимулировавшим экономический спад, явились двукратное падение курса акций на Токийской фондовой бирже в 1992 г. и одновременное снижение цен на недвижимость, главными и долго действующими его причинами стала дороговизна рабочей силы, повышенные экологические требования к предприятиям, отдаленность источников сырья и энергии, что привело к удорожанию отечественной продукции и к оттоку японского капитала в виде инвестиций в Восточную Азию, ЮВА, Латинскую Америку и т.п.

Произошло перемещение за пределы страны тех видов производств, которые связаны с начальной и завершающей стадиями полного цикла изготовления продукции. В самой Японии наблюдается снижение объемов переработки многих видов сырья, в частности, выплавки алюминия и сурьмы. Все больше перемещается за границу всевозможных сборочных предприятий, принадлежащих японскому капиталу. В первом случае главным стимулом являются соображения экологии, стоимости рабочей силы и необходимость приближения к источникам сырья и энергии. Во втором случае - помимо дешевизны рабочей силы - либерализация во многих развитых странах таможенного режима в отношении готовой продукции из развивающихся стран и НИС.

Тем не менее, по-прежнему Япония оставляет за собой производство высокотехнологичных комплектующих изделий обрабатывающей промышленности. Это обусловлено такими причинами, как невозможность наладить выпуск таких изделий без самого совершенного оборудования и рабочей силы высокой квалификации, наибольшей прибыльностью из всех

отраслей производства, его низкой материалоемкостью и энергоемкостью и экологической чистотой, и, наконец, его особой ролью во всем цикле создания готовой продукции, возможностью с его помощью контролировать своих экономических партнеров. При этом многие японские специалисты считают, что в будущем сохранится такая тенденция развития производства полуфабрикатов и сборочных процессов.

Однако спад производственной активности на японских островах не сопровождался повышением производственной активности на внешних инвестиционных рынках. В сфере прямых зарубежных инвестиций спад начался немного раньше, чем в производстве. Начиная с 1989 г., ежегодные объемы японских прямых зарубежных инвестиций стали снижаться. Если в 1990 г. этот показатель составил 56,9 млрд.долл., то в 1991 г. - 44,6 млрд.долл., а в 1992 г. - 34,1 млрд.долл.

Тем не менее, в целом структурная перестройка дает возможность Японии более тесно, чем раньше, интегрироваться в систему мирохозяйственных связей, а следовательно, и темпы экономического развития страны должны снижаться и будут соответствовать среднемировым.

Раздел 3. Партнеры и сферы сотрудничества.

1. Современное состояние экономики и внешнеэкономических связей Дальнего Востока, тенденции и варианты их развития.

Дальневосточный экономический район (ДВЭР) является одним из богатейших регионов России по наличию в нем природных ресурсов. В начале 90-х годов на ДВЭР приходилось 30% производства российской древесины, 7,3% - природного газа, 5,5% - железной руды, 5,2% каменного угля, а добывающие отрасли промышленности дают 29% общего объема товарной продукции России.

Однако в 90-е годы социально-экономическая ситуация на Дальнем Востоке стала неуклонно ухудшаться. Прежде всего это выразилось в ежегодном падении объемов производства промышленной продукции. Хотя в целом падение производства на Дальнем Востоке было не столь стремительным, как в целом по России (например, в 1993 году на Дальнем Востоке объем производства составил 68,7% уровня 1990 года, в то время как по России аналогичный показатель достиг лишь 62,6%), по базовым областям региона, таким, как Приморский и Хабаровский край, темпы падения промышленного производства в 90-х годах шли по нарастающей. Кроме того, доля убыточных предприятий на Дальнем Востоке (28,5% в 1993 г.) значительно выше, чем в других регионах России, что, по всей видимости, в значительной степени связано с большими транспортными издержками, а инвестиционная активность низка не только по сравнению с концом 80-х годов, но и сравнительно с общероссийскими показателями 1992-1993 гг. (снижение объема капиталовложений в 1993 г. по России составило 15%, а по ДВЭР - 30%).

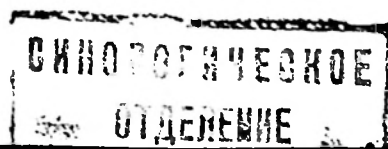
Российский экспорт носит сырьевой характер: на внешний рынок поставляются главным образом черные и цветные металлы, лес, рыба. При этом темпы прироста экспорта в ДВЭР стали заметно опережать общероссийские показатели, несмотря на значительное сокращение промышленного производства и капитальных вложений. Например, в 1993 г. увеличение экспорта в целом по России составило 1,4% по сравнению с предыдущим годом, а по Дальнему Востоку - 18,4%. Таким образом, ДВЭР намного быстрее, чем Россия в целом, становится сырьевым придатком тихоокеанской экономики, и, в первую очередь, стран США.

При этом происходят заметные изменения в географической структуре торговли ДВЭР. Доля КНР в экспорте ДВЭР увеличилась с 27,3% в 1992 г. до 33,6% в 1993 г., в то время как удельный вес Японии сохранился на уровне 46%, а доля США и Южной Кореи снизилась. В то же время в структуре импорта произошло снижение доли Японии с 19,4% в 1992 г. до 18,3% в 1993 г. и Южной Кореи с 11,7% до 5,6% при сохранении доли КНР на уровне 47,5-47,8% и увеличении доли США до 7,5%. При этом в Якутии и Амурской области доля Китая и Японии во внешнеторговом обороте является преобладающей, а объем экспорта в КНР по Приморскому и Хабаровскому краю за последние два года увеличивался уже не на проценты, а многократно. При этом доходы от внешнеторговой деятельности не обеспечивают необходимого притока капиталовложений в экономику ДВЭР после гайдаровской либерализации цен из-за высоких темпов инфляции, продолжающегося падения курса рубля по отношению к американскому доллару и высоких ставок таможенных пошлин.

Как следствие ухудшения экономического положения на Дальнем Востоке, в 90-х годах стало уменьшаться и без того малочисленное население российского Дальнего Востока. По состоянию на 1993 год, общая численность населения Дальнего Востока составляла 7,9 млн. человек, что значительно ниже, чем в любой из соседних провинций Северо-Востока КНР (пров. Хэйлунцзян - 36,1 млн. чел., пров. Цзилинь - 25,3 млн. чел., пров. Ляонин - 40,2 млн. чел. по данным 1992 г.). Причем в 80-е годы темпы прироста населения на Дальнем Востоке, хотя и были относительно невысокими - 1,6% в 1981-1985 гг. и 1,2% в 1986-1990 гг., все же были заметно выше, чем в среднем по России - 0,7% за аналогичные периоды. В 90-е годы началось уменьшение численности населения - на 0,3% в 1991 г. и на 1,7% в 1992 г., в то время как российские показатели - рост на 0,1% в 1991 г. и снижение на 0,1% в 1992 г.

Уже 80-е годы стала прослеживаться тенденция к уменьшению доли миграции в общем приросте численности населения. С 1989 г. появилось отрицательное сальдо миграции для Амурской и Магаданской областей, с 1990 г. - для Якутии и Хабаровского края. С 1992 г. миграция населения стала способствовать оттоку населения с Дальнего Востока, а в 1993 г. отток населения превысил естественный прирост на 24 тыс. человек. Из региона мигрировало населения в 6,9 раз больше, чем в предшествующем году - 66,1 тыс. человек. Резко возросла интенсивность миграции. Если в 1991 г. на 10000 чел., проживавших на Дальнем Востоке, отток составлял 12 чел., то в 1992 г. - 56 чел.

Новым для Дальнего Востока явлением можно считать появление безработицы при фактической нехватке рабочей силы. В последние несколько лет ряд крупных предприятий государственного сектора в Хабаровске, Амурске, Комсомольске-на-Амуре остановили работу. В 1993 г. количество безработных выросло в 11,6 раз при сокращении потребности в рабочей силе на 58,8%, хотя уровень безработицы пока остается относительно невысоким: 0,5% при среднероссийском показателе - 0,7% и на Сахалине - 1,4%. Безработица носит структурный характер: безработными становятся более квалифицированные кадры - лица с высшим и средним специальным образованием и рабочие высокой квалификации, для которых просто найти новое место работы по специальности, в то время как остаются вакантными рабочие места с тяжелыми и вредными условиями труда, которые не требуют высокого уровня образования. В настоящее время в ДВЭР большое число вакантных рабочих мест имеется в основном на предприятиях государственного сектора, где требуются профессии строителя, электрика, токаря, водителя, грузчика, монтажника, овощевода, то

есть профессии, которые имеются у трудоизбыточной рабочей силы на сопредельной территории - в КНР.

Тем не менее, Дальний Восток является наиболее перспективным для сотрудничества со странами АТР регионом России. Внешнеэкономические связи имеют особое значение для его экономического развития. Во-первых, он находится намного дальше от основных промышленных центров России, чем от некоторых быстро развивающихся стран АТР. Поэтому внешнеэкономические связи со странами этого региона, и прежде всего со странами СВА, для российского Дальнего Востока могут быть более привлекательными, чем экономические связи с другими регионами России. Например, транспортные расходы по перевозке одной тонны продукции из Японии на Дальний Восток в 3-5 раз ниже, чем из европейской части России. Во-вторых, дальневосточная экономика связана с остальной частью национальной экономики через межсекторальный обмен, а не через кооперацию производства технологически связанной продукции. В-третьих, структура производства и потребления на российском Дальнем Востоке и в ряде стран АТР в большинстве случаев взаимодополняема.

С 1992 г. дальневосточный регион получил больше самостоятельности в распоряжении собственной продукцией. Внешнеэкономическая деятельность была либерализована, экспортная квота региона сокращена. Это позволило легче переориентировать внешние связи региона и устанавливать прямые контакты со странами АТР, и прежде всего со странами СВА. Были внесены и существенные изменения в механизм регулирования торговых отношений на Дальнем Востоке:

- международные экономические соглашения стали подписываться на региональном уровне;

- долгосрочные международные экономические соглашения подписываются на уровне предприятий;

- созданы различные органы для регулирования двусторонних связей между дальневосточным регионом и иностранными государствами (например, Комитет по экономическому сотрудничеству Республики Корея и российского Дальнего Востока);

- создана сеть представительств иностранного бизнеса на Дальнем Востоке России;

- в регионе открыты генеральные консульства соседних стран (Японии, США, Республики Корея, КНР и т.д.);

- иностранным инвесторам разрешено участие в приватизации муниципальной собственности в ряде крупных городов российского Дальнего Востока (Владивосток, Находка и т.д.);

- в Хабаровском и Приморском краях созданы местные коммерческие банки, обслуживающие внешнеторговые операции.

С одной стороны, все эти изменения способствуют созданию более благоприятных условий для интеграции российского Дальнего Востока в свободный экономический обмен товарами, капиталами и рабочей силой в регионе. Но с другой стороны, они заметно ослабили возможности центральной власти регулировать экономические процессы на Дальнем Востоке и способствовали усилению сепаратистских тенденций среди местного руководства.

В настоящее время основной формой сотрудничества со странами СВА является его простейшая форма - внешняя торговля. Номенклатура экспорта Дальнего Востока включает довольно широкий круг товаров (более 100 наименований). Однако 80-85% стоимости экспорта приходится на продукцию всего лишь трех отраслей промышленности - лесной, рыбной и топливной.

Дальневосточный экспорт в основном состоит из сырьевых материалов, что оказывает неблагоприятное воздействие на экономическое развитие региона.

Тенденции развития структуры экспорта дальневосточных регионов противоречат тенденциям, существующим в экспортной политике стран АТР в целом, где наиболее динамично развивается экспорт продукции машиностроения, оборудования и комплектующих изделий. В настоящее время рост экспорта дальневосточного региона в основном обеспечивается динамичным развитием коммерческих связей на низовом уровне.

Резкая переориентация на внешний рынок, сопровождающаяся децентрализацией и либерализацией внешнеэкономических связей, объясняется главным образом несоответствием цен на одну и ту же продукцию в России и за рубежом, хотя постепенно в результате падения курса рубля внутренние цены на потребительские товары уже превзошли внешние, а внутренние оптовые цены на сырье и материалы также быстро приближаются к мировым. При этом многие экспортеры зачастую заинтересованы в том, чтобы продать свой товар за рубеж по демпинговым ценам.

Рост дальневосточного экспорта происходит на фоне упадка или стагнации ряда отраслей промышленности (топливной, деревообрабатывающей, рыбной и химической). Экспорт растет за счет недопоставок на внутренний рынок, где за последние годы резко уменьшился платежеспособный спрос со стороны как юридических, так и физических лиц. Источником значительной части доходов от регионального экспорта служила продажа продукции приватизированных государственных и прежде всего военных предприятий (особенно грузовиков), а также реэкспорт машин, оборудования, химических удобрений, ввозимых из других регионов России. Подобная торговая структура мало способствовала улучшению отраслевой структуры экономики региона и повышению ее эффективности.

Для дальневосточного импорта характерны аналогичные проблемы. С одной стороны, увеличивающийся импорт помогает наполнить внутренний рынок потребительскими товарами и продовольствием. С другой стороны, эти импортные потребительские товары далеко не всегда распределялись внутри региона, а перепродавались в западные районы. Полученная валюта часто использовалась местными властями не по назначению: шла на заграничные поездки, на покупку дорогих иностранных автомобилей, а зачастую вообще оставалась на зарубежных банковских счетах и не использовалась в качестве первоначального авансированного капитала для развития производства.

В результате доля машин и оборудования в прямом импорте Приморского и Хабаровского краев составляла всего 15-20%, то есть была в 2-2,5 раза меньше, чем в среднем по России. В районах с менее развитой промышленностью (Сахалинской и Амурской области) этот показатель составил всего 1-3%. Вместе с тем главными получателями машин и оборудования на Дальнем Востоке являются сырьевая и добывающая промышленность. Например, доля машин и оборудования, импортируемых лесной промышленностью Дальнего Востока, составляет 70%, деревообрабатывающей - 30%, а для машиностроения - всего 6%.

Таким образом, внешняя торговля пока еще не может служить инструментом качественного изменения производственной структуры дальневосточного региона страны и превращения ее в конкурентоспособную на мировом рынке.

В этом плане большие надежды возлагались на создание совместных предприятий, чтобы, используя технологии, производственные связи на внешнем рынке и авторитет партнеров в деловом мире, найти свои товарные ниши на мировом рынке в целом и на рынке АТР, в частности. После того, как в 1992 г. местные власти получили разрешение создавать СП с уставным капиталом до 100 млн. рублей, в регионе значительно выросло число предприятий с

иностранным участием. На начало 1994 г. было зарегистрировано более 1500 предприятий с иностранными инвестициями, причем более 90% из них пришлось на южную зону Дальнего Востока и Сахалинскую область.

В настоящее время большую часть СП составляют предприятия с участием инвесторов из КНР (около 40% их общего количества). На 2-м месте находится Япония - 15,5% зарегистрированных предприятий. Основной сферой деятельности этих предприятий является внешняя торговля, а не производство, что в конечном счете выливается в тот же обмен невосполнимых природных ресурсов на потребительские товары, причем зачастую низкого качества.

В целом пока еще сохраняющаяся экономическая и политическая нестабильность в регионе не создает необходимых условий для привлечения иностранного капитала. Созданию благоприятного инвестиционного климата препятствует также нестабильность российского законодательства, в соответствии с которым изменяются налоговые льготы и таможенный режим для СП. Поэтому средства вкладываются не в сферу производства, а в сферу обращения - услуги, внешнюю торговлю, посреднические операции, что по большому счету не способствует скорейшей интеграции экономики российского Дальнего Востока в мирохозяйственные связи АТР.

2. Возможности использования торгово-экономических отношений с отдельными странами для подъема районов Сибири и Дальнего Востока.

а) Китай. КНР проявляет большую заинтересованность в развитии более тесных экономических отношений с приграничными регионами России. Важным элементом стратегии экономического развития Китая в 80-х годах было обеспечение максимально благоприятных условий для иностранных капиталовложений в приморских районах страны, которые располагают развитой индустриальной базой, разветвленной транспортной системой, избыточной рабочей силой, выгодно расположены и в силу этих обстоятельств имеют реальные возможности быстрее и полнее использовать преимущества от включения в мирохозяйственные связи. Это дало мощный толчок экономическому развитию приморских провинций, но одновременно увеличило их разрыв с внутренними районами КНР. Распространение льготных условий инвестирования иностранного капитала на внутренние провинции (прежде всего на пограничные с Россией провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, автономный район Внутренняя Монголия) и формирование "северного пояса открытости" запустило механизм их ускоренного экономического развития, способствовало сглаживанию межрегиональных диспропорций и вовлечению всего Китая в мировую торговлю.

Это обстоятельство имеет для России немаловажное значение. Во-первых, в последние несколько лет доля приграничной торговли в общем объеме российско-китайского товарооборота постоянно росла и в 1993 г. достигла 35%, поэтому процессы, идущие в этом регионе, оказывают большое влияние на характер торгово-экономических отношений России и Китая в целом. Во-вторых, соотношение экономических потенциалов Дальнего Востока и приграничных областей КНР и сейчас складывается не в пользу России, а в дальнейшем, учитывая быстрое наращивание экономической мощи КНР и продолжающийся кризис в российской экономике, разрыв в уровнях экономического развития сопредельных территорий двух стран еще более возрастет. И в этих условиях вовлечение дальневосточных районов России в сферу притяжения КНР может иметь серьезные последствия, в том числе политического характера.

Развивая сотрудничество с Китаем, Дальний Восток решает ряд насущных проблем. Прежде всего, импорт из КНР потребительских товаров помогает сбалансировать спрос и предложение на региональном рынке. КНР является также важным (вторым по значению после Японии) рынком сбыта дальневосточной промышленной продукции, неконкурентоспособной в европейской части России из-за удорожающих ее высоких транспортных издержек. Если в 1990 г. в Китай направлялось 17% объема экспортной продукции региона, то в 1992 г. - 27%, а в 1993 г. - 34%. В ряде случаев поставки в Китай остаются единственной альтернативой для поддержания объемов выпуска продукции и уровня занятости населения. В целом возможности стимулирования экономического роста Дальнего Востока, предоставляемые развитием российско-китайского сотрудничества, используются далеко не лучшим образом и отнюдь не исчерпываются перечисленными.

Торговые отношения, основная форма российско-китайского регионального сотрудничества, нуждаются в корректировке. Сложившаяся модель товарообмена - бартерные операции с российским сырьем и китайскими потребительскими товарами - в значительной степени изжила себя. Дальнейшее наращивание объемов российского экспорта в Китай не может осуществляться за счет увеличения поставок сырьевых товаров, принимая во внимание ограниченность экспортных сырьевых ресурсов России, быстрое сближение цен на них с ценами мирового рынка и предпринятые недавно меры по контролю за их экспортом. Очевидно также, что российский рынок близок к насыщению китайскими потребительскими и продовольственными товарами, и они уже не могут рассматриваться как существенный резерв расширения российского импорта из КНР. Поэтому обе стороны должны прилагать усилия к тому, чтобы возможно больше диверсифицировать товарную структуру взаимной торговли.

Если же говорить об перспективных направлениях двустороннего экономического сотрудничества, то следует отметить, что в настоящее время и для российской, и для китайской стороны очевидна необходимость перехода от уже исчерпавшего свои резервы экстенсивного развития двусторонних отношений преимущественно в виде простого товарообмена к обеспечивающим более глубокое хозяйственное взаимодействие формам сотрудничества. К их числу, в частности, относится взаимное инвестирование предпринимательского капитала. Пока этот процесс не получил заметного развития, прежде всего из-за недостаточной стабильности политической и экономической ситуации в России, несовершенства российского инвестиционного законодательства, нерациональности налоговой системы, дефицита свободного российского предпринимательского капитала. В будущем же инвестиционное сотрудничество может стать одной из основных форм двусторонних экономических отношений.

Дальневосточные предприятия могли бы принять участие в реализации ряда осуществляемых Китаем общенациональных отраслевых и региональных инвестиционных программ, подобных строительству атомной электростанции в провинции Ляонин, по которому уже достигнута договоренность о сотрудничестве. Возможно также оказание содействия в реконструкции и модернизации промышленных объектов, построенных в 50-е годы при технической помощи бывшего СССР, причем не только с технической, но и с финансовой стороны, путем капитализации части стоимости экспорта (ее использования в качестве вклада в создание в КНР совместных и чисто российских предприятий, для покупки акций китайских предприятий).

Китай, в свою очередь, мог бы подключить свои финансовые и материально-технические ресурсы к конверсии российского оборонного комплекса и промышленному освоению передовых российских технических разработок в области энергетики, аэрокосмической техники, программного

обеспечения, биотехнологии, медицины и др. В ряде случаев (при недостатке финансовых средств, отдельных технологий и видов оборудования и в целях повышения качественного уровня продукции) к созданию подобных совместных производств могут быть привлечены партнеры из третьих стран, заинтересованные в получении конечной продукции.

Большой экономический эффект может обеспечить и развитие производственной кооперации между предприятиями России и Китая, в том числе переработка давальческого сырья, сборка готовой продукции, производство товаров по образцам и т.д.

Однако следует отметить, что экономическое сотрудничество с КНР может оказать стимулирующее влияние на развитие экономического комплекса Дальнего Востока лишь в том случае, если оно будет осуществляться в соответствии с избранной системой приоритетов. В настоящее время Россия занимает пассивную позицию при определении перспективных сфер экономического взаимодействия с Китаем, предоставляя китайским партнерам возможность самим выбирать наиболее выгодные для них области сотрудничества, а как показывает практика, это далеко не всегда отвечает интересам России, пример чему - рост сырьевого экспорта. Между тем на Дальнем Востоке, например, более целесообразно было бы сосредоточить основные усилия на поддержке тех секторов региональной экономики, которые могут обеспечить реализацию его сравнительных преимуществ, послужить фундаментом для наращивания экономического потенциала региона и тем самым предотвратить уже наметившееся превращение Дальнего Востока в сырьевой придаток стран Северо-Восточной Азии и рынок сбыта их дешесвых и низкокачественных товаров.

Ключевыми секторами экономики региона, в которые в первую очередь должен вкладываться иностранный капитал, являются экспортные производства (лесная, рыбная промышленность, цветная металлургия), транспортная инфраструктура экспортного направления, производства сырьевого сектора экономики при условии их модернизации, конверсионные предприятия оборонной промышленности.

Сфера предпочтений китайских инвесторов также уже определилась: легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство, торговля, покупка и аренда недвижимости, освоение природных ресурсов, конверсионные отрасли промышленности. Таким образом, по последним двум пунктам интересы КНР совпадают с потребностями развития региональной экономики, что является реальной базой для сотрудничества. Вместе с тем следует иметь в виду, что реализация проектов в этих двух сферах экономики требует крупных капиталовложений, поэтому на первый план выходит проблема их финансирования.

Финансирование наиболее эффективных капиталоемких проектов можно осуществлять и на двусторонней основе, с помощью совместного российско-китайского банка. Банк может функционировать самостоятельно либо в составе специально созданной Российско-Китайской инвестиционной корпорации, призванной разрабатывать и реализовывать совместные проекты, оказывать содействие выходу СП на мировой рынок с конкурентной продукцией, осуществлять маркетинговые исследования и т.д.

Государственное финансирование развития внешнеэкономических связей особенно важно на этапе реформирования экономики. По мере отладки рыночных механизмов регулирования воспроизводственных процессов на первый план в развитии сотрудничества с Китаем выйдут коммерческие структуры. Как показывает опыт КНР, их подключение к решению проблемы наращивания экспортного потенциала страны весьма действенно: свыше 90% инвестиций в

строительство бурно развивающейся зоны свободной торговли в г. Маньчжурия на российско-китайской границе представляют собой капиталовложения торговых и промышленных компаний из различных районов КНР, а также инвестиции зарубежных фирм. Государственное участие в строительстве зоны крайне невелико.

Характер российско-китайского экономического сотрудничества в значительной мере зависит и от способности государства стимулировать развитие экспортной базы, в первую очередь, наиболее перспективных ее отраслей. Некоторые предприятия Дальнего Востока, в первую очередь, машиностроительные, можно полностью переориентировать на выпуск интересующей Китай продукции. В КНР, например, только в пров. Хэйлуцзян более 600 предприятий работают на удовлетворение российских потребностей в товарах.

б) Республика Корея. Многие бизнесмены, экономисты и аналитики полагали, что освоение огромного рынка России и других государств СНГ может вызвать в Южной Корее очередной экономический взлет. Но период эйфории в российско-южнокорейских отношениях сменился периодом прозрения и трезвых оценок. Если в 1990-1991 гг. Россия и другие страны СНГ считались приоритетным направлением внешнеэкономической деятельности правительства Южной Кореи, то с 1992 г. приоритет в торговле и долгосрочных инвестициях отдается Китаю.

Тем не менее, до конца столетия можно ожидать расширения торгово-экономического сотрудничества России и Южной Кореи. В частности, объем взаимной торговли к 2000 г. может возрасти до 6-7 млрд.долл., а к 2005 г. превысить 10 млрд.долл.

В период до 2005 г. не следует ожидать кардинальных изменений в структуре российского экспорта в Южную Корею, где по-прежнему будут преобладать сырьевые товары. Возможно увеличение доли энергетического сырья, главным образом, за счет природного газа, каменного угля и нефти. Значительным будет удельный вес черных, цветных и редкоземельных металлов. Крупной статьей вывоза будет оставаться древесина.

К середине текущего десятилетия несколько возрастет доля машинотехнической продукции, главным образом, за счет продукции оборонных отраслей, уникального оборудования машиностроительного комплекса и конкурентоспособных новых видов технологического оборудования наукоемких отраслей. Однако по сравнению с экспортом сырья удельный вес этих товаров будет весьма незначительным.

Основными статьями российского импорта из Южной Кореи будет продукция машиностроения и потребительские товары. По всей видимости, в номенклатуре закупаемого оборудования будет преобладать электронное и электротехническое, судовое, деревообрабатывающее и оборудование связи. Значительно расширится ассортимент ввозимых потребительских товаров. Возрастет импорт бытовой электронной аппаратуры, одежды, обуви, легковых автомобилей. При этом большая часть товарооборота между Россией и Южной Кореей будет ориентироваться на дальневосточные регионы России. Экспортно-импортные операции будут развиваться в свободных экономических зонах.

Товарное наполнение взаимной торговли будет обеспечиваться как долгосрочными контрактами, так и разовыми сделками. В отличие от КНР, здесь можно выделить ряд крупных компаний, которые подписали долгосрочные контракты на осуществление крупных проектов на территории Дальнего Востока России.

В первую очередь это компания "Хендэ", которая подписала пять крупных и много мелких соглашений по сотрудничеству с Россией. Сюда входят

соглашение о совместной разработке лесных ресурсов в течение 30 лет в районе "Светлая" (около Находки), поставка в Россию морских судов, построенных на верфях компании "Хендэ", проект по освоению газовых ресурсов Западной Сибири и строительство газопроводов из Сахалина и Якутии через российский Дальний Восток в Южную Корею, разработка угольных месторождений в районе Партизанска и прокладка в связи с этим как минимум 320 км железнодорожных путей до ближайшей ветки Транссибирской магистрали и строительство в Северо-Восточной Сибири крупнейшего в мире нефтехимического комплекса. Кроме того, "Хендэ" имеет перспективные планы строительства в Приморье целлюлозно-бумажного комбината, фабрики по производству мыла, вагоностроительного завода, который будет производить подвижной железнодорожный состав - локомотивы и вагоны. В перспективе не исключена возможность сотрудничества в производстве легковых автомобилей на востоке России.

Если для "Хендэ" основной сферой инвестиционного сотрудничества с Россией являются сырьевые отрасли, то другая ведущая южнокорейская группа "Самсунг" старается сделать упор на наиболее современные наукоемкие отрасли. У нее уже имеются соглашения о производственной кооперации с Воронежским НПО "Электроника" по выпуску видеомагнитофонов, подготовлен проект о модернизации сети телефонной связи в России и планы строительства предприятий по выпуску медицинского оборудования, холодильников и различных видов бытовой электронной аппаратуры.

Одна из ведущих монополистических групп Южной Кореи - "Лакки Голдстар" также имеет планы развития сотрудничества с Россией. Однако, в отличие от "Хендэ" и "Самсунг", опирающихся, как правило, на собственные силы, для продвижения на российский рынок она решила объединиться с компаниями США и Японии для уменьшения риска вложения капиталов. Для участия в освоении Сибири и Дальнего Востока было создано совместное южнокорейско-американо-японо-российское предприятие. В планах этого международного объединения строительство гостиниц и жилых домов на тихоокеанском побережье на север от Владивостока, строительство заводов по выпуску пиломатериалов и морепродуктов для последующего экспорта в Японию, Южную Корею и другие страны.

Фирма "Дэу" предполагает развивать с Россией промышленную кооперацию. Начало этому сотрудничеству было положено в июле 1993 г. подписанием протокола о намерениях между фирмой "Дэу", Казанским вертолетным производственным объединением, Конструкторским бюро Миля и Конструкторским бюро Климова.

Заметный вклад в расширение двусторонней торговли окажет реализация проекта создания южнокорейского технополиса в Находке. Согласно подписанному соглашению между Россией и Южной Кореей, последней предоставляется на территории СЭЗ Находка 300 га земли сроком на 50 лет. Эта земля будет на конкурсных условиях сдаваться южнокорейским фирмам, желающим создать здесь свое предприятие. Половину продукции технополиса будут давать текстильная и электронная промышленность. Кроме того, там получат развитие машиностроение, химическая, обувная и пищевая промышленности. Предполагается наладить выпуск около 100 видов изделий, из которых 70% будут реализованы на внутреннем рынке России.

в) Япония. С начала 80-х годов происходит снижение интереса Японии к развитию торгово-экономических отношений с бывшим СССР, а теперь с Россией. Связано это с нарастанием различного рода трудностей и препятствий, которые носят политический, коммерческий и организационный характер. В

результате почти по всем направлениям взаимных экономических отношений, и прежде всего во внешней торговле, происходит сокращение.

В настоящее время две страны оказались на разных витках экономического и технологического развития. В результате степень взаимодополняемости экономических систем Японии и России снижается. По оценке специалистов, по всему народному хозяйству технологический разрыв в конце 80-х годов составлял не менее 20 лет и колебался от 25 лет по массовому производству полупроводников, чипов, микропроцессоров до 5-10 лет в производстве резинотехнических изделий, в крупнотоннажной химии и др. По объему ВНП Япония опережает Россию более чем в 4 раза, по насыщенности экономики средствами вычислительной техники примерно в 50 раз, автомобилей - в 10 раз, пластмасс и синтетических смол - в 4-5 раз, бытовой электронной техники - в 25-30 раз и др.

В области внешней торговли Япония сегодня практически не зависит от России. Россия в начале 90-х годов занимала 20-е место в экспорте и импорте Японии, находясь позади таких стран как Малайзия, Таиланд и Индонезия. По общему объему товарооборота с Японией Россия уступает США более, чем в 30 раз, Южной Корее - в 10 раз, КНР - в 11 раз. Удельный вес России во внешней торговле Японии как в целом, так и по большинству сырьевых товаров сокращается. Так, доля России в общем сырьевом обеспечении Японии составляет менее 1% по стоимости и меньше таких стран как Филиппины или Таиланд.

Ни по одной из статей экспорта или импорта Японии Россия не занимает сколь-нибудь существенных позиций и может быть безболезненно заменена другими альтернативными источниками или рынками. Это в полной мере относится к поставкам российского леса, угля, нефти, алюминия и некоторых других сырьевых товаров. Более того, закупая указанные товары в России, Япония в известной мере оказывает ей своего рода жест щедрости, продавая часть их другим странам через знаменитые универсальные торговые компании ("сого сея") и выполняя тем самым посреднические функции. Исключение составляют лишь такие драгоценные и редкоземельные металлы, как платина, палладий и отчасти золото, по которым Россия занимает на рынке Японии сильные позиции. Однако и здесь ее могут легко заменить ЮАР или другие поставщики.

Россия представляет для Японии минимальный интерес и в качестве экспортного рынка. В Россию в незначительных размерах поставляется технически наиболее сложная продукция японской промышленности - приборы, роботы, станки с ЧПУ, обрабатывающие центры, электроника, автомобили и т.д. Лишь для черной металлургии Японии, переживающей длительный структурный кризис, российский рынок, где реализуются значительные объемы труб большого диаметра, представляют определенный интерес. Иными словами, прежний тип международного разделения труда между Россией и Японией, заключавшийся в обмене сырья на готовую продукцию, практически оказался размытым, а новый тип, базирующийся на обмене готовой продукцией, узлов, деталей и комплектующих изделий на основе специализации и кооперации производства, обмена капиталом и технологиями, не сформировался.

В целом позицию Японии по поводу развития торгово-экономических связей с Россией можно охарактеризовать как весьма сдержанную. В связи с этим становится понятным, почему Япония до последнего момента сопротивлялась доступу бывшего СССР в ГАТТ и МВФ и региональные организации АТР и практически последней из развитых капиталистических стран пошла на оказание России различных видов помощи. При этом, если она и оказывает экономическую и финансовую помощь, то не России в целом, а

прежде всего Дальнему Востоку с тем, чтобы создать здесь условия, благоприятные для решения "территориального вопроса". Япония проявляет готовность сотрудничать совместно с компаниями других стран в модернизации нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Сибири и Дальнего Востока, портового хозяйства региона, хотела бы продолжить сотрудничество в области лесной промышленности и по некоторым другим направлениям (угольное соглашение, конверсия оборонных отраслей), получить более широкий доступ к дальневосточным рыбным ресурсам и т.д. Японская сторона проявляет готовность помочь в модернизации системы распределения в России, подготовке кадров для рыночной экономики, создании рынка ценных бумаг, предоставления технической экспертизы и рекомендаций по отдельным проектам (например, создание СЭЗ на Дальнем Востоке и т.д.). Появились признаки готовности сотрудничать в области освоения космоса.

Основой такого рода ограниченного сотрудничества Японии и России в торгово-экономической области является учет того, что Россия - крупный сосед, обладающий мощным военно-стратегическим потенциалом. Диалог с Россией по "территориальному вопросу" и улучшению международно-политической обстановки в АТР невозможны без торгово-экономических связей с ней на каком-то минимально необходимом уровне.

Позиция Японии по вопросу регионального экономического сотрудничества в СВА достаточно сложна и многоаспектна и в целом пока еще далека от того, чтобы считать ее сформулированной. В самой Японии прийти к общему мнению пока не удалось.

В научных и политических кругах префектур, выходящих к Японскому морю (Ниигата, Тояма) делают упор на концепцию экономической зоны в районе Японского моря (так называемое "кольцо Японского моря"), рассматривая ее развитие в качестве новой оси дальнейшего хозяйственного развития Японии. Взаимодействие даже в рамках продвижения этой идеи осложняется соперничеством между двумя префектурами. Например, исследовательский центр при администрации Хоккайдо отдает приоритет двусторонним отношениям прежде всего с российским Дальним Востоком.

Другая группа экспертов, связанных с Фондом Сасакава, считает идею экономической зоны вокруг Японского моря чисто региональной и противопоставляет ей концепцию экономического сотрудничества в СВА в качестве общенациональной инициативы.

В настоящее время Токио делает акцент на двусторонние экономические связи со странами СВА, прежде всего с Китаем. Можно говорить о своего рода "буме" Китая, который рассматривается в японских предпринимательских кругах различного уровня как восприимчивая к новым технологиям страна с высокой степенью политической стабильности, дешевой рабочей силой.

В определенных кругах Токио считают, что концепция многостороннего экономического сотрудничества в СВА играет на руку прежде всего провинциям КНР на Северо-Востоке (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин). В какой-то степени это определяет и сдержанность Токио в отношении проекта Тумэнцзян. Скептически оцениваются и возможности покрытия его стоимости, которая определяется в 30 млрд. ам.долл.

В целом, политические, деловые и научные круги Японии будут продолжать внимательно следить за развертыванием событий вокруг концепции регионального экономического сотрудничества в СВА, принимая во внимание значимость этой идеи, но вряд ли будут предпринимать инициативные шаги в этом направлении.

3. Отдельные направления практической реализации торгово-экономического сотрудничества России в Северо-Восточной Азии.

Все мероприятия по практической реализации торгово-экономического сотрудничества России в той или иной степени связаны с новой концепцией социально-экономического развития российского Дальнего Востока. В основе этой концепции лежит коренная перестройка всей структуры экономики Дальнего Востока с учетом открытости региона для взаимовыгодного сотрудничества со странами АТР. При этом концепция исходит из двух основных принципов: 1) комплексное освоение природных ресурсов путем ресурсосберегающего использования сырья с применением передовых технологий; 2) ориентация экономического развития региона на резкое расширение и углубление взаимовыгодных экономических связей со странами АТР не только в сфере внешней торговли, но и в сфере технологической кооперации и привлечения иностранных инвестиций.

Таким образом, важнейшими элементами новой экономической политики на Дальнем Востоке России становятся концентрация финансовых и материальных ресурсов при активном участии местных органов власти, а также стимулирование различной предпринимательской деятельности, включая создание предприятий с иностранным капиталом, на тех перспективных направлениях, которые ведут к структурной перестройке хозяйства и повышению конкурентоспособности продукции региона.

Однако на практике все эти планы во многом так до сих пор и не были реализованы. Все это наилучшим образом можно проследить на практическом примере торгово-экономического сотрудничества России и Китая в 90-е годы.

Основной формой российско-китайского приграничного сотрудничества является торговля, активно развивающаяся с конца 80-х годов. В период с 1986 по 1993 гг. объем двустороннего товарооборота увеличился с 50 млн. долл. до 2,5 млрд. долл.

Главными участниками приграничной торговли выступают различные коммерческие структуры, как правило, не имеющие собственной производственной базы и выполняющие посреднические функции, а также специализированные внешнеэкономические организации, промышленные предприятия и частные лица, так называемые "челноки". Результаты деятельности последних практически не учитываются статистикой, но, по оценкам китайской стороны, стоимость вывозимого ими товара (это, как правило, ширпотреб, поэтому товаропоток направлен из Китая в Россию) достигает 10% общего объема экспорта приграничных провинций КНР, то есть составляет достаточно внушительную величину. В последнее время их активность несколько снизилась из-за роста курса рубля по отношению к доллару и перенасыщенности российского внутреннего рынка дешевыми и зачастую некачественными товарами китайского производства.

Приграничная торговля осуществляется в основном в форме товарообменных (бартерных) операций, на долю которых в 1993 г. приходилось более 85% объема товарооборота. В КНР поощряется бартерная торговля с Россией: установлены значительные налоговые и таможенные льготы для бартерных сделок со странами СНГ, упрощен режим регистрации внешнеторговых компаний в приграничной торговле, порядок реализации импортной продукции на местном рынке и порядок получения разрешений на экспортно-импортные операции. Более того, большинству компаний, специализирующихся на приграничной торговле с Россией, разрешено заниматься только бартерными операциями. Позиция китайской стороны определяется в первую очередь возможностью извлечения дополнительной

прибыли: такие товары российского экспорта, как удобрения, металлы, деловая древесина, имеют более высокую "ликвидность" на мировом рынке, чем китайские товары народного потребления, однако при товарообменных операциях они фактически приравниваются друг к другу.

В последнее время, особенно после введения Россией новых мер регулирования внешнеэкономической деятельности, наметилась тенденция повышения доли расчетов по торговым операциям в СКВ (до 40%).

Второй по значимости после торговли формой российско-китайских приграничных хозяйственных связей является экономическое и техническое сотрудничество в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР. Подписаны контракты по строительству и реконструкции в КНР более 70 объектов местного значения на сумму 1 млрд. долл., что послужило одной из причин повышения доли машиностроительной продукции в российском децентрализованном экспорте.

Широкие масштабы приобрело использование китайской рабочей силы для работы по контрактам на предприятиях России. В 1993 г. на территории РФ находилось от 40 до 50 тыс. китайских рабочих и специалистов. Китайский персонал используется в строительстве (при сооружении предприятий, объектов социальной и производственной инфраструктуры), на сезонных работах в сельском хозяйстве, на лесозаготовках, в промышленности.

Инвестиционное сотрудничество России и Китая пока только начинает развиваться, причем наибольший интерес китайская сторона проявляет к сырьевому сектору экономики Дальнего Востока. Обсуждаются возможности участия КНР в сооружении горнообогатительного комбината на базе железорудного месторождения в Облученском районе Еврейской АО, в освоении нефтегазового месторождения в Тюмени, Удоканского меднорудного месторождения, в строительстве газопровода с Сахалина в КНР и КНДР и другие проекты. Это свидетельствует о том, что ориентация китайской стороны на наращивание сырьевого импорта из России носит долгосрочный характер.

Совместное предпринимательство занимает пока незначительное место в системе российско-китайских экономических отношений. К настоящему времени на Дальнем Востоке зарегистрировано более 600 совместных предприятий с участием китайского капитала, что составляет более 2/5 от общего количества предприятий с иностранными инвестициями. Однако в действительности активность инвесторов из КНР не столь велика, как это может показаться. Характерной особенностью СП с участием китайских компаний является незначительные размеры уставного фонда: в среднем вложения китайской стороны в одно предприятие составляют всего около 50 тыс. долл. Поэтому, например, в Приморском крае, где с участием китайского капитала создано около половины СП, суммарные инвестиции китайской стороны не превышают 10% объема иностранных капиталовложений.

Таким образом, проанализировав все направления российско-китайского сотрудничества можно сделать вывод о том, что в настоящее время оно в большей степени способствует решению экономических проблем Китая, нежели Дальнего Востока России. В основном торгово-экономическое сотрудничество сводится к тому, что Россия продает Китаю, как впрочем и другим странам АТР и СВА, невосполняемые природные ресурсы в обмен на потребительские товары и трудовые услуги (в случае с КНР и КНДР). Практически отсутствуют наиболее приемлемые для России в ее нынешнем экономическом состоянии прямые долгосрочные инвестиции (за исключением 2-3 крупных южнокорейских фирм), крупные проекты, связанные с повышением технологического уровня предприятий или с оказанием помощи в практической реализации научно-

технических достижений российских НИИ и КБ, инвестиции в проведение конверсии предприятий ВПК, являющихся основой основ экономики региона.

4. Интеграционные проекты в СВА и оценка их полезности для России.

а) Особые экономические зоны на российско-китайской границе.

Все больший интерес для иностранных инвесторов представляет начавшийся в 90-е годы процесс создания на территории российского Дальнего Востока свободных экономических зон (СЭЗ). Предполагалось, что основными целями СЭЗ на Дальнем Востоке будет развитие торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами и прежде всего со странами АТР и бассейна Японского моря; обеспечение благоприятных условий для привлечения в экономику ДВЭР иностранного капитала, зарубежной технологии и управленческого опыта; комплексное развитие природных ресурсов региона, а также производства экспортной и импортзамещающей продукции.

Формирующиеся приграничные зоны также имеют свои особенности. Ориентация на Россию определяет производственный профиль сооружаемых предприятий. Здесь создается комплекс экспортноориентированных отраслей промышленности с перспективой сбыта готовой продукции главным образом в России (производство одежды, обуви, мебели, стройматериалов, электробытовых приборов и т.д.), а также предприятия по переработке российского сырья, выпускающие продукцию уже в основном для внутреннего потребления (переработка металлолома, цветная металлургия, нефтепереработка и т.д.). Второе направление в перспективе будет усиливаться, так как сопредельные территории Дальнего Востока России китайской стороной рассматриваются прежде всего в качестве источника сырья. Кроме того, зоны специализируются на развитии транспортной и деловой инфраструктуры в районе пограничных переходов между двумя странами.

Первой в приграничных с Россией районах была создана Харбинская зона технико-экономического развития (ЗТЭР). Находящийся на пересечении всех основных транспортных магистралей Северо-Восточного Китая город в перспективе должен стать центром обширного района ускоренного развития и интенсивного субрегионального сотрудничества в регионе, тяготеющем к бассейну Японского моря. Опорными базами этого района на российско-китайской границе должны стать еще четыре СЭЗ в городах Хэйхэ, Суйфэньхэ, Маньчжурия и Хунчунь. В дальнейшем к ним прибавятся другие приграничные города, и будут созданы "пояса открытости". Их размеры могут существенно варьировать: от крупных территорий вдоль железнодорожных магистралей, рек и пограничных линиям до "точечных зон", занимающих от нескольких сот до одного-двух квадратных километров. В каждом из таких поясов предполагается развитие различных форм международного сотрудничества с разными наборами предпочтений для иностранных инвесторов.

Условия хозяйственной деятельности в приграничных СЭЗ характеризуются следующими данными. Ставка подоходного налога для предприятий с участием иностранного капитала снижена с 33 до 24% (в случае реинвестирования прибыли - до 9%). При этом в течение первых трех лет, начиная с года получения прибыли, инвесторы полностью освобождаются от уплаты налога, а в последующие четыре года пользуются скидкой в размере 50%. В отдельных городах ставки налогообложения еще ниже. Например, в Маньчжурии подоходный налог с предприятий с участием иностранного капитала установлен на уровне 13%, налоговые каникулы - 5 лет с момента получения прибыли и еще три года налоги взимаются из расчета 50% от базисной ставки. А в Хэйхэ подоходный налог с СП может (с помощью метода

возврата налогов) снижаться до 12%, для экспортноориентированных производств - до 5%, реинвесторы от налога освобождаются.

СП не вносят налогов на землю, здания, сооружения и прочее недвижимое имущество, находящееся на городской территории. Российским инвесторам, учитывая недостаток у них валюты, разрешается вносить взнос в уставной капитал СП в виде товаров, реализуемых на территории КНР по бартеру, в этом случае ставки таможенных пошлин и налогов снижаются наполовину. Товары, импортируемые для внутренних нужд СП, от таможенного обложения освобождены. После уплаты СП всех налогов иностранному участнику разрешено вывозить валютную прибыль с территории КНР без выплаты подоходного налога за нее (то есть ликвидировано двойное налогообложение). Земельный участок может использоваться иностранным инвестором в течение 40-70 лет, в зависимости от цели освоения. Налоговыми и таможенными льготами пользуются как иностранные инвесторы, так и инвесторы из внутренних районов КНР.

Все эти меры дали немедленный результат. Находясь в равных стартовых условиях с приграничными районами российского Дальнего Востока, СЭЗ КНР стремительно поднялись на качественно новый уровень. Резкая активизация инвестиционной деятельности позволила за короткий срок сформировать здесь деловые центры с гостиницами, банками, административными зданиями, создать многочисленные предприятия, в том числе с участием гонконгского, тайваньского и японского капитала, развернуть сооружение и реконструкцию железнодорожных путей, автодорог и погранпереходов и т.д.

В России также предпринимались попытки создания СЭЗ. Первая СЭЗ в соответствии с постановлением российского правительства была создана в 1990 г. в Находке. В дальнейшем предполагалось создать СЭЗ во Владивостоке, придав ему статус и режим свободного города-порта, в Уссурийске и Пограничном для развития торговых связей с Китаем, свободный порт Ванино, свободную транспортно-производственную и технологическую зону в Хабаровске, СЭЗ в районе Благовещенска, ориентированную на торговую зону в районе китайского города Хэйхэ на другом берегу Амура, а также изучался вопрос о создании СЭЗ на острове Сахалин. Однако из-за непродуманности подхода к их организации, отсутствия разработанного законодательства, регулирующего их деятельность, и непоследовательности в реализации принятых решений почти все они (исключая, может быть, Находку) остались на бумаге.

Между тем создание на российско-китайской границе специальных зон совместного предпринимательства и свободной торговли, объединяющих в единый территориально-экономический комплекс прилегающие районы двух стран, действительно могло бы стать эффективной формой двустороннего сотрудничества. Наиболее благоприятные условия для формирования подобных зон сложились в районах Гродеково-Суйфэньхэ, Благовещенск-Хэйхэ, Нижнеленинское-Тунцзян, являющихся в настоящее время зонами наиболее активного российско-китайского хозяйственного взаимодействия и характеризующихся наивысшим уровнем инфраструктурной обустроенности на дальневосточном участке границы. Придание китайскими властями статуса СЭЗ соответствующим приграничным населенным пунктам создает дополнительные предпосылки для организации здесь зон свободного предпринимательства.

Имеющийся опыт функционирования СЭЗ позволяет сделать некоторые выводы относительно масштабов и специализации зон. По-видимому, СЭЗ должны быть небольших размеров, чтобы иностранные инвестиции не растворились в них, а создали некую "критическую массу", стимулирующую их дальнейшее развитие. В приграничных районах достаточно выделить под СЭЗ города с компактно прилегающими к ним территориями.

Развитие зон должно быть многовариантным, в каждом конкретном случае учитывающим реальные условия. При этом специализация СЭЗ (а верность ее выбора в значительной степени обуславливает успех создания зоны) должна поддерживаться варьированием условий вложения капитала. Например, в районах, обладающих благоприятными природно-климатическими условиями, следовало бы, видимо, стимулировать развитие туристического комплекса и, напротив, ограничить капиталовложения в промышленность.

Основной функцией приграничных СЭЗ, расположенных в районе портов, в местах пересечения российско-китайской границы основными транспортными магистралями, на начальном этапе их развития может стать обеспечение обработки, перевалки и хранения грузов, перевозимых по территории двух государств. Подобные СЭЗ могут действовать в режиме свободных таможенных зон. В дальнейшем по мере повышения степени инфраструктурной обустроенности территории и, следовательно, уровня ее привлекательности для иностранных инвесторов, они могут быть трансформированы в промышленно-торговые зоны. Учитывая, что сырьевая составляющая российского экспорта сохранит свою роль в среднесрочной перспективе и проблема облагораживания и повышения ценности экспортных товаров весьма актуальна, значительная часть промышленного потенциала этих зон будет представлена ресурсоемкими производствами экспортной ориентации. Важной отраслью специализации в городах-портах, например, в Находке, станет судоремонт и утилизация отслуживших судов. Задача насыщения внутреннего рынка потребительскими товарами может быть решена с помощью развития в СЭЗ соответствующих импортзамещающих производств.

Что же касается высокотехнологичных производств, продукция которых могла бы найти сбыт как на внутреннем рынке России, так и за рубежом, то наилучшие для их развития условия имеются в Хабаровске и Владивостоке, расположенных в непосредственной близости от границы с Китаем и обладающих выгодным положением на пересечении транспортных потоков, относительно развитой инфраструктурой, большим техническим, технологическим и кадровым потенциалом. Для повышения технического уровня и конкурентоспособности промышленного производства на базе современных технологий в эти зоны необходимо привлечь третьи страны (в частности, Японию и Южную Корею), располагающие в достаточном объеме финансовыми и технологическими ресурсами.

б) "Кольцо Японского моря".

Другим направлением практической реализации идей экономической интеграции в АТР на многосторонней основе стала концепция прибрежных государств Японского моря, получившая названия "Зона экономического сотрудничества в регионе Японского моря", "Экономический регион Японское море", "Кольцо Японского моря". Суть этой концепции - ускорение экономического развития япономорских субрегионов России, Китая, Японии, КНДР и Республики Корея на базе международного разделения труда.

В понятие "Кольцо Японского моря" включаются территории российской Дальнего Востока, северная часть и западное побережье Японии (округ Хоккайдо, префектуры Ниигата, Тояма, Исикава, Фукуи), Северо-Восток КНР (провинции Хэйлуцзянь, Цзилинь, Ляонин), сопредельные с Японией районы КНДР и Республики Корея.

"Кольцо Японского моря" - крупный экономический регион, составляющий 20% континентальной площади всей Восточной Азии, 10% всего населения (около 300 млн.чел.), 70% совокупного ВВП (около 3 трлн.ам.долл.). Каждый из участников располагает взаимодополняющим потенциалом, что

может позволить обеспечить динамичное экономическое развитие субрегионов стран Северо-Восточной Азии.

Предполагается, что зона экономического сотрудничества в своей основе будет формироваться не на межгосударственной базе, а на базе взаимодействия крупного и среднего капитала и органов местного самоуправления (краев, областей, префектур, провинций). Такая форма организации сотрудничества считается более гибкой и одобряется большинством потенциальных партнеров, в том числе и Россией.

К числу наиболее крупных проектов в рамках реализации концепции "Кольцо Японского моря" относятся следующие:

1. Развитие дельты реки Тумэньцзян, в котором должны участвовать Россия, КНР, КНДР и Республика Корея.

2. Развитие зоны морского порта Далянь (КНР, пров.Ляонин). Этот проект предусматривает обустройство промышленной зоны и расширение мощностей морского порта Далянь, который начал реализовываться еще с 1984 года, когда началось строительство первой очереди зоны для размещения предприятий около 100 компаний. В дальнейшем в 1990 г. начались работы по строительству второй очереди зоны для размещения производственных мощностей еще 500 компаний и реконструкции гавани в заливе Даяовань.

3. Развитие района долины Саньцзянпин (КНР, пров.Хэйлунцзян). Эта территория площадью 103 тыс.кв.км определена как зона всеобщего развития сельского хозяйства. К 2000 г. предполагается инвестировать около 420 млн.долл для производства зерновых культур - рис, кукуруза и др. В настоящее время уже освоено 35 тыс.кв.км площадей, на которых производится более 3,1 млн.т риса в год.

4. Освоение ресурсов якутского природного газа, запасы которого в Ленско-Вилуйском и Бодайбинском нефтегазоносных пластах оцениваются приблизительно в 800 млрд.куб.м.

5. Разработка ресурсов природного газа на шельфе Сахалина в объеме 350 млрд.куб.м.

6. Четвертое Генеральное соглашение между Россией и Японией по разработке лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, которое предполагает в течение 5 лет импорт машин и оборудования из Японии в обмен на поставку из России 6 млн.куб.м круглого леса и 400 тыс.куб.м пиломатериалов.

Кроме того, частями этого проекта должны стать реконструкция железнодорожного моста через Амур, создание международной системы связи в регионе, две свободные экономические зоны - Находка и Владивосток и реконструкция порта Ванино.

Предусматривается, что все без исключения проекты носят открытый характер, а создание такого рода экономической зоны для стран Японского моря абсолютно исключает придание ей блокового характера.

Япония играет исключительно важную роль в разработке и практической реализации проекта. По оценке японских экспертов, развитие регионального сотрудничества в бассейне Японского моря может принести Японии такие ощутимые экономические выгоды, как диверсификация источников поступления энергоносителей, развитие инфраструктуры япономорских префектур. Кроме того, развитие сотрудничества в регионе Японского моря, обладающем огромными экономическими возможностями, может в будущем приобрести для Японии особое значение перед лицом неизбежно усиливающихся торговых противоречий с США и странами Западной Европы.

Участие России в международном разделении труда в этой зоне дает возможность использовать потенциал природных ресурсов, а также научно-

технический потенциал для экономического развития дальневосточного региона России.

в) Тумэньцзянский проект.

Одним из основных проектов международной экономической интеграции в зоне Японского моря является Тумэньцзянский проект, на примере которого можно выявить все плюсы и минусы международного многостороннего субрегионального сотрудничества для России. Этот проект создания зоны экономического развития в устье реки Тумэньцзян на стыке границ России, КНР и КНДР разрабатывается с начала 90-х годов. Проект поддержан Программой развития ООН, которая координирует деятельность его участников и финансирует базовые исследования.

Идея международного сотрудничества в районе бассейна р.Тумэньцзян основывается на возможности объединения природных ресурсов российского Дальнего Востока, рабочей силы и минерального сырья Китая и КНДР, капиталов и технологий Японии, Южной Кореи и других стран Запада, что, по замыслу инициаторов проекта, принесет значительный экономический эффект. Этому способствует и выгодное географическое положение устья р.Тумэньцзян вблизи пересечения нескольких транспортных артерий, соединяющих различные регионы мира. Таким образом, Тумэньцзянский проект ставит целью создание нового крупного центра экономической и социальной активности в АТР и ориентирован не только на участие непосредственных соседей (России, КНР, КНДР) и заинтересованных стран бассейна Японского моря (Южной Кореи, Японии), но и более далеких партнеров, прежде всего США и Канады.

Участие в осуществлении Тумэньцзянского проекта может оказать большое влияние на экономическую ситуацию в России, поскольку это позволит:

- подключиться к магистральным процессам развития международного экономического сотрудничества в АТР, а со временем и интегрировать экономику Дальнего Востока России в ткань регионального товарообмена;

- активизировать получение иностранных инвестиций для создания необходимой транспортной инфраструктуры, учитывая, что, во-первых, Тумэньцзянский проект получил широкую известность в мире, а поддержка ПРООН придаст ему больший вес по сравнению с аналогичными региональными проектами, и, во-вторых, Россия в качестве полноправного члена Комитета будет иметь возможность оказывать влияние на выработку инвестиционных программ;

- стимулировать развитие дальневосточной экономики, так как повышение уровня инфраструктурной обеспеченности устраняет одну из наиболее острых проблем экономического развития этого региона и значительно повышает степень его привлекательности для иностранных инвесторов;

- противодействовать проявившейся в последнее время тенденции к чрезмерной "регионализации" дальневосточных областей страны и добиваться более полного учета национальных общегосударственных интересов России в АТР.

Перспектива участия России в осуществлении Тумэньцзянского проекта встретила неоднозначную оценку в научных и политических кругах страны (Подробнее см.: "Проблемы Дальнего Востока", 1994, №5, с.26-27).

г) "Кольцо Желтого моря и Бохайского залива".

Еще одна концепция практической реализации регионального экономического сотрудничества получила свое выражение в форме экономического сотрудничества прибрежных государств Желтого моря и

Бохайского залива. Такая форма интеграции стран региона получила название "Кольцо Желтого моря и Бохайского залива". "Кольцо" охватывает территорию четырех государств - Японии, Республики Корея, КНДР и КНР. Экономическая зона "Кольцо Желтого моря и Бохайского залива" представляет собой портовые города на побережье Желтого моря и Бохайского залива, имеющие хорошую промышленную базу, богатые природные ресурсы, высокоразвитую технологию и сравнительно высокий уровень квалификации рабочей силы.

Существует понятие "Кольцо Желтого моря и Бохайского залива" в узком смысле, куда входят западное побережье Республики Корея, Шаньдунский и Ляодунский полуострова в КНР и побережье японского острова Кюсю. Это же понятие в широком смысле включает в себя еще и южный берег острова Хонсю, всю КНДР от реки Ялуцзян и всю Республику Корея с ее восточным побережьем, а в КНР, помимо провинций Шаньдун и Ляодун, еще и самую экономически развитую провинцию Цзянсу. Центром этой экономической зоны сотрудничества считается один из крупнейших городов КНР - Тяньцзинь.

Многие эксперты считают эту программу экономической интеграции в СВА одной из наиболее перспективных. Японии этот проект позволяет активизировать экономические связи ее южной части, стимулировать дополнительное инвестирование в экономическое развитие тех районов Кореи и Китая, с которыми у нее имелись традиционные связи. Для Республики Корея - это возможность активизации экономики западного побережья и дальнейшего развития транспортной сети. КНДР проект поможет вовлечь в систему мирохозяйственных связей основные экономические центры страны. Но самое большое значение этот проект имеет для КНР, давая еще один толчок экономическому развитию трех ее самых высокоразвитых приморских провинций.

В соответствии с этим проектом в КНР получают приоритетное развитие 12 приморских городов Бохайского залива, которые являются важными промышленными, внешнеторговыми и угледобывающими центрами Китая. Организация совместной деятельности в зоне включает в себя обмен технологиями, совместное производство высококачественных товаров, в том числе для экспорта, общее управление экспортно-импортными операциями, создание центров по производству сырьевых ресурсов и морепродуктов.

В настоящее время существуют три основных модели развития этой зоны. Первая модель - "жемчужины" - представляет собой цепь из 27 приморских городов Японии, Южной Кореи, КНДР и КНР, в которых должны быть созданы зоны свободной торговли и зоны техникоэкономического развития, соединенные сетью морских и авиационных линий. Вторая модель - модель "маяков", которая предусматривает создание СЭЗ в 9 городах Японии (Кагосима, Нагасаки), Южной Кореи (Монпхо), КНДР (Нампхо) и КНР (Далянь, Тяньцзинь, Вэйхай, Ляньюньган, Шанхай). В них предполагается создать свободные порты, куда могли бы заходить суда без таможенных досмотров. Третья модель - "коридор" - представляет собой строительство единой железнодорожной магистрали по маршруту Пусан-Сеул-Пхеньян-Даньдун-Шэньян-Далянь, которая будет являться своеобразным коридором между государствами, соединяющим СЭЗ и зоны свободной торговли.

Для реализации этого проекта предусмотрен ряд конкретных мер, призванных обеспечить необходимую организационную и материальную основу. В числе важнейших из них - создание в зоне "Кольца Желтого моря и Бохайского залива" межгосударственной организации из представителей стран-участников (политиков, ученых, предпринимателей), в функции которой входила бы координация сотрудничества в зоне. Было также принято решение учредить капитал в сумме 30 млрд.долл. для развития зоны (создания свободных

портов и свободных торговых зон). Предполагается, что доля инвестиций Японии в развитие зоны составит 2/3 суммы, доля остальных стран - 1/3. Кроме того, в рамках модели "жемчужина" планируется создать 27 свободных портов, наладить сеть коммуникаций, создать ряд туристических центров и основать международный университет Северо-Востока.

Реализация этого проекта позволит преодолеть неравномерность в уровнях экономического развития регионов этой зоны, создать дополнительные рынки сбыта для японского и южнокорейского капиталов, расширить сеть коммуникаций в зоне Желтого моря и Бохайского залива, позволит отдельным регионам КНР и КНДР активно развивать экономику входящих в зону территорий и с помощью иностранных партнеров с наименьшими потерями войти в систему мирохозяйственных связей в АТР. Более интенсивное развитие этой зоны по сравнению с зоной Японского моря значительно ухудшит положение России на мировом рынке, поскольку в этом случае поток иностранных инвестиций пойдет не в Россию, а в КНР, и возможно, в КНДР, что в дальнейшем еще более ухудшит экономические перспективы российского Дальнего Востока и затруднит многостороннее сотрудничество со странами региона.

Раздел 4. Выводы, предложения, рекомендации.

В новой геополитической ситуации, в которой оказалось Российское государство, Сибирь и Дальний Восток приобретают исключительное, а в будущем и решающее значение для дальнейшего социально-экономического развития всей страны. Однако следует также признать, что именно этот регион является одним из самых слабых и уязвимых мест в системе безопасности России.

Это объясняется следующими факторами:

- географической удаленностью от Центра и неразвитостью транспортной и другой коммуникационной инфраструктуры;
- демографическим давлением со стороны перенаселенных сопредельных стран - Китая, КНДР, Республики Корея, Японии;
- односторонностью, некомплексностью и слаборазвитостью экономики региона, соседствующего с наиболее быстроразвивающимися странами мира - Китаем, Японией, Республикой Корея и др.

Столь неблагоприятное для России сочетание негативных факторов требует коренного пересмотра как политики РФ в отношении АТР, так и изменения системы приоритетов во внутренней политике - поворота лицом к нуждам Сибири и Дальнего Востока, решительного преодоления прошлого колонизаторского подхода к экономике региона и выработки долговременной поэтапной реалистически комплексной программы интеграции хозяйства Сибири и ДВЭР в общероссийскую экономику на равноправной основе.

Если в ближайшее время не произойдет такого пересмотра внутренней и внешней политики и системы приоритетов в ней в пользу ускорения развития и интеграции Сибири и ДВЭР с нашими соседями и партнерами в АТР, то нарастание уже явно обозначившегося разрыва экономических связей между европейской частью России и сибирско-дальневосточным регионом приобретет опасный характер.

В этом случае уже стихийно идущий без участия Центра процесс сближения региона со странами АТР на неокOLONиалистской основе, то есть процесс превращения Сибири и ДВЭР в сырьевой придаток экономики наших восточноазиатских соседей, зайдет так далеко, что приведет к "суверенизации"

и отделению этих регионов от России. Такая перспектива развития событий в Сибири и на Дальнем Востоке отнюдь не дань модному ныне алармизму. Нынешняя обстановка требует от руководства страны безотлагательной конструктивной реакции.

Все вышесказанное позволяет сделать ряд общих выводов.

Первый. Динамичное экономическое развитие АТР в целом и стран бассейна Японского моря, в частности, ставит перед российским Дальним Востоком, как неотъемлемой частью АТР, задачу как можно быстрее и с наименьшими потерями интегрироваться в региональную экономическую систему.

Второй. Сегодня Россия в силу переживаемых ею трудностей, связанных с переходом к рынку, пока еще не может в полном объеме ответить на этот глобально-исторический вызов мирового экономического сообщества.

Третий. Тем не менее, российский Дальний Восток с учетом потенциальных возможностей всей России и ее дальневосточных районов может занять достойное место в экономике АТР. Основным фактором, способствующим решению этой задачи, является осуществление в России последовательных экономических реформ.

Четвертый. Успешное экономическое развитие российского Дальнего Востока возможно лишь при условии его включения в систему мирохозяйственных связей путем более тесной экономической интеграции со странами СВА. При этом одной из наиболее выгодных форм сотрудничества как для России, так и для стран АТР, являются долгосрочные иностранные инвестиции в производство и инфраструктуру. В первую очередь инвестиции должны идти на реализацию программы конверсии на Дальнем Востоке, в котором сосредоточена большая доля предприятий ВПК, своего рода стеновой хребет экономики ДВЭР.

Для реализации задачи экономического развития Дальневосточного региона и его включения в систему мирохозяйственных связей необходимо восстановить управляемость Сибири и Дальнего Востока из федерального центра, в том числе в экономической сфере, включая внешнеэкономические связи. Только в этом случае Россия сможет создать в Дальневосточном регионе все необходимые условия для привлечения иностранных инвестиций на длительный срок в сферу производства и в конверсионные проекты: необходимую законодательную базу, стабильность в обществе, инфраструктуру для развития деловой активности (средства связи, транспорт, гостиницы, банки и т.д.). В противном случае риск для иностранных инвесторов достаточно велик, и они будут вкладывать свободные средства в другие проекты, прежде всего в различные экономические проекты на территории КНР ("Кольцо Желтого моря и Бохайского залива", проект Тумэньцзян без участия российской стороны и т.д.).

Возможности экономической интеграции Дальнего Востока России со странами АТР в целом и СВА, в частности, в первую очередь связаны с такими факторами, как государственная политика по вопросам привлечения иностранных инвесторов и возможность центральной власти контролировать этот процесс на местах. В ходе экономической интеграции со странами АТР и особенно в СВА необходимо поставить эти процессы под контроль как центральной, так и местной власти, используя при этом как опыт царской России, так и современный опыт развивающихся стран, в первую очередь, того же Китая при создании зон свободной торговли. На наш взгляд, только меры по контролю за миграцией населения на Дальний Восток при обеспечении протекционизма для местных предпринимателей в ключевых для ДВЭР сферах экономики и для иностранного капитала, способного стимулировать интеграцию

Сибири и Дальнего Востока в экономику АТР, позволит комплексно решить основные проблемы освоения российского Дальнего Востока.

В рамках централизованного государственного контроля за экономической ситуацией на Дальнем Востоке целесообразно принять такие меры, как:

- стимулирование миграции населения России на Дальний Восток;
- вовлечение армии и военных предприятий в программу конверсии;
- предоставление транспортных льгот по тарифам на грузовые и пассажирские перевозки для Дальнего Востока и Сибири;
- усиление государственного контроля за экспортом невозполнимых природно-сырьевых ресурсов;
- создание необходимой инфраструктуры и благоприятного климата для иностранных инвестиций;
- создание правовых и иных условий для ведения приграничной торговли;
- выработка протекционистских мер для российских предпринимателей в ключевых для ДВЭР сферах экономики.

Наличие на территории России больших природных богатств, развитой сети промышленных предприятий и квалифицированной рабочей силы при проведении разумной государственной политики позволит Дальневосточному региону России с наименьшими потерями интегрироваться в экономическую систему АТР и СВА и способствовать быстрому экономическому развитию региона.

Вперед - вызовы грядущего*

© 1995

Роберт А. Скалапино

Неразумно предсказывать в точных определениях характер грядущего мира, когда мы ощущаем такую стремительность перемен, которая целое столетие как бы вмещает в одно десятилетие. Немногие из потрясений последних лет удалось предсказать заранее.

Вместе с тем некоторые ведущие тенденции, глубинные или лежащие на поверхности, могут быть спроецированы в будущее с достаточной уверенностью. Первое, будет продолжаться прогресс в науке и технологии, преобразуя и дальше жизнь человека - ее образ, темп, продолжительность. Изобилие или по крайней мере обеспеченная жизнь, возросшая свобода выбора занятий будут доступны еще большему числу людей. Благодаря этому возрастет, очевидно, независимость как для индивидуумов, так и для групп людей всех категорий. С течением времени будет всё труднее выстоять коммунизму и корпоративизму всех старых разновидностей.

В то же время темп развития событий - уже теперь самый быстрый в истории человечества - будет и дальше убыстряться, генерируя благоприятные возможности и вместе с ними усложняющиеся проблемы психологического характера. С одной стороны, появится возможность воспользоваться тем новым, что раздвигает знания, приобщает к разным культурам, дает выбор из широкого набора профессий и образов жизни. С другой стороны, в пик нарастающих перемен наши социальные устои оказываются потрясенными до основания. Поставлен под вопрос смысл личности вместе с её отношениями с младшими поколениями. Внезапно можно ощутить себя больше частью истории, чем современного мира. "Кто я?" - вот вопрос, который может стать как никогда ранее повторяющимся и мучительным.

Таким образом мы можем быть уверены, что на будущие десятилетия поиск ценностей будет главным устремлением. В наше время мы наблюдаем упадок идеологии фактически повсеместно. Взамен получаем прагматизм и ориентированную на конкретный результат политику, привязанную преимущественно к материальным завоеваниям. Экономика занимает командное

Роберт А. Скалапино, профессор, президент Общества Азии.

* (Выступление на конференции "Китай и мир в XXI веке", Пекин, 4-7 декабря 1994 г.).

положение. Это понятно. Граждане во всех обществах достаточно осведомлены о том, что требуется для лучшей жизни, а лидеры понимают, что ради их собственного выживания растущие желания народа должны быть удовлетворены.

Между тем, какие процессы будут происходить за пределами экономических достижений? Мы уже наблюдали за возвращением религии в политику и за подчас острой апелляцией к этническим и национальным чувствам. Эти силы проявляются в различных формах, однако в основном каждая из них представляет стремление к общности - к принадлежности - в век растущей анонии и ощущаемой угрозы хаоса. Основывается ли чувство общности на общих ценностях, единой культуре, заинтересованности во взаимной безопасности - или же на каком-то сочетании названных факторов, - оно универсально и, несомненно, будет усиливаться в будущем. В принципе человеческим существам противно низведение их до одиночества.

Никогда нельзя забывать одну главную истину. Развитие, в особенности быстрое развитие влечет за собой дестабилизацию. Следовательно, борьба между дестабилизирующими силами развития и связующими силами будет выступать как большая драма будущего века. Другая драма, относящаяся больше к политической сфере, будет разыгрываться в плоскости постоянно меняющихся отношений между локализмом, национализмом, регионализмом и интернационализмом.

Как ни парадоксально, поступательное развитие дает два явно противоположных эффекта. С одной стороны, оно содействует большему обобщению, объединению - усиливающемуся единообразию образования, образа жизни и интересов. В этом смысле такое развитие служит как необходимый фундамент для современного государства. Вместе с тем развитие также влечет за собой диверсификацию, разнородность, а в развитом обществе проблемы, во всё большей мере волнующие его граждан, носят локальный характер - это, к примеру, образование, преступность, жилище. Из этого следует, что люди неизбежно должны иметь больше власти по месту своего обитания и брать на себя больше ответственности в решении вопросов, с которыми они встречаются повседневно. Таким образом в последующие десятилетия распределение власти между местами и центром будет постоянно регулироваться независимо от существующей политической системы.

Между тем государство должно будет по нарастающей уступать часть власти стоящим выше региональным и всемирным организациям, роль которых в наступающем веке будет, несомненно, повышаться, причем не только в экономической сфере, но в области политической и безопасности. В настоящее время экономические образования, которые я назвал "естественными экономическими территориями" (Natural Economic Territories - NET), пересекают политические границы и простираются по всей Азии и далее, способствуя перемещению ресурсов, рабочей силы, капиталов и технологий. Появление этих образований обычно инициируется государством, а в некоторых случаях их развитие необходимо больше по политическим, чем экономическим мотивам, однако в конечном счете их успех зависит от частного сектора. Кроме того, они возникают и развиваются без формальной институционализированной структуры. Отметим для примера первую NET Гуандун-Гонконг-Тайвань, а также другие: Шаньдун-Южная Корея, Джохор-Сингапур-острова Риау (Индонезия). В перспективе вырисовываются такие NETs, как зона прибрежных территорий Японского моря, дельта реки Туманган (Тумэньцзян), юг Таиланда-запад Малайзии-Суматра.

Эти образования вместе с такими более официально созданными организациями, как АПЕК, НАФТА и Европейский Союз бросают вызов абсолютному суверенитету государства, вызывая тем самым беспокойство у

части людей как в новых, так и в старых государствах. Государство и впредь останется жизненно важным в качестве органа, принимающего решения, а также гарантирующего лояльность граждан, однако оно будет частью комплексного политического континуума, берущего начало на локальном уровне и простирающегося на весь мир.

Конечно, национализм в различных формах вырастает в сложные проблемы, которые сопровождают его. В Восточной Азии наблюдаются, например, быстрый рост самоуверенности, требования о "невмешательстве во внутренние дела", попытки в какой-то степени апеллировать к этническим чувствам или культуре, причем часто как к придатку или заместителю идеологической веры. Подчас все это рядится в тогу паназиатизма, однако чаще всего вновь разжигается этническая и культурная рознь внутри Азии. Итак, национализм возвращается, отнюдь не исчезнув под напором интернационализма, и будет и впредь силой, с которой придется считаться в новом веке.

Между тем острые проблемы в экономике и в области безопасности потребуют более действенных усилий на региональном и глобальном уровнях, несмотря на препятствия, которые будут присутствовать и в дальнейшем. Государства еще шире будут участвовать в процессе принятия решений. При этом наряду с усилением региональных и глобальных экономических институтов будут по-прежнему играть существенную роль переговорные механизмы на двусторонней основе. С учетом комплекса экономических условий нашего времени будут использованы все уровни взаимодействия независимо от того, какие потенциальные противоречия могут возникнуть.

Мы также будем, несомненно, свидетелями дальнейшего создания многосторонних структур безопасности. В какой-то момент появится, например, Североазиатский Форум (Northeast Asian Forum), на котором будут достигнуты соглашения о прозрачности военных бюджетов и военных учений, об ограничениях на передачу оружия и, возможно, об ограниченной зоне, свободной от ядерного оружия.

Кроме того, наряду с официальными структурами безопасности будут продолжать действовать специальные коалиции, образуемые применительно к специфическим кризисам, как это было в прошлом. Я назвал их, эти коалиции, концентрическими дугами (concentric arcs), охватывающими проблемы типа тех, которые преодолевают Корейский полуостров. В данном случае внутреннюю дугу образуют Северная и Южная Корея; без их позитивного взаимодействия окончательное разрешение существующих проблем невозможно. Между тем важное значение имели и имеют действия и бездействие четырех основных государств, которые имеют прямое отношение к корейскому вопросу. Они образуют вторую дугу. Над ними есть третья дуга из международных организаций, экономических и политических. Предпочтение термину "дуга" перед "кругом" объясняется тем, что должен быть постоянный доступ между дугами, причем как в верхнем, так и в нижнем ярусе.

Можно ознакомиться с аналогичным образцом применительно к Камбодже и многими другими, с разными участниками. Такая модель не гарантирует успеха, яркой иллюстрацией чему является Босния, однако она приглашает к участию тех, чьи осознанные национальные интересы затрагиваются при решении данной проблемы. Благодаря этому названная модель является реалистичной, а также наилучшей ныне и в обозримом будущем. Несмотря на свою большую полезность, ООН сама по себе не может и не будет играть аналогичную роль, так же как и существующие официальные союзы.

Союзы, разумеется, существенно изменились и будут заметно меняться и дальше. В своё время замкнутые и закрытые, ныне они открыты, допускают разные варианты внешних связей, нацеленных на установление партнерства, а не отношений подчиненности, с ограниченными обязательствами для всех сторон. В итоге союзы выравниваются, становятся структурами одного ряда (alliances-alignments) даже в условиях, когда взаимозависимость усилилась. Это еще один парадокс нашего времени.

Отмеченные реалии сегодняшнего дня, которые, несомненно, должны быть проспиритованы в будущем, указывают на необходимость нового подхода к международным отношениям. Концепции о гегемонии, балансе сил и им подобные нуждаются в пересмотре. В предстоящие десятилетия внутренние проблемы, экономическая взаимозависимость, а также возрастающая разрушительность даже "малых войн" будут работать в пользу того, что глобальный гегемонизм станет невозможным, а региональный будет сопряжен с исключительными трудностями. Однако это не означает наступление равенства сил влияния. Некоторые государства благодаря своему размеру, развитию и мощи будут обладать, разумеется, большим влиянием и силой воздействия за пределами своих границ. Однако даже они должны будут тщательно соразмерять использование своей силы. В равной мере балансы сил не будут постоянными и всеобъемлющими. Они будут меняться в зависимости от конкретных ситуаций, когда государства определяют степень своей заинтересованности в данной проблеме и, соответственно, желание внести свой вклад в какой-то блок сил. Таким образом мы будем иметь разные и подвижные балансы силы, которые будут различаться по своей структуре в зависимости от существующей проблемы.

Мы вступаем в эру, когда риск глобальной войны резко уменьшился, и так будет продолжаться до тех пор, пока вызовы со стороны внутренних проблем и развития будут оставаться первостепенным по своей важности для главных стран. Притом выдвигается убедительный аргумент, что политически открытые страны, демократические по своей сущности, не будут воевать друг против друга.

Всё это не означает, однако, отсутствие напряженности на международной арене, в том числе среди держав и между ними в отдельности. Такие государства будут вести длительные переговоры по экономическим вопросам, сдобренные той или иной степенью препирательства. Кроме того, остаются нерешенными вопросы разъединенных государств и другие территориальные споры, оставленные II мировой войной. Как хорошо известно, в Восточной Азии наиболее серьезными являются проблемы, относящиеся к Корейскому полуострову, отношениям Китай-Тайвань, спору между Россией и Японией по южным Курильским островам, а также к вопросам вокруг мелких островов в Южно-Китайском море. Аналогичные споры существуют фактически во всех районах мира.

Территориальный вопрос следует, пожалуй, рассмотреть в более широких измерениях. Как главные страны Азиатско-тихоокеанского региона отнесутся к вопросу о их "потерянных империях"? Выработает ли Россия на предстоящее столетие отношения совместности со своим "ближним зарубежьем", особенно с Украиной и другими частями бывшего СССР на западе и вновь возникшими центральноазиатскими республиками на востоке? Предначтено ли Японии полностью смириться со своим стратегическим уходом с азиатского материка и готова ли она удовлетвориться экономическим сотрудничеством и участием в сохранении мира? Списал ли Китай навсегда Монголию и Сибирь - районы, которые он называл неотъемлемыми частями Великого Китая? Будет ли он также согласен с осуществлением экономического взаимодействия и

универсальным применением неоднократно провозглашавшихся пяти принципов мирного сосуществования?

Нынешние перспективы региональной гармонии выглядят хотя и хорошо, однако в целом история - как древняя, так и современная - должна учить нас проявлять осторожность. Вот почему мы должны воспользоваться нынешним благоприятным шансом - временем, когда основные страны заняты внутренними проблемами и в большинстве имеют ограниченную военную силу, - чтобы создать институты и механизмы для поддержания мира в будущем.

Однако такая ситуация будет не всегда. Признаки этого видны в Азии, всё более мощной в экономическом и военном измерениях, чреватой возможностью - разумеется, вероятностью - заметных сдвигов в расстановке сил на субрегиональном и региональном уровнях. Кроме того, в будущем стратегическое влияние США будет, видимо, уменьшаться, по крайней мере как независимой силы. США с растущей вероятностью будут частью какого-то коллективного образования или коалиции, специальной или институционализированной. Будет важным, иногда как лидеру таких сил либо как видному члену, а иногда как уравнивающей силе среди соперничающих государств, двигаться от односторонности к многосторонности. Соответственно будет возрастать важность внутриазиатских отношений, причем не только в экономической сфере, но и в политической и стратегической.

Если иметь в виду изложенное выше, то Китай может стать самым влиятельным на региональном уровне в Восточной Азии, хотя он продолжает стоять перед мощными внутренними вызовами.

К началу XXI века Япония будет быстро становиться стареющим обществом, хотя и сохранит жизнеспособность своей экономики. Интернационализация её экономики - как по вертикали, так и по горизонтали - будет с нарастающей силой бросать вызов её культурной замкнутости.

Россия является еще одним обществом, которое, возможно, возродится как крупная сила в будущем веке, имея в виду её большие естественные и людские ресурсы. России для реализации своего потенциала требуется сочетание большей политической стабильности с конструктивной политикой поступательного экономического развития. Однако в какой-то момент в будущем Россия наверняка вновь воспрянет.

Не следует забывать об Индии. С отказом Нью-Дели от социализма по теории Гарольда Ласки индийская экономика готова к внушительным достижениям. Кроме того, за видимым на поверхности беспорядком в индийских политических институтах скрывается их удивительная мощь, намного большая, чем во многих частях Восточной Азии, где зависимость от личностей - сильных лидеров - является доказательством сохраняющейся хрупкости такого рода институтов.

Почти с уверенностью можно полагать, что и впредь сохранятся различия в политических системах азиатских государств. На какое-то время может удержаться модифицированный ленинизм, однако в будущем господствующими политическими системами будут авторитарный плюрализм и парламентская демократия. Разной степени ограничения будут наложены на политические свободы граждан, однако гражданское общество отдельно от государства будет постепенно набирать силу, а экономика станет смешанной с частным сектором при его доминирующем влиянии.

В результате, как отмечено выше, конфликты из-за политической идеологии или системы в будущем будут играть намного меньшую роль. Кроме того, следует предать забвению концепцию, о том, что может возникнуть столкновение между соперничающими цивилизациями или культурами. Эта концепция достаточно сенсационна, чтобы привлечь внимание, однако глубоко

порочна как научная теория или реальность. Бесспорно, культура является и будет оставаться фактором среди многих, указывающих на национальные различия. Но спрашивается, где сегодня есть культура в чистом или статичном виде, не тронутая мировыми течениями, сохранившаяся сама в себе, проходя через поколения и этнические границы? Господствующей тенденцией является гомогенизация культур, которые становятся всё больше взаимосвязанными, а не сохранение их в чистоте и в оторванности друг от друга.

Таким образом в постмодернистский век основное столкновение будет не между т.н. цивилизациями, а между силами разъединения (*dis aggregation*) и соединения (*aggregation*). Это столкновение будет происходить как внутри обществ, так и на региональном и глобальном уровнях. Обе эти силы уцелеют, однако имеются достаточно хорошие перспективы в том направлении, что мы медленно, болезненно и подчас беспорядочно будем продвигаться к большему единству и к разрешению споров мирно через диалог, а не войной.

Независимо от результата такой образ действий не будет единственным путём. Нации будут действовать и в одиночку, и на двусторонней, региональной и глобальной основе. Задача же состоит в том, чтобы эти разные уровни стали ступеньками, а не преградой на пути к различным уровням взаимодействия. Далее, в настоящее время независимо от метода или уровня стало фактически общепризнанным то, что вовлеченность (*engagement*), а не сдержанность (*containment*) и изолированность способствуют изменению поведения правительства.

Я верю в поколения, набирающие зрелость. Говоря в целом, они будут более образованными и более космополитичными, чем предыдущие поколения. Будет мучительным вопрос о ценностях и главной проблемой станет сложность жизни. Кроме того, ключевые проблемы будут скорее всего в области демографии, окружающей среды и геронтологии. Наука и технология, следовательно, должны ускорить замену старых механизмов и институтов на новые, содействующие диалогу и совместной выработке политики.

В выполнении этой задачи важная роль отводится неправительственным учреждениям. Они должны выступать инициаторами новых идей и программ, которые правительства могли бы поддержать. Оставленный наедине с собой, бюрократический аппарат редко бывает способным на перемены. Он нуждается в помощи от более динамичных институтов.

Азиатско-Тихоокеанский регион будет целиком вовлечен во все эти дела. Он занимает полмира, здесь расположено большинство динамичных обществ нашего времени. Регион представляет такое сочетание быстрого развития и проблем, порожденных развитием, что смоделирует будущее. Тем самым он должен взять на себя ответственность за выдвигание идей и создание институтов, которые будут служить постмодернистскому веку лучше, чем предыдущие в уходящем столетии. Это может быть сделано с устранением многих препятствий и при наличии выдающихся новых возможностей, которые появятся в процессе научно-технической революции.

О концепции ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия, в США

© 1995

В. Бунин

С 29 января по 4 марта 1995 г. в США, в городе Атланте, в Центре международной стратегии, технологии и политики при Технологическом институте штата Джорджия прошла международная встреча с целью разработки концепции создания Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия (ОЗСЯО), в Северо-Восточной Азии. Инициатор встречи проф. Джон Е. Эндикотт, у которого идея ОЗСЯО родилась еще в 1991 г., по подсказке, как он говорит, бывшего президента США Дж. Буша, пригласил в Атланту при поддержке Фонда Форда и других спонсоров ряд отставных генералов, работающих ныне в науке над проблемами безопасности в АТР, в том числе: из республики Корея - полного генерала Ким Чже Чана, старшего исследователя Корейского института оборонного анализа, из Японии - генерал-лейтенанта Тосиюки Сиката, профессора токийского университета Тэйке, из России - автора этих строк. Отставной генерал от Китайской Народной Республики, которому было послано официальное приглашение, отказался от участия во встрече из-за незнания английского языка. Последнее было непременно условием, поскольку дискуссия велась на английском языке без переводчиков. Вместо генерала китайскую сторону представлял очень энергичный заместитель директора Китайского института современных международных отношений профессор Ян Сюедао. Корейская Народно-Демократическая Республика приглашения не приняла. США представлял автор концепции ОЗСЯО, отставной военный, в прошлом занимавший крупные военные посты, проф. Джон Е. Эндикотт, руководитель Центра международной стратегии, технологии и политики. Собравшуюся в Атланте международную группу решено было именовать Группой старших экспертов.

Представленный на первом заседании Группы Д. Эндикоттом проект представлял собой краткое описание подходов к созданию Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия в США. Границы зоны определялись окружностью радиусом в 1200 миль с центром посередине демаркационной линии, разделяющей Северную и Южную Корею. Предлагаемая зона захватывала Японию, Корейский полуостров, о. Тайвань, большую часть Северо-Восточного Китая, Юго-Восток России и частично Монголию. Среди участников зоны назывались также США, хотя их территория в окружность не входила.

Китайский делегат выступил с возражением против включения в зону в качестве самостоятельного члена о.Тайвань, который "является неотъемлемой частью Китая". В результате обмена мнениями было решено оставить в тексте упоминание о вхождении острова в зону, но в формулировке "Китай, включая Тайвань".

Российский участник задал вопрос, какой мыслится конкретная роль США в зоне, если их территория в нее не включена. Поскольку аргументированного ответа председательствующий не дал, было предложено при сохранении данной конфигурации зоны обязательно включить в текст фразу: "Хотя территория США не охватывается зоной, Вашингтон принимает самое активное и конструктивное участие в создании ОЗСЯО". Поправка была включена в конечный вариант текста концепции. Одновременно был предложен эллипсообразный вариант зоны с включением территории США (например, Аляски). Этот вариант также нашел место в окончательной редакции концепции, хотя границы американской зоны не были четко обозначены, не было также принято решение о прохождении границ зоны в морском пространстве.

Весьма противоречивую и деструктивную позицию на первом же заседании занял японский делегат, заявивший, например, что народ Японии, на 90% поддерживающий три неядерных принципа своей страны (не производить, не иметь и не ввозить ядерного оружия), тем не менее ни в коем случае не примет концепции о вхождении Японии в безъядерную зону. Пытаясь объяснить свою точку зрения, генерал Т.Сиката утверждал, что японские правые силы и бюрократия никогда не допустят, чтобы Япония осталась беззащитной перед лицом ядерных держав. На вопрос, как же Токио в течение четырех с лишним десятилетий безоговорочно верил "ядерному зонтику" США, призванному по японо-американскому договору безопасности гарантировать целостность и неприкосновенность Японии, последовал ответ, что сейчас доверие к ядерным гарантиям Вашингтона в значительной степени подорвано. Возражая японскому генералу, пришлось указать на то, что многосторонняя система безопасности, предполагающая взаимное доверие государств, которые объединяются в какую-либо коллективную организацию наподобие безъядерной зоны, составляет основу этого органа и без доверия к ядерным государствам - членам зоны, немислимо существование будущей системы безопасности в эпоху после "холодной войны", когда утратило свое прежнее значение выражение "потенциальный противник", а отношения между государствами строятся на основе партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и кооперативной безопасности.

Т.Сиката продолжал отстаивать свою точку зрения, задав вопрос, почему, по его словам, безоружная Япония должна верить в ядерные гарантии Москвы и Пекина? В моей реплике было отмечено, что Т.Сиката продолжает мыслить категориями "холодной войны", не учитывает и не приемлет происходящей перестройки международных отношений в регионе, основанной на новом политическом мышлении. Здесь российскую сторону полностью поддержал китайский делегат.

На первом же заседании Группы старших экспертов корейский генерал Ким сделал оговорку, что декларация о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной уже принята Севером и Югом Кореи, и это не дает оснований для вхождения всего Корейского полуострова в безъядерную зону на основе международного договора до полной ясности позиции Северной Кореи по этому вопросу.

С 30 января по 25 февраля 1995 г. состоялось 12 заседаний (по три совещания в неделю). Надо отметить, что полемика была особенно острой в первой половине совещаний, когда возникало сомнение, что вообще можно будет

о чем-либо договориться. Постепенно участники ближе узнавали мнения друг друга и стали находить совпадающие точки зрения по обсуждаемым вопросам, больше стало компромиссных предложений, что заметно продвинуло дело вперед. Тем не менее представитель России вынужден был разъяснить своим коллегам, что создание Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия в СВА - это лишь первый крупный шаг на пути формирования многостороннего переговорного механизма безопасности, и предложил аргументированно изложить это положение во введении, которого в тексте концепции не было. После всестороннего обсуждения предложение было принято и в результате дополнений со стороны автора концепции введение обрело окончательную форму в проекте.

Аргументируя свое негативное отношение к участию Японии в зоне, японский генерал заявил, что конституция его страны запрещает ей принимать какое-либо участие в коллективных операциях. Его замечание было отвергнуто на том основании, что концепция зоны имеет сугубо оборонительную направленность, а прецеденты участия японских сил самообороны в коллективных миротворческих операциях ООН уже имеют место в соответствии с принятыми в Токио законами.

Серьезному обсуждению подверглись проблемы вывода из ОЗСЯО всех ядерных боеголовок: это относилось к Китаю, на территории которого, включенной в зону, расположено до 70% всех ракетно-ядерных сил страны, и к дальневосточному сектору России, Приморскому краю. Председательствующий предложил вывести из зон ядерных держав всего лишь тактические средства, что касается стратегических баллистических ядерных ракет, то они подпадают под соглашения СТАРТ-I и СТАРТ-II и регулируются ими.

Последовало категорическое возражение со стороны японца, который посчитал такое предложение нецелесообразным, поскольку тактические ядерные средства с дальностью действия 500 км все равно не могут достичь территории Японии, зачем же в первую очередь выводить их? Если речь идет о выводе, то, по его мнению, перемещать или уничтожать на месте следует все ядерные боеголовки.

На это доктор Ян из Китая с возмущением отметил, что предлагается неадекватное перемещение в глубь территории или уничтожение ядерных боеголовок. КНР в таком случае будет вынуждена переместить или уничтожить 2/3 своего ядерного потенциала. Перемещение ядерных средств вглубь территории может быть негативно расценено со стороны безъядерных государств, Индии и Казахстана. В разъяснении российского эксперта было отмечено, что мир неотвратно движется к общему сокращению или полному уничтожению всего ядерного оружия и рано или поздно каждое ядерное государство должно сократить свой ядерный арсенал до определяемых международными соглашениями пределов, настала очередь и Китаю включиться в этот процесс.

Оживленный обмен мнениями вызвали и вопросы верификации, т.е. проверки выполнения взаимных обязательств о выводе или уничтожении ядерных боеголовок из зоны. В связи с этим была предпринята не запланированная ранее командировка всей Группы в атомный центр США в Альбукерке, штат Нью-Мехико, где расположена верификационная лаборатория Сан-Диа. Ученые лаборатории подробно ознакомили экспертов с имеющимися в США штатными технологиями верификационного оборудования для наземных станций наблюдения и контроля. Проинформировали, в частности, о том, что они тесно сотрудничают с подобной же российской лабораторией, расположенной в Воткинске, и, отвечая на вопрос, отметили, что по их мнению воткинские верификационные приборы ничуть не хуже американских. К сожалению, после длительного обсуждения эксперты и практики пришли к общему выводу, что

надежно обеспечить контроль за выводом из зоны ядерных боеголовок современные технологические верификационные наземные приборы не смогут.

В ходе дальнейших заседаний было решено записать в текст концепции, что дефиниции (точное определение) ядерных боеголовок, подлежащих выводу из зоны или уничтожению на месте, конкретно определит создаваемое при зоне Промежуточное агентство (о нем подробнее будет сказано ниже), оно же будет осуществлять верификационные функции, для чего каждая из участвующих в зоне сторон предоставит в распоряжение Агентства самые последние технологические достижения в области верификационного оборудования.

В результате дальнейшей работы над проектом появился третий вариант безъядерной зоны в Северной части Тихого океана, охватывающей территории юго-восточных районов России, северо-восточных районов Китая и северо-западную часть США (Аляску). Предложенная зона хотя и не имеет четко обозначенных границ, была включена в проект концепции в качестве одного из трех вариантов.

Несколько заседаний было посвящено созданию так называемого Промежуточного агентства для дальнейшей работы над проектом, если он будет одобрен сторонами. Первоначально его предлагалось разместить во Владивостоке. Но японский делегат возразил, что правильнее будет разместить Агентство в неядерной стране. Хотя в качестве альтернативных назывались также Улан-Батор, Паньмыньчжон, расположенный на демаркационной линии между двумя Кореями, предпочтение в конце концов было отдано предложенной японцем Хиросиме.

Промежуточное агентство должно выбрать окончательный вариант ОЗСЯО, четко определить его границы, в том числе и морские, наметить этапы вывода ядерного оружия из зоны, дефиниции ядерных боеголовок, подлежащих выводу в первую очередь и в последующие периоды, создать верификационные отряды, оснатив их соответствующим оборудованием (аппаратурой), и следить за их деятельностью.

В проект концепции включены пункты о понятии территории государства, входящего в зону. Записано, что соглашение о создании ОЗСЯО должно быть бессрочным. В случае денонсации соглашения какой-либо из сторон, оно вступает в силу спустя 6 месяцев после подачи письменного уведомления в Агентство. Проект призывает присоединиться к соглашению о создании ОЗСЯО и другие государства, в том числе и не входящие в Северо-Восточную Азию.

Каждое совещание привносило в первоначальный вариант концепции новые страницы текста, так что окончательно согласованный проект концепции содержит 36 страниц оригинала.

Второй этап работы Группы старших экспертов заключался в том, чтобы доложить результаты проделанной работы американской общественности, в первую очередь военным и научным кругам, ведающим вопросами обеспечения безопасности. Такие доклады-брифинги состояли обычно из изложения автором концепции истории ее зарождения и проделанной Группой старших экспертов работы и 10-15-минутных комментариев каждого члена Группы, после чего следовали ответы на вопросы аудиторий. С завершенным вариантом концепции были ознакомлены: исследовательская группа Центра бывшего президента Картера в Атланте, командующий оперативным командованием сухопутной армии США генерал Денис Реймер (Атланта), командование объединенного командования сухопутных сил США, руководство Национального университета обороны в Вашингтоне, в том числе профессор этого университета известный американский ученый Е.Ростов, президент Фонда Форда Франклин А.Томас, а также члены Японского общества в Нью-Йорке, редколлегия крупнейшей в

США и на северо-востоке страны газеты "Бостон-Глоуб" (г. Бостон), руководство Флетчерского института анализа внешней политики и дипломатии (г. Бостон), руководство Института международных исследований Университета Беркли, штат Калифорния, в том числе известный ученый-востоковед Роберт Скалапино. Основы концепции были доложены также представителю КНДР в ООН (Нью-Йорк), который в целом позитивно отнесся к ней. Основные положения концепции были изложены и разъяснены на пресс-конференции в Национальном клубе печати для иностранных корреспондентов в Вашингтоне.

Концепция вызвала общее одобрение американской аудитории. Руководитель встречи выступал с интервью по прямому широковещательному телеканалу Си-Эн-Эн. Журналисты брали интервью у отдельных членов группы. Участники брифингов живо реагировали на представленную программу создания Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия в СВА, задавали многочисленные вопросы, в том числе касающиеся возможного отношения к концепции со стороны официальных органов включенных в зону государств.

Третья немаловажная часть программ работы Группы старших экспертов заключалась в том, что все они были обязаны выступить с несколькими лекциями перед студентами и преподавателями Школы международной политики при Технологическом институте штата Джорджия. В этих лекциях наряду с изложением национальных интересов и позиций своих стран по проблемам безопасности в СВА они разъясняли свое отношение к концепции создания ОЗСЯО.

По нашему мнению, разработанный в Атланта международной Группой старших экспертов проект концепции создания Ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия в СВА, является одной из первых попыток формирования в регионе многостороннего переговорного механизма безопасности, а его Промежуточное агентство может стать постоянным органом предотвращения военных конфликтов в регионе, что было записано в тексте проекта.

Текст проекта еще не до конца отработан, не все формулировки точны, но эти недостатки могут быть устранены после начала работы Промежуточного агентства. Прежде всего это касается определения окончательного варианта зоны, в которой, на наш взгляд, должна быть обязательно представлена территория США, что и послужит реальным шагом к принятию концепции и ее реализации.

Безусловно, процесс создания ОЗСЯО довольно сложный, он потребует длительного времени, серьезных политических решений на международном уровне, но даже первоначальный его вариант, по нашему мнению, следует одобрить или взять за основу соответствующими компетентными органами РФ. Уход в сторону от решения проблемы поставит в невыгодное положение Россию, добивающуюся участия в любых формах создания многостороннего переговорного механизма для обеспечения безопасности в регионе.

Концепция приобретает тем более важное значение, что она вовлекает в мировой процесс разоружения по стратегическим ядерным системам Китай, который до сих пор в нем не участвовал. Она подталкивает Японию, Южную и Северную Корею к более активному включению в сокращение конвенционного (обычного) вооружения, которого особенно много накопилось на Корейском полуострове. И, наконец, проект концепции - это первая попытка представителей пяти государств СВА найти согласованное решение по весьма важной проблеме создания системы коллективной безопасности в регионе.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Идейно-политическая ситуация в Китае в 1994 году

В редакцию поступил материал группы экспертов, в котором рассматриваются основные вопросы общественно-политической обстановки в КНР в 1994 году. Сокращенный вариант раздела, касающегося внутренней политики и идеологии, мы предлагаем вниманию наших читателей.

В 1994 г. было официально объявлено о завершении передачи власти от поколения ветеранов во главе с Дэн Сяопином третьему поколению руководителей, возглавляемому Генсеком ЦК КПК, Председателем КНР Цзян Цзэминем. Об этом говорилось в передовой статье "Жэньминь жибао" от 30 сентября, посвященной 4-му пленуму ЦК КПК (сентябрь 1994 г.).

Заметно укрепил свои позиции Цзян Цзэминь, сумевший на 4-м пленуме ЦК КПК добиться введения в Политбюро и Секретариат ЦК КПК своих людей. Он предпринял усилия для упрочения своего авторитета в армии, в частности присвоив генеральские звания большой группе военных. Однако Цзян Цзэминь остается скорее первым среди равных, чем вождем, чье лидерство общепризнано и неоспоримо.

Председатель ПК ВСНП Цяо Ши и его заместитель Тянь Цзинюнь используют для усиления своего влияния официальную линию на повышение роли собраний народных представителей. Премьер Госсовета Ли Пэн полностью восстановил свои позиции, пошатнувшиеся в связи с его болезнью в 1993 г. Вице-премьер Чжу Жунцзи укрепился в роли главного руководителя экономики, заняв пост председателя Народного Банка Китая (Центробанк).

С уходом Дэн Сяопина в Китае завершится эпоха харизматического руководства, и ему на смену придет коллективное, устойчивое, которого, однако, вызывает сомнения. В краткосрочном плане наибольшую угрозу стабильности в верхах несут не столько идейно-политические расхождения, сколько присущие китайскому истеблишменту фракционность и клановость, а также личные амбиции и борьба за власть. Дополнительным дезорганизующим фактором может стать и вмешательство ветеранов в процесс выработки и принятия решений.

Идейно-политическое согласие в верхах зиждется на нынешнем относительно благополучном социально-экономическом положении. Если в этой области произойдут крупные сбои, вероятность которых весьма велика, то возможно возникновение серьезных разногласий и даже конфликтов в руководстве. Кроме того, проведение трудных, связанных с большими социальными издержками преобразований, также будут вызывать острые разногласия. "Теория социализма с китайской спецификой" настолько противоречива, что поддержание единства на ее основе более чем проблематично.

Произошло дальнейшее усиление региональных элит, их способности отстаивать и реализовывать местные интересы². Вследствие их противодействия оказалась во многом выхоленной линия Центра на снижение темпов роста и объема инвестиций. Разногласия между Центром и местами по вопросам экономического политики блокировали обсуждение на 4-м пленуме ЦК КПК хозяйственных вопросов. Их не удалось примирить и на всекитайском экономическом совещании в ноябре 1994 г. Неурегулированность системы взаимоотношений по линии центр-места не только затрудняет выработку и проведение единой экономической политики, но и несет общий дестабилизирующий потенциал.

Остро встали проблемы контроля и власти в сельской местности. Деколлективизация привела к значительному ослаблению и даже свертыванию деятельности сельских партийно-государственных структур и общественных организаций. Их место начали занимать традиционные клановые, а то и криминальные образования. Резко ухудшилось состояние правопорядка, усилилось возрождение традиционных обычаев и норм поведения.

Практика показала, что парцеллярное крестьянское хозяйство само по себе с огромным трудом вписывается в рынок и нуждается в помощи государственных структур, кооперативных организаций и т.п. Экономический успех в деревнях во многом зависит от наличия там авторитетного и компетентного руководства.

Несмотря на широкое омоложение руководящего состава в годы реформ, проблема кадровой ответственности, особенно в Центре и на провинциальном уровне, вновь заметно обострилась.

За годы реформ ушли в отставку свыше 7 млн. руководителей, начинавших свою трудовую деятельность до 1949 г. Те, кто выдвинулся после 1949 г., ныне составляют большинство членов и кандидатов в члены ЦК, избранного на XIV съезде КПК (октябрь 1992 г.), свыше 80% министров и зам.министров, руководителей провинциального уровня. В настоящее время среди 35 млн. кадровых работников 40% - лица до 35 лет.

С 1982 г. на руководящие посты уездного уровня и выше было выдвинуто 360 тыс. кадровых работников молодого и среднего возраста, а 445 тыс. ветеранов вышли в отставку. В партийно-государственном руководстве уездного уровня доля лиц до 45 лет - 59%.

Однако на более высоких уровнях преобладают люди старших возрастов. Большинству лидеров третьего поколения далеко за 60. К XV съезду КПК (1997) должны будут выйти в отставку по возрасту половина министров и их заместителей, треть партийных и государственных руководителей провинциального и уездного уровня.

Как признавалось в статье Исследовательского центра Орготдела ЦК КПК ("Цзинцзи жибао", 16.10.94 г.), линия на омоложение встречает серьезное сопротивление нынешних партийных и государственных руководителей, которые не дают хода молодым. Если его не преодолеть, то к концу века опять возникнет ситуация дефицита преемников. Необходимо, отмечалось в публикации, всемерно выдвигать 30-40-летних руководителей, т.е. тех, кто сформировался в период реформ, что гарантирует неизменность нынешнего политического курса.

Другая, не менее острая проблема состоит в многочисленных злоупотреблениях в деле подбора выдвижения кадров. Процветают произвол, субъективизм, келейность, кумовство, принцип личной преданности, протекционизм и т.п. В результате консервируются и без того глубоко укоренившиеся среди кадровых работников фракционность и клановость, за бортом остается множество достойных людей.

Решение сложных политических и организационных проблем китайское руководство ищет на путях всемерного укрепления КПК. Этой проблеме был посвящен 4-й пленум ЦК КПК и последовавшая за ним серия совещаний по оргпарработе.

4-й Пленум ЦК КПК XIV-го созыва проходил в Пекине с 25 по 28 сентября 1994 г. Его главным итогом стало принятие Решения об усилении партстроительства, призванное дать ответ на актуальные вопросы деятельности в условиях рыночных отношений, нарастающего социально-экономического плюрализма, а также перехода от харизматического типа руководства к коллективному.

В нем довольно откровенно признается, что в партии существуют явления и тенденции, подрывающие ее способность выполнять руководящую роль, эффективно контролировать положение в стране и управлять общественными процессами.

В целом, выход из создавшейся ситуации авторы Решения видят не в приспособлении партии к новым реалиям, а в активизации традиционных методов партстроительства с целью сохранения и упрочения руководящей роли КПК на всех уровнях и во всех сферах государственной и общественной жизни.

При этом приоритетная роль отводится идейно-политической работе на основе официальной интерпретации дэндовской теории строительства социализма с китайской спецификой. Ставится задача в течение трех лет пропустить всех членов партии через соответствующие учебные курсы.

По мнению авторов Решения, для обеспечения надежного контроля КПК над обществом необходимо наладить активную работу сети низовых партийных организаций, чтобы они и дисциплинированно и энергично проводили линию Центра. Решение этой задачи возлагается на городские и уездные парткомы, руководство которых будет нести персональную ответственность за состояние дел в первичных парторганизациях.

Воспитание кадровой смены рассматривается в Решении как важнейшее условие преемственности политического курса и сохранения основ существующего общественного строя. Особое внимание уделяется подготовке руководителей уездного звена и выше.

В организационном плане ставка делается на укрепление демократического централизма. В Решении много говорится о развитии демократизма в партии, обеспечении его партийными нормативными актами. С одной стороны, речь идет о попытке привить партии традиционного коммунистического типа элементы внутрипартийной жизни, которые свойственны политическим партиям в демократическом обществе, с другой, - эти попытки сводятся на нет акцентом на приоритет централизма. Как подчеркивается в документе, "вся партия должна подчиняться ЦК".

Решение содержит комплекс мер, направленных на преодоление и предотвращение клановости, фракционности, создания местных и ведомственных группировок и т.п. В нем говорится о необходимости создания такой системы, которая гарантировала бы партию от произвола личности и субъективизма. Но одновременно указывается, что помимо "коллективного руководства ЦК", в нем самом должно быть еще и "ядро". Ныне им официально объявлен Генсек ЦК КПК, Председатель КНР Цзян Цзэминь.

Решения пленума носят консервативно-охранительный характер. В нем нет и следов прежних весьма скромных официальных заявок на преобразование места и роли партии в стране (например, идей четкого разделения функций партии, государства и хозяйственных субъектов).

С 26 по 29 октября 1994 г. в Пекине прошло первое Всекитайское рабочее совещание по строительству сельских низовых организаций (СНО)³, на

котором выступил Цзян Цзэминь. В конце ноября 1994 г. ЦК КПК издал "Постановление об усилении строительства СНО".

В ближайшие годы главным направлением в строительстве СНО станет укрепление 800 тыс. деревенских парторганизаций, их руководства. Предполагается подобрать непосредственно на селе или направить из города миллионы грамотных и активных руководителей, в первую очередь, на должности секретарей партаксов. Намечено наладить массовую профессиональную и политическую учебу деревенских кадров. Для их закрепления на селе будут введены материальные льготы и стимулы. Параллельно будет вестись формирование деревенского актива, укрепление, а где надо, и воссоздание государственных и общественных организаций, коллективных хозяйственных структур. В условиях острого дефицита кадров допускается широкое совмещение партийными начальниками руководящих постов в этих организациях и структурах.

Основной целью строительства СНО, особенно работы партаксов, объявлено развитие экономики села, повышение жизненного уровня крестьян. Выдвинут лозунг: "Там где есть экономика, там должна быть и партия". При этом подчеркивается необходимость развития коллективного сектора: он призван помогать крестьянским хозяйствам и стать экономической базой партийно-государственной власти на селе.

Большое внимание уделяется укреплению общественного порядка и стабильности в деревне, борьбе с феодальными пережитками, клановостью и т.п.

В декабре 1994 г. Орготдел ЦК КПК издал "Предложения о дальнейшем упорядочении партаксов, находящихся в ослабленном, расшатанном и парализованном состоянии". Главное внимание уделяется организационному укреплению сельских парторганизаций, их руководства в наиболее неблагополучных деревнях. Ответственность за эту работу возлагается на уездные и волостные парткомы и лично на их секретарей. Результаты упорядочения будут играть важную роль при оценке деятельности уездного и волостного партийного руководства.

К концу года в стране развернулась реализация "Предложений". Из провинциальных, окружных (городских), уездных и волостных партийно-государственных органов в 32 тыс. деревень направлено свыше 400 тыс. кадровых работников.

С 30 ноября по 3 декабря с.г. ЦК КПК провел Всекитайское совещание по оргработе, определившее основные задачи в области кадровой политики на 1995 г. и на последующий период. На нем выступили генсек Цзян Цзэминь и член постоянного комитета Политбюро, секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, курирующий оргпартию. В соответствии с установками совещания, главной задачей в области кадровой политики должны стать подбор и выдвижение молодых руководителей с перспективой работы в XXI веке. Цзян Цзэминь назвал это ключевым аспектом партстроительства. Намечено в течение 3-5 лет существенно увеличить долю кадров среднего и молодого возраста в руководстве партийных и государственных органов от уездного уровня до ЦК и Госсовета.

В подборе и выдвижении кадров первостепенное внимание уделяется идейно-политическим критериям. Прежде всего речь идет о приверженности теории социализма с китайской спецификой и верности основанному на ней политическому курсу. Такой акцент связан с наличием в партии ощутимых отклонений от официальной идеологической и политической линии. За день до совещания Ху Цзиньтао, выступая перед слушателями Центральной партшколы, подчеркивал, что вооружение партии теорией социализма с китайской спецификой остается "самой коренной" задачей партстроительства. Он призвал парткомы всех уровней "ни на йоту не ослаблять" усилий в этом направлении.

Совещание поставило задачу ускорения реформы кадровой системы, защиты механизма подбора и назначения кадров от воздействия фракционных, родственных, личных и т.п. факторов, повышения его объективности, открытости, способности отбирать действительно достойных людей, считая, что определенный опыт в этом плане уже имеется. Осенью 1994 г. проведены открытые экзамены на замещение 490 должностей в 30 министерствах и комитетах Госсовета. Конкурс составил 10 человек на место. Правда, речь идет о должностях рядовых сотрудников.

Китайское руководство отдает себе отчет в том, что линия на омоложение кадрового состава встретит противодействие со стороны многих нынешних руководителей. Не случайно, совещание призвало их проникнуться "актуальностью" воспитания кадровой смены.

В целях борьбы со злоупотреблениями при выдвижении кадров Орготдел ЦК КПК издал "Постановление о решительном предотвращении и исправлении порочного стиля в подборе и назначении кадровых работников". В соответствии с этим документом, повсеместно должна быть проведена проверка назначений, произведенных в последние годы. Партигруппы руководства (парткомы) центральных органов и парткомы провинциального уровня должны до конца марта 1995 г. представить в Орготдел ЦК КПК доклады об ее итогах.

Представляется, что в Китае начинается новое крупное обновление руководящего состава. Как представляется, речь идет в том числе и о формировании четвертого поколения руководства страны. Разумеется, на ход и результаты этого процесса наложат заметный отпечаток фракционность и идейно-политическое многоголосье в КПК. Однако даже с учетом этих обстоятельств в целом к власти будут приходить деятели, формирование и карьера которых связаны с курсом на реформы и открытую политику, что закрепит его необратимость и может придать новый импульс углублению преобразований.

В 1994 г. китайское руководство уделяло повышенное внимание идеологическим вопросам. В январе ЦК КПК провел крупнейшее с 50-х гг. Всекитайское совещание по пропагандистской и идеологической работе. На нем с пространными речами выступили Цзян Цзэминь, Ли Пэн и Чжу Жунцзи. Ли Пэн заявил, что "не надо жалеть денег на идейно-политическую работу, и лучше сэкономить на чем-нибудь другом, чтобы обеспечить улучшение условий на пропагандистском фронте, повышение эффективности пропаганды".

"Самой важной" задачей в сфере идеологии и пропаганды объявлено дальнейшее утверждение теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой в качестве фундамента идейно-политической платформы КПК и вооружение этой теорией всей партии, прежде всего руководящего состава всех уровней, который должен в ближайшие 2-3 года пройти через соответствующие учебные курсы.

Помимо вышеуказанного совещания этот круг вопросов рассматривался на Всекитайском совещании по воспитательной работе среди членов партии (январь 1994 г.). В системе партучебы активно велось изучение третьего тома Избранных произведений Дэн Сяопина (1993 г. изд.). Руководители министерского и провинциального уровня проходили в Центральной партшколе курсы по теории Дэна с отрывом от работы. Хотя пришедшееся на 1994 г. 90-летие Дэн Сяопина (22 августа) по сложившейся в КНР традиции не отмечалось, к юбилею в Китае прошли научные симпозиумы, в прессе были опубликованы материалы по социализму с китайской спецификой.

В ноябре 1994 г. в Китае было выпущено в свет второе издание 1-го (1938-1965 гг.) и 2-го (1975-1982 гг.) томов Избранных произведений Дэн Сяопина. Оно дополнено 18 ранее не публиковавшимися работами и

выступлениями автора. Их подбор и официальная трактовка призваны показать, что ряд основополагающих идей нынешнего внутривластного курса были сформулированы Дэн Сяопином еще в дореформенный период. Отдел пропаганды и Орготдел ЦК КПК издали постановление о том, что изучение 3-го тома трудов должно быть дополнено изучением первых двух томов второго издания.

С переизданием 1-го и 2-го томов Избранных произведений Дэн Сяопина партия получила канонизированный свод идей, составленный при личном участии автора. Еще большее значение имеет то, что при жизни Дэна и с его благословения дана интерпретация его идейного наследия, закрепляющая и развивающая внутри- и внешнеполитический курс реформенного периода. Таким образом, создана достаточно прочная идеологическая основа легитимности и преемственности руководства.

Год завершился крупномасштабным симпозиумом, посвященным Избранным произведениям Дэн Сяопина и теории социализма с китайской спецификой. Его проведение санкционировал ЦК КПК, а непосредственными организаторами выступили Отдел пропаганды ЦК КПК, Центральная партшкола, Центр документации ЦК КПК, АОН Китая, Госкомобраз и Главгур НОАК. Проходил Симпозиум в здании ВСНП, на нем выступили с большими речами Ху Цзиньтао, Бо Ибо, Ли Ланьцин и другие видные политические деятели, а также крупные ученые.

Хотя теория Дэн Сяопина преподносится как продолжение и развитие марксизма и идей Мао Цзэдуна, главный акцент делается на ее самостоятельности и оригинальности по отношению к предшественникам, на том, что именно она дала ответ на ключевые вопросы социалистического строительства, а ее правильность "уже доказана практикой". При сохранении подчеркнутого уважения к предтечам Дэн Сяопина, их наследие все более трактуется как пройденный конкретно-исторический этап развития партийной идеологии.

Что касается Мао Цзэдуна, то его идеи как бы выводятся за рамки теории и практики социализма, за ним оставляются по преимуществу заслуги в деле победы революции. Таким образом, сохраняется авторитет Мао, его леваческие ошибки замалчиваются и левая оппозиция лишается возможности апеллировать к идеям Мао в своих нападках на реформы и открытую политику.

В официальной интерпретации идейного наследия Дэн Сяопина в целом на первой план выдвигаются прагматизм и антидогматизм, борьба с левачеством как главной идеологической проблемой, при этом подчеркивается важность таких положений, как подчинение политики экономике, развитие производительных сил и повышение жизненного уровня народа как решающие критерии в оценке теоретической и практической деятельности, формирование рыночной экономики, интеграция в мировое хозяйство и т.п.

В трудах Дэн Сяопина и в их официальной интерпретации содержится немало установок ортодоксального социализма. Главные среди них - ведущее положение общественной собственности и руководящая роль партии. Правда, в отстаивании первой установки социалистические мотивы уходят на второй план и все более отчетливо проявляются этатистские воззрения, традиционно присущие китайской политической традиции, а также аргументы, апеллирующие к специфике страны. Что касается второй установки, то хотя в этом отношении проявляется полная бескомпромиссность, однако в мотивировке необходимости сохранения политической монополии КПК явно происходит смещение акцента с идеологических принципов на практическую сторону дела. Партия выступает не столько в качестве носительницы и хранительницы социалистических догм, сколько в роли организатора и проводника

модернизации, реформ и открытой политики, гаранта единства и стабильности общества и государства.

Пережитки социалистической ортодоксии оказывают ощутимое влияние на ход реформ, искривляя его "влево". Кроме того, социалистическая фраза, пусть даже во многом лишившаяся реального содержания, в сочетании с постоянным подчеркиванием преемственности в отношении учения Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна далеко не безобидна. Как показал многолетний опыт реформ, ее весьма эффективно могут использовать консервативные круги для торможения и даже блокирования преобразований.

Вооружение всей партии теорией социализма с китайской спецификой рассматривается в Китае как "стратегическая задача". Признается, что в этом деле достигнуты лишь "первые успехи", и влияние взглядов и образа действий, противоречащих реформам и открытой политике все еще весьма ощутимо. Речь идет прежде всего о различного рода левацких тенденциях.

В октябре 1994 г. ряд видных и авторитетных государственных деятелей Китая выступили в Центральной партшколе и подвергли резкой критике "левацкие элементы". Они отмечали, что курс на реформы и открытую политику по-прежнему подвергается левацким нападкам. Спекулируя на возникших в ходе преобразований социально-экономических трудностях (инфляция, безработица, застойные явления в сельском хозяйстве, рост преступности и т.д.), леваки ставят под вопрос курс на переход к рыночной экономике, пугают тем, что рынок развалит партию и т.п. Ветераны призвали не поддаваться левому давлению и продолжать нынешний политический курс.

Многие признаки свидетельствуют о том, что в 1994 г. произошло оживление деятельности приверженцев социалистической ортодоксии. Они провели серию "научных" симпозиумов и подготовили материалы о ситуации в стране и результатах преобразований. Лейтмотив всей этой деятельности состоит в отрицании рыночной экономики. Причины нынешних общественных проблем леваки усматривают в хозяйственных преобразованиях.

Появились и так называемые "новые левые". Их представители выступают с позиций государственничества, ратуют за усиление роли Центра, высокую централизацию экономики и других сфер общественной жизни. Будучи скорее последовательными этатистами, чем адептами социалистической ортодоксии, они тем не менее во многом объективно смыкаются со сторонниками последней.

Оргмеры в отношении леваков пока не принимаются (правда, вышеупомянутую книгу из продажи изъяли). При всех разногласиях с официальной линией, они тем не менее находятся в рамках идейно-политического спектра КПК, для всех оттенков которого в большей или меньшей степени характерно присутствие элементов социалистической ортодоксии. Видимо, левачество еще долго будет оставаться ощутимым фактором в идейно-политической жизни Китая. Но оно уже вряд ли способно вернуть себе утраченные позиции, хотя его влияние может возрастать в моменты ухудшения социально-экономической ситуации.

В 1994 г. в развитии идейно-политической платформы КПК наметились новые моменты, связанные с обращением партии к национальной идее и традиционной культуре, прежде всего к конфуцианству.

В начале сентября ЦК КПК издал директиву о патриотическом воспитании населения. Она представляет собой комплексную программу идейно-политической работы. Пожалуй, впервые в партийном документе идеям патриотизма отводится доминирующее положение, а все остальные аспекты, включая теорию социализма с китайской спецификой, выступают, по сути, в качестве производных.

В документе подчеркивается, что патриотическое воспитание должно пронизывать всю идейно-политическую работу, стать основой социалистической духовной культуры, "общественным лейтмотивом". Ставится задача создать "плотную атмосферу патриотизма", чтобы каждый китаец постоянно и во всех сферах повседневной жизни подвергался воздействию патриотического духа и идей.

Патриотическое воспитание призвано привить населению идеи о величии китайской нации, ее истории и культуры, утвердить идею собственного своеобразного пути развития, обусловленного национальной спецификой, устранить комплекс неполноценности перед Западом, нейтрализовать опасное для существующих общественных порядков западное культурное и политическое влияние.

Документ отразил стремление руководства КПК представить партию и ее политику в качестве наиболее адекватных выразителей национальной идеи. В нем указывается, что "патриотизм и социализм в сущности едины", а "социализм с китайской спецификой - это основа современного патриотизма". В этой связи подчеркивается, что успехи в социалистическом строительстве являются "самым жизненным и актуальным" материалом для патриотического воспитания.

Его главным объектом названы дети и молодежь - от детских садов до вузов. Предполагается не только организация специальных уроков и внеклассной деятельности, но и насыщение патриотическими идеями всех учебных материалов. Эти установки нашли отражение также в принятых ЦК КПК директивах по организации нравственного воспитания в учебных заведениях.

В октябре 1994 г. в Пекине состоялась 2-я международная конференция по конфуцианству, проходившая на волне возрастающего интереса в КНР к этому учению.

В многочисленных материалах печати, посвященных наследию Конфуция, можно было встретить утверждения, что будущее Китая зависит от того, удастся ли органично соединить модернизацию с конфуцианством. А в частных беседах некоторые китайские представители даже говорили о том, что либо КПК конфуцианизируется, либо сойдет со сцены.

Организатором конференции стал Китайский фонд Конфуция, почетным председателем которого является бывший зам. премьер-министра Госсовета и влиятельный ветеран КПК Гу Му. Непосредственно руководит работой фонда бывший зам. министра иностранных дел Гун Дафэй. С участниками конференции встретился Цзянь Цзэминь, на ней выступили член постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель ВК НПКСК Ли Жуйхуань и член Политбюро ЦК КПК, зам. премьер-министра Госсовета КНР Ли Ланьцин, в числе прочего курирующий сферу образования.

Выступления представителей руководства партии и государства задали формально академическому мероприятию актуально-практическую идейную и политическую направленность. Как подчеркнул Ли Жуйхуань, его присутствие на конференции - свидетельство значения, придаваемого партией конфуцианству, которое, по его словам, "сидит в сущности каждого китайца". Он призвал взять из конфуцианского наследия все, что способствует решению проблем современного Китая.

Речь Ли Ланьцина была посвящена необходимости использования конфуцианских идей и принципов в деле воспитания подрастающего поколения. По некоторым данным, в китайских школах уже появились соответствующие учебные материалы.

Обращение власть предержащих в Китае к конфуцианству, которое с подачи Мао Цзэдуна долгое время объявлялось реакционным феодальным учением, это попытка дать ответ на уже возникшие острые проблемы китайского общества, претерпевающего глубокие перемены под влиянием реформ и открытой политики: идейно-политический вакуум, возникший из-за дискредитации и девальвации социалистической идеологии; возрастающий натиск западного влияния; перспектива политического плюрализма как логическое следствие социально-экономической плюрализации; рост социальной напряженности; падение авторитета власти; моральная деградация общества; разрушение семейных связей и т.п.

Конфуцианство импонирует китайскому руководству тем, что позволяет сочетать рыночную экономику с доминирующей ролью государства в хозяйственной жизни и высокой социально-политической дисциплиной и централизмом, ориентирует на социальный мир, гармонию и единство в противовес политической борьбе и борьбе интересов, идущей в западном обществе, проповедует примат государства и общества над личностью, послушание властям, приоритет коллективистских ценностей, упорный труд, учебу и культ знаний, готовность терпеть лишения сегодня во имя будущего, прочность семейных связей, уважение к старшим и т.п.

Немалую роль в изменении отношения официального Пекина к конфуцианству сыграла теория, согласно которой успехи развития Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура во многом обусловлены прочностью там конфуцианских традиций. Главный апологет этой теории - бывший премьер Сингапура Ли Куан Ю - избран на конференции почетным председателем Международной конфуцианской ассоциации. Он является частным и желанным гостем в КНР, где его принимают на высшем уровне, а его взгляды популяризируются. Резко негативное отношение Ли Кун Ю к фундаментальным принципам западной культуры, прежде всего политической, стремление противопоставить им особую систему "азиатских ценностей" на основе конфуцианства встречает в Пекине понимание и поддержку.

Обращение китайского руководства к конфуцианскому наследию, видимо, является составной частью более широкого и радикального маневра, состоящего в том, чтобы перевести на язык традиционной культуры и интегрировать в нее партийную идейно-политическую платформу, которая ныне в целом для этого уже достаточно созрела. Это, видимо, полагают в Пекине, вдохнет новую жизнь в КПК и возглавляемый ею режим, укрепит историко-культурную легитимность партии и ее политики, социально-политическую стабильность, оздоровит морально-психологический климат общества, создаст мощный заслон его вестернизации.

1. Мэр и секретарь парткома Шанхая Хуан Цзюй стал членом Политбюро, а бывший секретарь парткома Шанхая, член Политбюро У Банго вошел в состав Секретариата ЦК.
2. В местном подчинении находится около 80% промышленных предприятий, включая основные предприятия машиностроения, энергетики, металлургии и т.д. На места приходится 55% всех инвестиций. В местные бюджеты поступает 62% бюджетных доходов. Кроме того, регионы контролируют 57% внебюджетных доходов. В них создана собственная структура сбора налогов, что повышает их независимость в получении и расходовании средств. Весьма велики права мест в хозяйственной политике, законодотворчестве, кадровых вопросах, внешнеэкономических связях и т.д.
3. Так в Китае обобщенно называют деревенские партийные, государственные и общественные структуры.

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Реформы по нарастающей и "двухколейный" переход: осмысление опыта Китая

© 1995

Фань Ган

Об авторе

В экономической мысли современного Китая особое место принадлежит молодым ученым. Их усилиями китайская экономическая наука вышла на новый уровень. Они познакомили китайское общество с достижениями экономической мысли Запада, применили новые методы исследования для анализа теоретических и практических проблем китайской реформы, выдвинули конкретные предложения, с учетом которых корректировалась экономическая политика руководства КНР. К числу наиболее ярких ученых молодого поколения относится Фань Ган, которого называют в КНР одним из "четырёх маленьких драконов" китайской экономической науки.

Фань Ган родился в 1953 г. в Пекине. Закончив в 1982 г. экономический факультет Хэбэйского университета, поступил в аспирантуру Академии общественных наук Китая, где специализировался по проблемам современной экономической мысли Запада. В 1985-1987 гг. стажировался в США, после возвращения в Китай стал магистром, а затем доктором экономики, ему присвоили ученое звание профессора. В конце 80-х - начале 90-х годов. Фань Ган работает в Институте экономики Академии общественных наук Китая, в 1994 г. назначен заместителем директора Института.

Имя Фань Гана стало широко известно в экономических кругах КНР в 1988 г. после публикации в журнале "Цзинцзи яньцзю" статьи "Теория серого рынка", за которую ученый был удостоен премии видного китайского экономиста Сунь Ефана. Среди работ Фань Гана следует отметить монографию "Сопоставление и синтез трех современных теоретических экономических систем" (1990), в которой были проанализированы три основных подхода в сфере экономических исследований: неоклассический, кейнсианский и марксистский. Событием в научной жизни страны стало издание подготовленного под руководством Фань Гана фундаментального труда "Макроэкономика общественной собственности" (1990). На конкурсе, проводившемся Академией общественных наук Китая, он был признан одним из лучших экономических исследований, изданных в КНР за годы реформы. В рецензиях, опубликованных в научной периодике ("Цзинцзи яньцзю", "Цзинцзи взньсянь синьси"), отмечалось, что данная работа "значительно продвинула вперед китайские экономические исследования в области как применения

современных методов макроэкономического анализа, так и построения теоретической системы макроэкономики общественной собственности". "Макроэкономика общественной собственности" привлекла внимание ученых-экономистов не только в КНР, но и на Тайване, в Гонконге, в Японии. Как писал тайваньский журнал "Чжунхуа цзачжи", она внесла большой вклад в обновление теории, "объединив кейнсианство, взгляды неоклассиков, экономическую концепцию Маркса и экономику дефицита Корнелли". О высокой оценке монографии в Китае и за рубежом свидетельствует также и тот факт, что она стала использоваться как учебник для аспирантов в ряде университетов Китая, Гонконга и Японии.

Важнейшим направлением в исследовательской деятельности Фань Гана в последние годы становится теоретический анализ предварительных итогов экономической реформы в КНР и сопоставление двух моделей перехода к рынку - "позитивной" (Китай) и "радикальной" (Россия и страны Восточной Европы). Этой остродискуссионной теме, вызывающей повышенный интерес как в России, так и за ее пределами, посвящена предлагаемая вниманию читателей статья.

* * *

В 1993 г. в Китае были зарегистрированы самые высокие в мире темпы роста ВВП (13,4%) и значительное ускорение темпов рыночных реформ. Годом раньше курс на развитие "социалистической рыночной экономики" как определенного типа рыночной экономики был официально принят правящей коммунистической партией в качестве цели системных реформ. В то время как некоторые бывшие социалистические страны переживают период экономического спада и политических потрясений, Китай внезапно стал "моделью" успешных экономических преобразований.

В данной статье предпринимается попытка на основании анализа 15-летнего опыта экономических преобразований в Китае объяснить основные особенности избранной Китаем стратегии постепенного перехода к рыночной экономике и разобраться в тех проблемах, которые остались нерешенными в рамках этой стратегии. Основное внимание мы уделим вопросам, как именно проводились реформы в КНР и почему был избран именно этот путь.

Перед всеми странами, имевшими в прошлом централизованную экономику, стоит беспрецедентная задача перехода к рыночной экономике. Становление рыночной системы представляет собой эволюционный процесс взаимодействия между различными хозяйственными субъектами. Отсутствие представлений о рыночной системе и эволюционный характер реформ являются общими для всех стран вне зависимости от избранного варианта реформ. "Радикализм" и "стратегия постепенных реформ" означают лишь различные подходы к первоначальному накоплению знаний о новой системе, к созданию необходимых предпосылок институциональной эволюции. В данной статье мы исходим из того, что решения принимаются людьми в их собственных интересах на основе максимально доступной информации.

1. Приемлемость - политическая экономия реформы

Сегодня перед странами с переходной экономикой стоят два взаимосвязанных вопроса, требующих ответа. Первый заключается в том, почему методы "шоковой терапии" не могли быть приняты в Китае в конце 70-х

годов и даже в настоящее время и почему "стратегия постепенных реформ" была неприемлемой для некоторых других стран или стала неприемлемой для них в конце 80-х годов. Второй вопрос состоит в том, почему проводимая в Китае в 80-е годы политика "постепенных реформ" увенчалась успехом, в то время как другие страны в этот же период потерпели неудачу. Первый вопрос, касающийся "приемлемости" различных подходов к реформе, рассматривается в данном параграфе, а второй, связанный с "возможностью осуществить" различные варианты стратегии, будет исследован в следующем параграфе.

Почему Китаем не был избран путь радикальных реформ: дореформенная экономическая ситуация

Китайская экономическая реформа никогда не была "радикальной" в сравнении со странами Восточной Европы и бывшим Советским Союзом. Политическую реформу еще только предстоит начать после 15 лет экономических реформ; массовая приватизация не стоит на повестке дня; реформа цен проводится постепенно; лишь совсем недавно был унифицирован обменный курс национальной валюты и т.д. Целевой моделью реформы по-прежнему остается не имеющая четкого определения модель "социалистической рыночной экономики", официальный курс на создание которой был принят китайским руководством только в 1992 г.

Это отнюдь не означает, что никто в Китае не предлагал более радикальной программы реформ. Это означает только, что большая часть общества и руководства не приняла ее. В течение всего периода реформы радикальные выступления играли роль противовеса "консервативным" мнениям, высказываемым в ходе общественных дебатов, однако требования более радикальных реформ были недостаточно громкими. Революционные перемены в обществе требуют мощной поддержки больших групп людей, испытывающих трудности кризиса. Было бы нереалистично ожидать, что большинство населения выберет резкую перемену образа жизни в условиях, когда реальные доходы продолжают расти или ожидается их рост и в рамках существующего режима. В конце 70-х годов экономическая ситуация в Китае была "слишком хороша" для того, чтобы мог быть принят пакет радикальных реформ. После окончания в 1976 г. 10-летней "культурной революции" темп роста национального дохода перед началом реформы (1979) составил 7,8 % в 1977 г. и 12,3 % в 1978 г. Если за 70 лет существования прежней советской системы к концу 80-х годов общество оказалось в состоянии глубокого кризиса, то 30-летняя история социализма в Китае была слишком коротка, чтобы истощить потенциал китайской экономики. В то время большинство населения еще не окончательно утратило "веру" в старую систему, поскольку люди не испытали последствий стагнации и падения доходов, как это произошло в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе. Правящая элита еще верила в то, что при более научном подходе она сможет успешно решить экономические проблемы даже лучше, чем восточно-европейские и советские коллеги. Создается ощущение, что китайские технократы вряд ли получили возможность опробовать и осуществить свои "оптимальные" планы экономического развития до 1978 г. из-за частых политических потрясений, начавшихся с конца 50-х. "Культурная революция" нанесла серьезный урон экономике, однако впоследствии она сформировала у многих представление о том, что серьезные проблемы в экономике были связаны с провалом доктрины "политика - ведущая сила", а не с системными недостатками институциональной структуры. Такие "методологические ошибки" можно легко преодолеть, "перенеся центр тяжести в работе на экономическое строительство". Заметное улучшение экономической ситуации после завершения "культурной революции" представлялось многим свидетельством эффективности

прежней системы. Все эти соображения исключали возможность выбора китайским населением радикальной программы реформ на начальном этапе.

Напротив, радикальные реформы были востребованы обществом в странах Восточной Европы и бывшем СССР после политических изменений, имевших место в конце 80-х годов. Когда в 1989 г. свершилась революция, именно путь постепенных преобразований был неприемлемым для большинства. Спустя 3 года аналогичные результаты продемонстрировал референдум в России в апреле 1993 г. Постепенные реформы проводились в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе вплоть до того, как разразился социальный кризис. (Вопрос о том, почему они завершились неудачей, будет рассмотрен позже.) На начальном этапе политика постепенных реформ была принята не потому, что люди были недалекими или "консервативны" (люди всегда остаются людьми), а потому, что старая система в то время еще не вступила в окончательную стадию кризиса. Старая система в Китае (государственный сектор) еще не исчерпала себя даже после 15 лет реформ. Все, что происходило в Китае до настоящего времени, представляет собой в основном рост новой системы параллельно со старой.

Теоретически выбор "радикального" или "постепенного" пути реформ зависит, среди прочего, от степени упадка экономики в момент их начала. Наша гипотеза заключается в том, что чем ниже потенциал роста старой системы, тем меньше интерес к ней, сильнее побудительные мотивы ее реформировать и стремление следовать пути радикальных реформ. В каждом случае можно говорить о существовании особого "сбалансированного радикального подхода". (Эта гипотеза легко подтверждается опытом стран Восточной Европы, бывшего СССР и Китая). Эта "сбалансированность" отражает, с одной стороны, баланс сил, определяющих "общественный выбор", а с другой - баланс "издержек и прибыли". Преодоление сопротивления реформам требует издержек, политические конфликты также приводят к растратам экономических ресурсов (или снижению темпов экономического роста) в дополнение к издержкам необходимой структурной перестройки.

Постоянно меняющиеся целевые модели

Постепенные реформы в КНР также характеризовались "постепенной сменой" целей реформы. В отличие от большинства поляков и русских, которые с самого начала "радикальных реформ" проявляли явное желание "вернуться назад к Европе" и перейти к частной рыночной экономике, среди китайцев не было согласия в вопросе, куда идти дальше. Им было ясно лишь то, что обычная централизованная система плохо работает и что необходимо изменить ее, чтобы обеспечить экономический рост.

Соответственно отсутствовала и четко определенная целевая модель реформы в Китае. Однако это не препятствовало движению Китая в направлении рынка, поскольку после 1978 г. среди правящей элиты существовал консенсус относительно "введения в экономику некоторых рыночных элементов". Китай прошел долгий путь корректировки целей реформы: от "плановой экономики с элементами рыночного регулирования" через "сочетание плана и рынка" к нынешней модели "социалистической рыночной экономики". Но даже сейчас проблема по-прежнему состоит в том, что не существует широкого согласия по вопросу, что такое "рынок" и каковы его институциональные требования. Очевидно, что определение новой целевой модели все еще весьма противоречиво и будет объектом дальнейших споров и корректировок. Часто задан вопрос: что такое "социалистическая рыночная экономика"? Возможно, более важно для практики было бы спросить: что нового в новой целевой модели, в каком направлении модели изменяются?

Означает ли смена моделей обретение нового уровня знаний? Да, но, что более важно, смена официальных целевых моделей отражает изменение соотношения интересов различных общественных групп и изменения экономической структуры в результате реформы и развития. По мере того, как негосударственный сектор быстро растет, а государственный приходит в состояние упадка, люди начинают лучше понимать ситуацию, и сопротивление более глубоким реформам ослабевает.

Роль правительства

Сказанное выше наводит на мысль, что термин "путь постепенных реформ" не столько означает "сознательно принятый подход" или "избранную стратегию", сколько описывает стихийно происходивший эволюционный процесс. Возможно, на начальном этапе преобразований было ясно, что радикальный подход не мог быть принят, однако мало кто в то время действительно знал, как проводить постепенные реформы и в каком направлении. Вероятно, было известно, какими должны стать первые мероприятия реформы, но не было ясно, какими будут следующие шаги. Поэтому термин "стратегия частичных преобразований" представляется более точным, чем "путь постепенных реформ".

Например, "система семейного подряда в деревне", которая впоследствии оказалась важнейшим нововведением, положившим начало всему процессу реформ, была запрещена правительством в 1979 г. и была официально принята только после того, как получила широкое распространение в практике крестьянских хозяйств. Кроме того, при проведении реформы в сельском хозяйстве лишь некоторые политики могли предугадать появление динамичного негосударственного сектора и сельской промышленности, которые станут основными факторами экономического роста. Фактически, большинство политических лидеров и многие ведущие экономисты-реформаторы в течение долгого времени выступали против развития волостных и поселковых предприятий. В ходе осуществления трехлетней программы "сдерживания" в 1989-1991 гг. были предприняты серьезные меры по ограничению развития частных и волостно-поселковых предприятий с целью обеспечения ведущей роли госсектора. От этих мер позднее отказались лишь потому, что государство не могло допустить значительного сокращения налоговых поступлений. Еще один более новый пример: руководство страны и многие реформаторы по-прежнему убеждены, что расширение самостоятельности государственных предприятий без смены формы собственности позволит "усовершенствовать социалистическую собственность" и решить текущие проблемы предприятий. На этом сосредоточиваются основные усилия, в то время как негосударственному сектору предоставляется возможность "стихийного роста". Развитие негосударственного сектора обычно рассматривается как одно из основных "достижений" правительства, когда ему нужно получить кредит, хотя основные усилия руководства направлены на решение совсем других задач. Иногда правящие круги могут быть более "реформаторски настроены", иногда более консервативны. В целом руководство страны стремилось продвинуть реформы вперед, в то же время осложняя их проведение.

Если бы реформы в Китае ориентировались на четко определенную целевую модель и проводились по разработанному плану, если бы политики больше принимали во внимание долговременные интересы общества, преобразования проходили бы более гладко, более быстро и успешно, даже если бы они следовали по тому же пути постепенного нарастания - было бы меньше нескоординированности между различными мероприятиями реформ, меньше неудач и колебаний в политике. Но проблема заключается в том, во-первых,

где найти лучших политиков, и во-вторых, могла ли "лучшая" программа реформ быть принята при данных обстоятельствах. Возможно, политики принимали "хорошие" и "правильные" решения с точки зрения их собственных интересов.

Прагматизм и реформы "снизу"

Возможно, у китайских политиков есть что предложить для улучшения методологии реформ.

Важная характерная особенность китайского подхода - гибкость и прагматизм. Для большинства китайцев подходящим является только то, что соответствует их сиюминутным потребностям. Допускаются нарушения старых моральных принципов и поступки, не оправданные в рамках действующих норм. Китайцы недостаточно "гибки" для того, чтобы создать эффективную правовую систему, однако способны успешно приспосабливаться к меняющейся ситуации. Им не нужно вносить полную ясность в теорию, прежде чем начать действовать. Поэтому отсутствие четко определенных целевых моделей и подходов не могло помешать китайцам экспериментировать и продвигаться вперед. Вот почему они не тратили много времени на дискуссии ("не спорить о принципах" стало официальным подходом к разрешению противоречий), а пробовали различные варианты ("переходить реку, нащупывая камни"). Когда появлялось нечто новое и нестандартное, применялся метод "не поощрять, но и не запрещать". Возможно, это не лучший подход к преобразованиям, но при определенных обстоятельствах он создает условия для перехода к лучшей стратегии.

Децентрализация прав на обновление институциональной структуры также способствовала продвижению реформ в Китае. Передача прав принятия решений местным правительствам и предприятиям (в прежних рамках общественной собственности) может породить множество новых проблем. С другой стороны, она создает действенный механизм возникновения многочисленных новых экономических форм. Поощрялись эксперименты по проведению различных вариантов реформ на разных уровнях; создавались "особые экономические зоны"; в регионах вводились "особые экономические условия"; поддерживались местные инициативы. Китай обладает своеобразной политической и экономической структурой отношений между центром и местами и значительными различиями между регионами. Однако на политическом уровне ситуация в стране контролировалась центром, а местная инициатива в проведении институциональных изменений была полностью запрещена. Для преодоления препятствий на пути реформ центральное руководство проявляло больше гибкости, чем прежде, и местным правительствам и нижестоящим единицам было позволено играть более активную роль. Местные органы власти проявляют больше прагматизма и менее ограничены идеологически, чем центральное руководство. Они ближе к реальным экономическим проблемам и несут ответственность за их решение. Получив право на проведение особых программ реформ и установление местных норм и правил, правительства на местах обрели возможность опробовать на практике собственные подходы к реформе. Сейчас все больше и больше китайцев понимают, что рынок не может быть создан в плановом порядке. Спланированы должны быть только первые шаги к снятию ограничений на инновационную инициативу людей для запуска механизма реформ.

Можно ли от реформ по нарастающей перейти к радикальным реформам

В процессе постепенных преобразований в Китае многие предлагали более "радикальные" программы реформ. В 80-е годы немногие китайские экономисты выступали за ускорение темпов реформ (ZHANG and YI, 1994). В

последние годы высказывается все больше аргументов в пользу "отказа от постепенного подхода" (WANG, 1993). Ожидается некий "резкий поворот" на последней стадии процесса постепенных изменений. Вопрос фактически заключается в том, может ли метод радикальных реформ прийти на смену поэтапным изменениям в середине этого процесса.

Вновь возникает проблема "приемлемости". Если бы стратегия постепенных изменений в Китае в какой-то момент потерпела неудачу (как это случилось в странах Восточной Европы и бывшем СССР), произошел бы поворот к "шоковой терапии"; если бы эта стратегия оказалась удачной, подобного, возможно, не произошло бы. С точки зрения населения, жизненные условия улучшаются и ожидается рост доходов. С точки зрения руководства, по-прежнему обеспечивается его легитимность и ситуация остается управляемой. С какой стати правительство будет прилагать усилия для свержения самого себя? Пока кажется, что процесс постепенных преобразований обеспечивает развитие новых секторов и общий экономический рост, стимулы к радикальному перемене будут весьма ограниченными. Старая система будет по-прежнему приходить в упадок и создавать проблемы, но становится легче поддерживать ее: реальные поступления, обеспечиваемые новыми секторами, могут быть использованы для "субсидирования" старого сектора. Потребность в реформировании старой системы становится в некотором смысле даже менее насущной, чем прежде. Если вас еще не загнали в угол и еще можно ускользнуть, почему бы не убежать?

2. Осуществимость: различные условия

Негосударственный сектор в дореформенный период: развитие, сдерживаемое государством

Различие путей реформ по существу определяется тем, как решается вопрос: что делать со старой системой? Если возможно первоначальное развитие новой системы (негосударственного сектора в противовес государственному), старая система может быть сохранена на некоторое время, что позволит избежать сопротивления людей, заинтересованных в ее существовании. При этом реформа может проводиться постепенно и по нарастающей. В противном случае у людей нет иного выхода, как сломать сначала старую систему (например, государственный сектор). При этом возникает сильное сопротивление, и необходимо провести сначала политическую реформу, прежде чем могут быть предприняты реальные шаги по перестройке экономики (например, снятие субсидий государственным предприятиям).

Судьба постепенных реформ в разных странах предопределяется исходной экономической структурой этих стран (SACHS and WOO, 1994). Действительно, с точки зрения осуществимости различных вариантов реформ, такая страна, как Китай, отличающаяся низким уровнем развития промышленности и экономики в целом, а также огромным избытком сельской рабочей силы, имела больше шансов, чем страны Восточной Европы и бывший СССР, которым были свойственны "сверхиндустриализация" и "абсолютное преобладание госсектора". "Подавленный" негосударственный сектор в Китае представляют, например, крестьянские хозяйства, в которых доходы людей едва обеспечивают их существование и имеется насущная потребность в переменах и новых возможностях. Эти хозяйства - источник рабочей силы, готовой включиться в новые виды хозяйственной деятельности. Именно развитие нового

негосударственного сектора на базе прежнего "подавленного" позволяет добиться на первой стадии экономических реформ "улучшения по Парето".

Существование бедной сельской экономики в Китае накануне реформ не только определялось общим уровнем развития страны и особенностями ее демографической ситуации, но также было связано с отсутствием легальных путей оттока излишней рабочей силы и с искаженной системой цен, в рамках которой при центральном планировании цены на сельскохозяйственную продукцию искусственно занижались. В значительной степени осуществлялось "налоговое изъятие" сельскохозяйственного дохода в ходе "первоначального социалистического накопления" и индустриализации сталинского типа. В конце 70-х годов в большинстве сельскохозяйственных районов наблюдался застой, а доходы крестьян снижались абсолютно и относительно по сравнению с доходами городского населения.

По мере либерализации экономики в результате допущения частного предпринимательства будут развиваться новые экономические структуры вне зависимости от того, насколько велик государственный сектор. Однако вопрос заключается в том, сможет ли новый сектор развиваться достаточно быстро, чтобы обеспечить все возрастающие нужды по поддержанию находящегося в состоянии упадка старого сектора. До тех пор, пока государственный сектор является преобладающим, но терпит убытки, он будет использовать все возможные средства (явные и скрытые) для привлечения доходов других секторов в качестве "субсидий". Этот сектор сможет добиться необходимой политической поддержки по "правилу большинства". Поэтому, если новый сектор не сможет расти достаточно быстро и стать в короткие сроки достаточно сильным для того, чтобы "удержать" часть своей прибыли (после оплаты "субсидий") для накопления, он всегда останется в "подавленном" состоянии и не сможет отвлечь рабочую силу из государственного сектора. Исходя из этой перспективы, Китай обладает двумя условиями, благоприятными для развития реформ по нарастающей. Во-первых, в начале реформ в Китае государственный сектор еще не был в крайне тяжелом положении и не требовал таких крупных субсидий, которые понадобились ему позже или которые были нужны советским предприятиям в конце 80-х. В 1978 году субсидии убыточным предприятиям составляли в КНР всего 3,21 % ВВП. Эти расходы могли быть легко покрыты при умеренных темпах роста. Во-вторых, реформы в деревне и допущение частного предпринимательства в условиях огромного избытка сельской рабочей силы могли обеспечить достаточно быстрые темпы роста, позволяющие обогнать рост потребностей государственных предприятий в субсидиях (что, конечно, замедлило процесс структурных преобразований).

Авторитет правительства и приток капиталов

Еще одно условие, благоприятное для постепенного варианта реформ, было связано с исходной политической ситуацией: китайское правительство не утратило контроля за ходом реформ и способности обеспечить постепенный ход преобразований. Оно не отказывалось полностью от старой системы и не объявляло о приверженности принципам, абсолютно противоположным тем, которыми общество руководствовалось ранее, поэтому, когда руководство заявило, что оно будет поддерживать старый сектор и стремиться постепенно улучшать его, люди поверили этому. Напротив, для правительства, пришедшего к власти на волне революции, легитимность которого основана на приверженности принципам, радикально противоположным старой системе, основная проблема состоит в том, сможет ли оно удержать власть и обеспечить постепенность преобразований. Наличие правительства, сохраняющего свою законную силу, представляется предпосылкой стратегии постепенных реформ.

Подразумевается, что в "постреволюционный" период эта стратегия не только неприемлема, но и неосуществима.

Благоприятным условием для проведения реформ в Китае по нарастающей был также значительный приток капиталов, особенно от зарубежных китайцев. Зарубежные китайские предприниматели быстрее получили доступ на рынок Китая и вкладывали свои капиталы преимущественно в негосударственный сектор и в преобразование экономической структуры. Направления их капиталовложений заметно отличались от правительственных кредитов, которые в основном использовались для "усиления" или "оживления" государственных предприятий.

Ведущий сектор, отличающийся "наименьшей сопротивляемостью" реформам

Реформы в Китае начались с либерализации сельской экономики. На начальном этапе это были реформы не "сверху", а "снизу". Требования преобразований исходили от крестьян. Большинству сельского населения было нечего терять, а приобрести они могли многое. Правительство не могло ожидать больших поступлений от сельского хозяйства. Либерализация сельской экономики позволяла только уменьшить дефицит продуктов питания для городских жителей и избежать дальнейших социальных конфликтов. Впоследствии сопротивление реформам было незначительным, и замена коллективных "коммун" семейными крестьянскими хозяйствами стала "радикальным" шагом реформы. Это не доказывает преимущество радикального подхода, но свидетельствует в пользу нашей гипотезы, что "радикализм" реформ находится в обратной зависимости от темпов роста даже для отдельного сектора экономики.

Тот факт, что реформы в Китае начались с сельского хозяйства, создает у многих обозревателей впечатление, что для успеха реформы необходимо начинать ее с "ведущего сектора". Комментируя этот вывод, мы выскажем два следующих замечания.

(1) "Ведущий сектор" - это не обязательно "самый крупный сектор" (WOO, 1994) и не обязательно сельское хозяйство. Действительно, экономическая реформа в Китае началась с сельского хозяйства, которое в конце 70-х годов фактически было самым крупным сектором. Однако, с точки зрения осуществления реформ, самой важной особенностью этого сектора была его наименьшая сопротивляемость реформам, которая облегчала их проведение. В целом говоря, ведущим сектором постепенных реформ является "сектор наименьшего сопротивления". Пока экономика в целом не находится в состоянии всеобщего кризиса (что создает необходимость радикальных изменений в масштабах всей экономики), радикальная реформа будет проводиться только в секторе, где кризис наиболее глубок. Здесь будет проще всего начать преобразования (именно поэтому постепенные реформы проводились в последовательности "от простого к сложному". ZHANG, 1993). Следовательно, из китайского опыта можно сделать общий вывод: если стратегия постепенных реформ является единственно приемлемой и осуществимой, необходимо определить, в каком секторе сопротивление будет минимальным, и начинать реформу с него. Возможно, это будет не сельское хозяйство (в индустриальной стране) и не самый крупный сектор (потребность реформ может быть большей в менее крупном секторе, а более крупный сектор может оказать большее сопротивление).

(2) Если отсутствуют существенные различия в формах собственности, уровнях развития, доходах, степени мобильности рабочей силы, в отношениях с государством, принцип "выбора ведущего сектора" может не сработать, поскольку сопротивление реформам будет распределено поровну между

секторами, и никакой сектор не сможет играть ведущей роли. В таком случае выбор определенного сектора в качестве стартового может привести к конфликтам.

3. "Двухколейный" переход

Соблюдение прежних "молчаливых соглашений"

Так называемая "двухколейная система" сначала была введена в Китае в ходе реформы цен. Она применялась почти во всех сферах, кроме рынка кредитов, где ставки процента по-прежнему жестко контролировались центральным правительством (хотя действовали и ставки "черного" рынка). Наиболее важную роль "двухколейная система" сыграла в процессе перестройки структуры собственности, в результате которой сформировалась "двухколейная экономика". Это отражает сущность китайских реформ по нарастающей: развитие новой системы идет параллельно с функционированием нереструктурированной старой; и, если все идет хорошо, старая система перестраивается по мере того, как развитие новых элементов экономической системы создает благоприятные условия для ее реформирования. Широко признано, что успехи Китая в реформе экономической системы и быстрый экономический рост стали возможными главным образом благодаря динамичному развитию "новой колеи", т.е. негосударственного сектора, состоящего из частных и получастных предприятий, волостно-поселковых предприятий, корпораций, совместных предприятий и индивидуальных хозяйств.

Достоинством "двухколейной системы" является то, что она не нарушает "молчаливого соглашения", заключенного ранее в соответствии с социалистическими принципами. Это "соглашение" искажает систему стимулов к труду, но оно молчаливо подразумевает, что независимо от трудового вклада гарантировано получение минимальной заработной платы, а также различные блага, включающих страхование труда, бесплатное жилье, дешевое продовольствие и потребительские товары, пенсии по старости и трудоустройство для детей. Каким бы "плохим" не было это соглашение, оно уже стало частью личных интересов людей. Они будут выступать против изменения соглашения и требовать его соблюдения или компенсации за его нарушение в случае проведения реформ. Сохранение "старой колеи" призвано обеспечить соблюдение интересов, сформировавшихся в рамках старой системы. Система стимулов остается искаженной, однако сопротивление реформам уменьшается. Легитимность правительства зависит от соблюдения им данного "соглашения". Вот почему правительство сначала будет стараться пойти по пути "двухколейных реформ", если это возможно. Только в случае неудачи "двухколейных реформ" и краха старого правительства новое правительство, свободное от обязанности соблюдать прежние общественные соглашения, может встать на путь радикальных реформ и принять на себя обязательства по новым соглашениям.

Слияние "двух колеи"

Реальная проблема заключается не в том, следует ли правительству идти по пути "двухколейного перехода", а в том, насколько быстро удастся объединить две колеи в одну. Успех "двухколейного перехода" зависит главным образом от того, насколько успешно будет развиваться "новая колея". Предполагается, что доля старой системы в экономике в целом фиксируется на начальном этапе реформ и постепенно сокращается в дальнейшем.

Реформа цен в Китае шла по пути классического "двухколейного перехода". В 1992 г. в большинстве провинций Китая был полностью снят контроль с цен на продовольственные товары. Это был "последний штрих" в процессе поэтапных ценовых реформ, проводившихся в течение 10 лет. Когда произошло слияние двух колеи, по официальным фиксированным ценам продавалось лишь менее 15 % продовольственных товаров, оставшаяся часть могла быть продана по рыночным ценам, вдвое превышавшим официальный уровень. Естественно, что полная либерализация цен в этих условиях не вызвала "шока". Аналогичная ситуация сложилась на валютном рынке. Унификация официального и рыночного курсов произошла в конце 1993 г., когда разница между ними составляла около 50 %. Однако в то время лишь для 20 % сделок с иностранной валютой должен был обязательно применяться официальный курс. Абсолютные размеры этой части продаж не уменьшились, сократилась лишь ее доля по отношению к свободно продаваемой валюте ("новая колея").

Развитие "новой колеи" создавало условия для реформирования "старой". Например, быстрый рост негосударственных секторов способствовал перестройке государственного сектора. (1). Улучшилась среда для рыночной конкуренции; (2). Были созданы новые рабочие места для тех, кто хотел или был вынужден уйти из государственного сектора; (3). Появились средства, необходимые для компенсации убытков той части занятых в государственном секторе, которая не могла покинуть его; (4). Увеличился "запас знаний" (MURELL, 1992) о новой системе в результате "обучения на практике". С этой точки зрения, может быть оправдана отсрочка некоторых реформ, если ожидается достаточно быстрое развитие "новой колеи".

Расширение "старой колеи": "хорошие" и "плохие" субсидии

Теоретически, если темпы роста в новом секторе экономики выше, чем в старом, в долгосрочной перспективе доля старой системы постепенно сойдет на нет. Тогда полностью отпадает необходимость реформирования старой системы, на нее можно просто не обращать внимания. Другими словами, если старая система перестанет расширяться, то "двухколейный переход" может быть завершен при жизни одного поколения без специальных мероприятий по реформированию старой системы. Однако в действительности старая система способна не только сохраняться, но и расширяться.

Высокие доходы, создаваемые более эффективными новыми секторами экономики, могут быть использованы не только для выплаты компенсации тем, кто терпит убытки, вызванные трансформацией экономической системы, но и в других целях. Существует два типа "субсидий" в Китае: "хорошие" и "плохие". "Хорошие субсидии" по существу представляют собой "компенсации". К этой категории относятся, например, ценовые субсидии потребителям в процессе реформы цен и пособия по безработице для поддержания уровня жизни государственных служащих, уволенных в ходе реформы на предприятиях. К этому же типу принадлежат некоторые виды субсидий убыточным государственным предприятиям. Все это "пособия людям, пострадавшим в процессе перехода". Мы считаем их "хорошими" субсидиями, поскольку они облегчают переход к рынку, снижая сопротивление реформам. К другому типу относятся "субсидии старой системе". Большинство из них способствует выживанию государственных предприятий, предотвращая их крах. Их можно назвать "плохими" субсидиями, они создают препятствия на пути реформ. Поскольку "плохие" субсидии обычно предоставляются вместе с "хорошими", трудно остановить их выдачу до завершения комплекса взаимосвязанных реформ.

Более того, государство также использует доходы новых секторов для "укрепления", "оживления" и "развития" старой системы. В рамках "двухколейной системы собственности", которая является основным элементом "двухколейной системы" в целом, доля "старой колес" не сокращалась так быстро, как предполагалось. С точки зрения предложения, негосударственный сектор стал основным производителем ВВП Китая (52 % промышленного производства в 1992 г., и, по оценкам, 57 % в 1993 г. В 1992 г. 80 % прироста ВВП обеспечивалось негосударственным сектором). Тем не менее в расходах государственный сектор сохранял свое доминирующее положение. В 1992 г. 79 % всех банковских кредитов направлялось в государственный сектор. В 1993 г. более 70 % общего объема инвестиций в основные фонды приходилось на государственные объекты, что превышает уровень прошлого года. Доля работников государственных предприятий в общей численности рабочей силы не изменилась за последние 15 лет, а в некоторые годы она даже возрастала. Количество государственных предприятий также увеличилось.

Еще одной причиной жизнестойкости и расширения "старой колес" является коррупция. Например, в ходе реформы цен, сфера действия старой системы часто расширялась не только под давлением государственных предприятий, требующих больше ресурсов по низким государственным ценам, но и из-за "погони за рентой" правительственных чиновников. Чем большая часть произведенных товаров предназначается для сбыта в рамках плана, тем выше будет их рыночная цена, тем большая доля ресурсов будет находиться в распоряжении чиновников и служить целям их личного обогащения. В результате в течение долгого времени плановые поставки продукции не только не оставались на прежнем уровне, как это предполагалось, но даже увеличивались. Напротив, иногда вместо "плановой колес" сокращалась "рыночная". Именно поэтому "двухколейная система цен" просуществовала так долго.

Уроки ясны: (1). Основной проблемой, стоящей перед реформаторски настроенным правительством в процессе постепенного перехода к рынку, является не столько то, как обеспечить быстрый рост "новой колес": она будет расти в любом случае, сколько, как избежать параллельного расширения "старой колес". (2). Даже в процессе постепенного перехода надо что-то предпринимать и в отношении "старой колес", которая не умрет сама по себе и не уступит дорогу новой системе добровольно. Наоборот, она будет процветать и паразитировать на "новой колесе".

"Коррупция в процессе перехода к рынку" и "спонтанная приватизация"

Коррупция, несомненно, является источником перекосов в экономике, неравенства доходов и социальных конфликтов. Однако широко признано, что распространение коррупции неизбежно в условиях кризиса экономики, основанной на общественной собственности, и представляет собой элемент ее трансформации. Явное или скрытое "превращение в капиталистов" государственных чиновников (ZHANG, 1993) может идти на пользу обществу, поскольку способствует их перемещению из старой системы в новую при наименьшем сопротивлении.

По некоторым оценкам, в 1992 г. государственным фондам был нанесен ущерб в размере более 100 млрд. юаней (5 % их общего объема) в результате распространения коррупции, "проедания основных фондов" ("зарплата съедает прибыль и фонды") и воровства (WANG and LI, 1993). Обследование, проведенное в провинции Шаньси, показывает, что за последние 10 лет растраты государственных фондов достигли 40 % их стоимости. В то же время сбережения населения как в форме банковских депозитов, так и в виде ценных

бумаг быстро увеличивались. В условиях, когда массовая приватизация с более справедливым перераспределением прав собственности является неприемлемой, постепенная "спонтанная приватизация" представляется неотъемлемой составной частью процесса перехода к рынку. Чтобы направить этот процесс в здоровое русло, общество может прибегнуть к следующим мерам.

1. Ускорить создание системы юридической защиты права частной собственности с целью затормозить процессы "декапитализации" и "утечки капитала" из страны. В последние годы рост покупок предметов роскоши был самым высоким относительно темпов экономического развития Китая. По данным некоторых гонконгских банков, в 1991-1992 гг. около 10 млрд. долл. США ежегодно утекало за границу, что составило 1/3 "утечки капитала" в 1993 г. (капитал - наиболее дефицитный фактор производства в стране с более 300 миллионами избыточной рабочей силы). Это означает, что права частной собственности не были в должной мере защищены, а частные капиталовложения в национальную экономику не поощрялись соответствующим образом. На историческом этапе "первоначального накопления капитала" большие состояния обычно делаются за счет "грязных" денег. Если доказано, что деньги являются "грязными", они должны быть конфискованы, а их владельцы наказаны. Если "грязное происхождение" не доказано, собственность должна находиться под защитой в том случае, если эти средства остаются внутри страны и реинвестируются в национальную экономику. Таким образом, происходит превращение общественного капитала в частный, которое нельзя назвать справедливым, но при этом (1) капитал остается капиталом и не "проедается", а также (2) он не утекает из страны и в качестве национального капитала сбалансировывает "вторжение" иностранного капитала. При любых вариантах экономической реформы юридическая защита частной собственности должна быть важнейшим приоритетом в программе реформ. К сожалению, эта система защиты до сих пор не создана в Китае.

2. Предотвратить институционализацию коррупции. "Коррупция в процессе перехода к рынку" неизбежна и в некотором смысле полезна. Пока эта проблема не кажется очень серьезной, поскольку многие коррумпированные чиновники используют свое служебное положение для перекачки государственных денег в собственный бизнес и затем оставляют свои прежние посты в правительстве. С другой стороны, опасность организационного оформления коррупции по-прежнему существует. Она, в частности, заключается в превращении прежних функций планирования во власть чиновников по выдаче лицензий. Процесс "официального утверждения" многих проектов стал в последнее время еще более длительным. Растет число коммерческих компаний, подчиненных правительственным органам. Хорошим признаком является то, что увеличивается потребность в дальнейших переменах.

Ключевые проблемы и последовательность реформ

Сущность постепенного подхода заключается в последовательном осуществлении реформ, которые начинаются с решения наиболее простых проблем, а сложные проблемы откладываются на более поздние сроки. Коротко говоря, постепенный подход - это применение метода "от простого к сложному". Радикальный подход предполагает, напротив, первоочередное проведение самых сложных реформ. Ответить на вопрос, какой подход "лучше", можно только тогда, когда все проблемы будут решены при обоих вариантах реформ; поэтому следует быть очень осторожным, проводя сравнения на среднем этапе процесса реформ.

С точки зрения экономической оптимальности, радикальная программа реформ, отдающая приоритет немедленному решению ключевых проблем,

представляется более оправданной, поскольку она дает наибольший прирост эффективности при минимальных издержках проведения реформ. С другой стороны, постепенный переход "от простого к сложному" имеет свои преимущества, так как сводятся к минимуму политические издержки реформы. Разумеется, в различных экономических и политических ситуациях издержки проведения реформ будут неодинаковы, поэтому "оптимальная последовательность реформ" не может быть определена без учета особых условий их осуществления.

В настоящее время в экономике Китая остаются нерешенными три ключевые проблемы: 1) реформа цен на факторы производства, включая ставку процента и цены на нефть, уголь и некоторые другие основные виды сырья; 2) реформа отношений собственности в государственном секторе, включая государственные банки; 3) реформа системы государственного управления, включая реформу налоговой системы.

4. Децентрализация и макроэкономическая стабилизация

Децентрализация внутри государственного сектора

Для централизованной плановой экономики рыночные реформы должны включать в себя децентрализацию процесса принятия решений.

Вплоть до настоящего времени децентрализация в государственном секторе происходила без смены форм собственности. Многие до сих пор считают что рыночная система может быть создана путем изменения механизма управления и стимулирования, и что она совместима с государственной собственностью. Многие экономисты (китайские и зарубежные) придавали большое значение децентрализации и оценивают прогресс реформы по тому, в какой степени центральное правительство уступило права принятия решений другим субъектам. Следует отметить, что центр не всегда отказывался от этих прав добровольно, а децентрализация проходила постепенно шаг за шагом под давлением местных правительств и предприятий государственной собственности.

Этот процесс включал в себя децентрализацию принятия решений, касающихся производства, ценообразования, инвестиций, торговли, расходов, распределения доходов, налогов, размещения кредитов. Важную роль при этом сыграли следующие институциональные нововведения: 1) система финансового подряда; 2) система подрядной ответственности на государственных предприятиях; 3) предоставление предприятиям права прямого привлечения банковских кредитов и средств из других источников.

Децентрализованный государственный сектор

В процессе децентрализации начала создаваться рыночная экономика и появился "децентрализованный государственный сектор". "Автономные" местные правительства, государственные предприятия и банки играют все более важную роль в распределении ресурсов в то время, как падает влияние центральных властей на распределение ресурсов в рамках сохраняющейся системы государственной собственности.

Возможно, децентрализация повысила эффективность государственного сектора. Но более важным ее результатом стало появление у местных правительств стимулов к развитию негосударственных секторов экономики. Быстрый рост коррупции явился основным побочным продуктом децентрализации принятия решений по распределению "общественных ресурсов" и доходов. Такая коррупция по сути означает "спонтанную приватизацию".

Необходимо уяснить, что децентрализованный государственный сектор - главная институциональная причина макроэкономической нестабильности и неравномерного развития региональных экономик. Кроме обычных структурных факторов, присущих периоду "взлета", рост инфляции и нестабильность в экономике Китая в значительной степени были вызваны перераспределением прав налогообложения, нарастающим дефицитом бюджетов, увеличивающимися субсидиями государственным предприятиям ("политические кредиты"), а также явлением "денежной экспансии местных правительств" в условиях децентрализованной общественной собственности.

5. Заключительные замечания

Мой вывод состоит в следующем: накопленный к настоящему времени опыт экономической трансформации не дает возможности заключить, что один из подходов к реформе - радикальный или постепенный - безусловно предпочтительнее другого. В результате сопоставления исходной экономической и социальной ситуации можно скорее прийти к выводу, что каждый из подходов представляет собой "ограниченный оптимум", который отражает, что является политически приемлемым и экономически вероятным в каждом из случаев. Это не означает, что все предпринятые меры всегда были правильными, а лишь показывает, что каждый из подходов имеет свою собственную логику. Любые сопоставления между реформами в Китае и странах Восточной Европы и бывшем СССР - чрезвычайно сложная задача. Прошло только 3 года со времени начала радикальных реформ в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе, а в Китае реформы проводятся уже на протяжении 15 лет. Успехи, достигнутые Китаем в ходе реформы, не следует ошибочно воспринимать как видительство превосходства китайского пути.

Рассматривая оба подхода к реформе как "ограниченный оптимум", я не утверждаю, что нет необходимости в улучшении стратегии реформы и экономической политики в каждом из случаев. Принимая во внимание, что Китай и далее будет следовать по пути постепенных реформ, я понимаю, что возможен и лучший путь поэтапных преобразований. Предложенные в статье рекомендации могут повысить эффективность процесса реформ.

Имеется несколько ключевых проблем, стоящих перед Китаем: реформа собственности, макроэкономическая стабилизация, различие в доходах между регионами и между городом и деревней, политическая реформа. К счастью, в этих сферах наметились перемены к лучшему. Идея образования корпораций получила широкую поддержку, а реформа собственности в государственном секторе экономики не только превратилась в элемент экономической политики, но и перестала быть объектом политической критики. Многие государственные предприятия были проданы или слиты с негосударственными компаниями. Права собственности в сельской промышленности были по-новому определены и перераспределены между местными жителями. Наиболее важное значение имело то, что представления о рыночной экономике получили распространение в обществе. Одним словом, рыночные реформы в Китае стали необратимыми.

Одно обстоятельство представляется очевидным: любое улучшение ситуации в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе (как это произошло в Польше) ускорит реформу в КНР. Это позволит Китаю извлечь уроки преодоления трудностей и усилит давление на китайское руководство, ускоряя сближение Китая со странами Запада.

- Murrell, Peter. "Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform, // Economics and Planning. - 1992.
- Sachs, Jeffrey, Wing Thyee Woo. Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe and the Former Soviet Union // Economic Policy. - 1994. - April.
- Wang, Chenghua, Li, Xintao. "The losses of State Assets (in Chinese), // Financial and Economic studies. -1993. - Vol.12.
- Woo, Wing Thyee. "The Art of Reforming Centrally-Planned Economies: Comparing China, Poland and Russia // Journal of Comparative Economics. - 1994. - June.
- Zhang, Weiyong. "Decision Rights, Residual Claim and Performance: A Theory of How Chinese Economy Works: Nuffield College. - Oxford. Mimeo.
- Zhang, Weiyong, Yi, Gang. ChinaTs Gradual Reform: A Historical Perspective. Memo. - 1994.

*Предисловие и перевод с английского языка
к.э.н. Борох О.Н. и Солнцевой М.Г.*

**Артур Андраникович Мурадян
(1934-1995)**

16 мая 1995г. после тяжелой, продолжительной болезни скончался Мурадян Артур Андраникович - ведущий научный сотрудник ИМЭПИ РАН, действительный член Академии педагогических и социальных наук РФ, доктор исторических наук, профессор.

А.А.Мурадян родился 5 июля 1934г. в Ленинграде, в 1958г. окончил китайское отделение МГИМО. С 1958 по 1960 гг. он работал в должности научно-технического сотрудника ИВ АН СССР, в 1961-1962 гг. был переводчиком аппарата ГКЭС в Индонезии. Одновременно А.А.Мурадян учился в аспирантуре института народов Азии АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию и работал в этом институте в должности младшего научного сотрудника. В 1969 г. А.А.Мурадян перешел на работу в ИЭМСС АН СССР и работал там в должности старшего научного сотрудника. С 1977 по 1980 гг. он находился в загранкомандировке в Сингапуре, где возглавлял бюро АПН. В 1978 г. А.А.Мурадян защитил докторскую диссертацию, а по возвращении из Сингапура вновь стал работать в ИЭМСС (в настоящее время ИМЭПИ РАН) в качестве старшего, а затем ведущего научного сотрудника. Одновременно А.А.Мурадян занимался преподавательской работой в МГУ и других учебных заведениях. В 1991-1992 гг. был заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока".

В лице А.А.Мурадяна российская наука потеряла высокообразованного, талантливого и многогранного исследователя. Его докторская диссертация была посвящена политике США на Тихом океане в XIX веке. А.А.Мурадян был крупным специалистом по теории и истории международных отношений, он впервые в стране разработал и прочел на английском языке в МГУ спецкурс по этому предмету. А.А.Мурадян - автор, на наш взгляд, лучшего в России учебника по политологии. Перу А.А.Мурадяна принадлежат семь монографий, большое количество научных докладов и статей, в том числе и на страницах нашего журнала, по проблемам современного Востока, АТР, дальневосточной политики России.

А.А.Мурадян был человеком удивительной скромности и такта, душевной деликатности, честности и порядочности. Ему далеко не безразличны были интересы нашей страны и ее народов. Он был патриотом и интернационалистом в полном смысле этих высоких слов, непримиримым противником национализма и сепаратизма во всех их формах и проявлениях. Его научные труды, его отношение к людям убедительно говорили об этом.

Светлая память об А.А.Мурадяне навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал его, кто вместе с ним работал.

Проблемы экономической реформы в Китае на конференции в Лондоне

© 1995

В.Портяков

433-я конференция в системе организусмых под эгидой МИД Великобритании конференций Вилтон Парк, проходившая с 27 февраля по 2 марта 1995 г. в замке Вистон Хаус, была посвящена экономическим реформам в Китае. В работе конференции приняли участие около 60 человек - ученые, бизнесмены, дипломаты, представители КНР, Великобритании, США, Японии, России, Франции, Канады, Испании, Италии, Дании, Голландии, Греции, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Германии, Гонконга, Макао, а также Европейского сообщества, Организации экономического сотрудничества и развития, Мирового Банка.

Выступления и дискуссии, проходившие, как правило, весьма оживленно, можно тематически сгруппировать в четыре крупных блока: оценка хода, результатов, дальнейших задач экономической реформы и основных препятствий на пути ее осуществления; проблема взаимодействия экономики Китая с мировой экономикой в контексте нарастающей открытости страны внешнему миру; практические проблемы функционирования иностранного бизнеса в Китае; возможное развитие событий в "последновомском" Китае.

При анализе хода и результатов экономической реформы в КНР возобладало мнение, что в Китае сформировались в первоначальном виде контуры рыночной экономики. Среди причин успешного в целом хода преобразований выделялись, во-первых, глубокая укорененность реформ в традициях китайского общества, дополняющаяся самым широким изучением опыта зарубежных стран, и, во-вторых, постепенность процесса реформ, обеспечиваемая достаточно высоким авторитетом руководителей страны в массах и в низовых звеньях политической системы общества. Отмечалось, что в отличие от Китая в Восточной Европе политический контроль был утрачен до начала экономических преобразований, поэтому здесь не было силы, способной обеспечить постепенность реформы, соответственно путь радикальных преобразований оказался единственно возможным.

В то же время в ходе конференции прозвучала единичная, но весьма интересная точка зрения, что в Китае идет процесс формирования не столь рыночной, сколько коммерческой экономики, которые необходимо отличать друг от друга. Этот феномен, в частности, помогает объяснить достаточно прочное положение компартии в стране: по логике рыночных преобразований ее позиции

должны были бы неуклонно ослабляться. Ключевая проблема здесь - новые государственные предприятия, возникшие в последние годы и находящиеся в собственности провинций. Да и в целом предприниматели на местах нуждаются в поддержке властных структур, следовательно, и компартии. В свою очередь, местные чиновники, имеющие прямой или косвенный доход от региональной хозяйственной деятельности, заинтересованы в успешном функционировании курируемых (точнее говоря, контролируемых) хозяйственных единиц. В целом "коммерческая экономика" как феномен способствует активному процессу регионализации народного хозяйства Китая, региональной локализации собственности, формально сохраняющей вывеску государственной.

Среди главных препон в деле дальнейшего углубления реформ, выступающих одновременно и главными объектами преобразований на нынешнем этапе и в ближайшей перспективе, были названы решение проблем реформирования государственного сектора экономики, прежде всего крупных и средних промышленных предприятий, приведения в соответствие с принципами рыночной экономики социальной сферы, совершенствования отвечающей требованиям рынка системы макроэкономического контроля.

Была высказана точка зрения, что вспышки инфляции, неэффективность ряда государственных предприятий, относительная слабость сельского хозяйства, разрыв в уровнях развития и динамике роста между секторами экономики и регионами страны не являются специфически китайским феноменом: они неизбежны для любого государства в период перехода от административно контролируемой экономики к рынку, в процессе продвижения от отсталости к процветанию.

Особая значимость и центральная на современном этапе роль реформы предприятий госсобственности видится в том обстоятельстве, что нереструктурирование этого сектора и, следовательно, отсутствие серьезных изменений в экономическом поведении госпредприятий будет жестко "подрезать крылья" реформам во всех остальных сферах, особенно в общественных финансах, монетарной политике, банковском деле. В более широком плане реформа предприятий госсобственности является, по мнению ряда участников, жизненно важной для ликвидации микроэкономических корней макроэкономической нестабильности и разбалансированности.

Особая сложность преобразования госсектора связана с целым рядом обстоятельств. Здесь и идеологические ограничители, и стремление минимизировать политические последствия приватизации госпредприятий в любых формах, и вполне резонные прагматические соображения социального характера, например необходимость трудоустройства высвобождаемых с реформируемых предприятий работников, а часто и технические сложности, сопровождающие на практике разграничение прав собственности. Наконец, есть опасность перехода к системе компаний и корпораций без улучшения качества управленческих структур. По сути дела, местные правительства с охотой ухватились за идею "корпоративизации" госсектора, видя в этом возможность создания находящихся под их контролем посреднических и переходных структур по управлению государственным имуществом. Другой пример неадекватной реализации теоретически привлекательной идеи - акционирование, которое в Китае сплошь и рядом имеет целью только аккумуляцию средств, а не разграничение прав собственности или внедрение современной системы управления и тем самым вносит свою лепту в процессы перенивирования и инфляции, затрудняет макроэкономический контроль.

На конференции было высказано также мнение о неправомерности рассмотрения крупных и средних государственных предприятий как "источника зла". Многие их проблемы, прежде всего убыточность, вызваны не только

медленной приспособляемостью самих предприятий к рыночным реалиям, но и ценовыми диспропорциями.

Вместе с тем становится все более очевидным, что в массе госпредприятия больше не в силах нести прежнюю социальную нагрузку. Китайское общество стоит перед проблемой смены модели социального обеспечения, резкого наращивания его масштабов, решения ряда специфических проблем, среди которых на одно из первых мест в последнее время выдвинулась миграция населения из деревни в город и из центральных и западных районов в восточные. Например, по оценке, до 95% строительных рабочих в Шанхае - иногородние. Городское население, как правило, оказывает огромное давление на власти на местах с требованиями пресечь миграцию со стороны. Однако сам факт, что началось движение населения в стране, весьма позитивен, ведь миграция, по мнению некоторых участников конференции, это реальный путь к решению проблем бедных районов. Пока у "пришельцев" в городах есть какой-то заработок, они не представляют сколько-нибудь значительной опасности как фактор потенциальной социальной нестабильности. Самым опасным было бы такое замедление темпов роста экономики, которое привело бы к массовой безработице среди мигрантов, не желающих возвращаться в родные места.

В целом же в социальной сфере в Китае в процессе осуществления реформ произошли качественные изменения. Общество стало значительно более открытым, мобильным, диверсифицированным, с постоянным расширением и усилением горизонтальных связей между экономическими агентами. Принципиально важно, что появились альтернативные пути обретения высокого социального статуса - не только через партийные и государственные структуры. Растет число людей, прямо экономически не зависящих от государства. Как следствие, происходят серьезные изменения во взаимоотношениях между государством и обществом. Среди показателей этого - реформа налоговой системы, быстрый рост числа трудовых споров. Китайское общество становится все более трудным для управления и контроля. Можно сказать, что подвижки в социальной сфере, тот социальный плюрализм, который сопутствует развитию рыночной экономики, влекут за собой и постановку вопроса о политическом плюрализме и переходе к демократии. Как отмечалось на конференции, в каком-то смысле у Китая есть перед глазами пример "хорошего сценария" управляемого, постепенного перехода к демократии, реализуемого в Южной Корее и на Тайване.

Как констатировали участники конференции, главной причиной инфляции в Китае сегодня является очень высокая норма накопления в сочетании со смещением процесса принятия экономических решений с центра на места. Каждая провинция хочет иметь высокие темпы роста и, следовательно, большие инвестиции. Власти на местах, выступая за сокращение темпов инфляции, в то же время всячески противятся контролю за местными инвестициями. Поэтому проблема инфляции в Китае - это во многом проблема политическая, проблема отношений центра и мест.

Отлаживание системы эффективного макроконтроля будет зависеть от становления в Китае полноценного центрального банка, реформы банковского сектора, реформы государственного сектора, что, вместе взятое, позволило бы проводить действительно эффективную кредитную политику. Нужен и специальный институт для анализа макроэкономической политики, роль скоро министерство финансов в Китае практически не участвует в экономической стабилизации. Вместе с тем подчеркивалось, что проблему инфляции в Китае, взятую в международном контексте, не следует преувеличивать.

При обсуждении проблем открытой внешнеэкономической политики Китая наибольшее внимание участников конференции привлекли вопросы

членства КНР во Всемирной торговой организации (ВТО), перспектив китайско-американских и китайско-японских торгово-экономических отношений, будущей экономической роли Гонконга и Макао в свете предстоящего восстановления суверенитета КНР над этими территориями.

О членстве Китая в ВТО были высказаны две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно первой из них, международная общественность и деловые круги были слишком оптимистичны, полагая возможным восстановление членства Китая в ГАТТ в 1994 г. и обретение им тем самым статуса государства - учредителя ВТО. На деле для вступления в ВТО Китаю нужно провести дальнейшие преобразования во многих областях, но полной уверенности, что китайцы к этому политически готовы, нет. Присоединение Китая к ВТО сейчас создало бы очень опасный прецедент. Существуют достаточно строгие "правила игры", и членство Китая в ВТО будет всецело зависеть от их соблюдения. Китай должен пройти вторую половину пути или, как минимум, начать двигаться в этом направлении.

Вторая точка зрения состоит в том, что Китай в свете существующих критериев доступа в ВТО выглядит заметно лучше, чем всего несколько лет назад. Работа по приспособлению внешнеторговой системы к требованиям ГАТТ и международным стандартам в целом проделана огромная, и Китай заслуживает поощрения. Кроме того, попытки не дать Китаю войти в ВТО работают в конечном счете против интересов Запада, который своим негативизмом в данном вопросе может спровоцировать создание антагонистического блока. Да и в целом все проблемы с Китаем легче решаются не в атмосфере конфронтации.

Спектр мнений был дополнен высказываниями о том, что все претензии, связанные с членством Китая в ВТО, надо адресовать не правительству страны, а китайским бизнесменам. Эти претензии, связанные прежде всего с защитой прав интеллектуальной собственности, с предоставлением иностранным экспортерам права непосредственно торговать на китайском рынке, представляют собой коммерческие вопросы, которые не стоит излишне политизировать.

Небезынтересным было суждение, согласно которому у проблемы членства Китая в ВТО есть и чисто внутривнутриполитический аспект. В руководстве страны есть сторонники максимально быстрого продвижения на пути в ВТО (это те, кто непосредственно имеет дело с внешнеэкономическими связями), приверженцы нефорсированного поступательного движения (те, кто занят проблемами экономики в целом), наконец, могут быть и противники этой идеи в принципе, особенно в кругах, поддерживающих сильную протекционистскую политику в отношении национальной промышленности, особенно государственной (предположительно это Госплан). Отмечалось, что многие в Китае вздохнули с облегчением, когда стало ясно, что страна пока остается вне рамок ГАТТ/ВТО.

Интерес участников конференции к китайско-американским торгово-экономическим отношениям подогревался только что (26 февраля 1995 г.) заключенным соглашением между двумя странами по защите прав интеллектуальной собственности. Тем самым был остановлен механизм введения взаимных санкций. Как отмечали участники конференции, американские санкции не только Китая, но и Гонконга и Тайваня оказали бы прямое негативное воздействие на экономический рост. В связи с этим констатировалось недопонимание в США реальной степени взаимозависимости экономик Китая, Тайваня и Гонконга. Кроме того, не было принято во внимание то обстоятельство, что большая часть санкций пришлось бы на предприятия с участием иностранных инвестиций. В связи с вышесказанным была высказана

точка зрения, что Соединенным Штатам нужна более тонкая и нюансированная стратегия по отношению к Китаю. С другой стороны, отмечалось, что китайско-американский конфликт в вопросе о защите прав интеллектуальной собственности не чисто торговый, за ним стоит "много серьезных вещей". Например, в ходе конференции упоминалось о существующих в США опасениях относительно будущего экономического и внешнеторгового потенциала Китая.

Довольно любопытную трактовку получили на конференции китайско-японские торгово-экономические отношения, а в более широком контексте - роль Китая в АТР. Была высказана точка зрения, согласно которой экономическое развитие Китая и его открытие внешнему миру оказали огромное, хотя и далеко не всегда прямое влияние на соседние страны. Китай не просто выступил своеобразным мотором экономического динамизма в Восточной Азии, но и стал катализатором "мегасоревнования", которое является соревнованием не только деловых кругов, но и экономик и экономических систем в целом. Эпоха доминирования Японии в экономике региона закончилась. Принцип разделения труда в Восточной Азии между Японией, НИС, АСЕАН по принципу "гусиной стаи" (Япония впереди, остальные - за ней), характерный для предшествующей четверти века, исчерпал себя. Япония, ускоренно расстающаяся ныне с полным структурным набором промышленных отраслей, будет искать пути самосохранения как экономической силы в сфере высоких технологий, что крайне непросто, коль скоро в ключевых областях - телекоммуникациях, авионавтике, производстве медицинского оборудования и т.п. - доминируют американские компании.

На конференции отмечалось также расширение географии экономического влияния Китая в Азии. Оно растет и в приграничных с ним районах России, в ряде азиатских республик СНГ, в Корею, Юго-Восточной Азии. Констатировалось также, что быстрый экономический рост Китая чреват определенными осложнениями в организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, где Китай не склонен безропотно мириться с американским или японским лидерством.

Участники конференции подчеркивали, что подлинная роль Гонконга как экономического феномена, его реальный вклад в развитие Китая, да и объем коммерческих интересов Великобритании в Гонконге редко оцениваются по достоинству. "Отзовистские и ликвидаторские" настроения особенно усилились с приближением июля 1997 г., когда Гонконг будет возвращен Китаю. Однако к предстоящему событию ни в коем случае нельзя относиться как к катастрофе, кладущей конец сложившемуся существованию Гонконга. В интересах всех вовлеченных сторон, в первую очередь Китая, преодолеть взаимное непонимание или недопонимание. Никто не заинтересован в хаосе в Гонконге. Напротив, все хотят сохранения и развития его уникальных функций в мировой экономике.

Макао, бывший долгие годы как бы тенью Гонконга, готов ныне к вполне осознанной самостоятельной роли во взаимовыгодном сотрудничестве с Китаем, прежде всего с районом дельты р.Чжунцзян. С завершением в июле 1995 г. строительства крупного международного аэропорта в Макао исчезнет фактор его транспортной зависимости от Гонконга. Не следует воспринимать Макао как "маленький Гонконг" или "большое казино" - он выполняет и может выполнять принципиально важные функции подготовки кадров для предприятий с иностранным капиталом в Китае, "окна в мир" для китайских и "окна в Китай" для иностранных компаний.

Обсуждение практических проблем функционирования иностранного бизнеса в Китае затронуло вопросы выбора правильной стратегии развития

совместных предприятий, подбора зарубежных кадров для работы в Китае и подготовки китайского персонала для работы на предприятиях с участием иностранного капитала, различий между китайской управленческой традицией и современным рыночным менеджментом, качества и особенностей китайского законодательства, юридической работы, арбитража.

Был поднят и вопрос о необходимости более активного содействия зарубежного предпринимательского капитала развитию инфраструктуры в Китае. Пока основная тяжесть здесь падает на кредиты Мирового банка, Азиатского банка развития, правительства Японии. По имеющимся оценкам, инвестиции в инфраструктуру Китая должны быть доведены с нынешнего уровня в 4-4,5 до 7-7,5% ВВП, а в стоимостном выражении - с 22-24 млрд. долл. ежегодно до примерно 50 млрд. долл., и здесь без существенного наращивания прямых иностранных инвестиций не обойтись. В связи с вышесказанным была затронута проблема сооружения в Китае объектов инфраструктуры, особенно электроэнергетики, по принципу "Б, О, Т" (от английского "билд, оперэйт, трансфер" - "строить, эксплуатировать, передавать"). Из 75 объектов, реализуемых в мире по этому принципу, несколько сооружается в Китае. Однако здесь реализация данного принципа сталкивается с немалыми трудностями. Нет ясности с будущей ценой электроэнергии, уровнем тарифов на перевозки и т.д., что затрудняет финансовую оценку проекта. Кроме того, китайскому менталитету ближе и понятнее принцип "Б, Т, О". Наконец, и это, возможно, главное, сегодня все виды рисков, связанные с инвестициями в инфраструктуру, как бы сведены вместе в один агрегированный риск, тогда как целесообразно было бы развести их по различным субъектам, что минимизировало бы потери инвестора и повышало бы уровень защищенности инвестиций. Так, ответственность за политический риск должны взять на себя международные страховые компании, за риск, связанный с нормальным функционированием объекта, - Мировой банк или другая организация-кредитор, за риск, связанный с конвертацией валют, правительство Китая, и т.п. Отчасти эти проблемы могло бы решить принятие Китае детального закона об инвестициях.

Сюжет о возможном развитии ситуации в Китае "после Дэна" в качестве самостоятельной темы не обсуждался, но фактически затрагивался в ходе конференции постоянно. Спектр мнений был весьма широк - от сугубо пессимистических представлений о будущем Китая, неизбежности хаоса, социального взрыва, до утверждений об абсолютной несостоятельности ожидания политической или экономической "парализации Китая".

В пользу более или менее нормального перехода Китая к периоду "после Дэн Сяопина" приводились такие аргументы.

- Реальная передача власти состоялась несколько лет назад. Нынешние лидеры страны уже не раз выступали с принципиально новыми инициативами, выходящими за рамки личных предначертаний Дэн Сяопина.

- В Китае есть недовольные курсом реформ вне партии ("справа") и внутри партии ("слева"), есть разные мнения по вопросам темпов преобразований на отдельных направлениях, но нет оппозиции, влиятельной группировки, выступающей против реформ. Компартия нечего бояться за свою судьбу, так как успехи реформ прочно связаны с нею.

- Международное сообщество не менее самих китайцев заинтересовано в сохранении стабильности в Китае. Резкое падение темпов роста, катастрофа в сельском хозяйстве, политический хаос неизбежно привели бы к "исходу" китайцев за рубеж, что во всем мире воспринимается как "кошмар". Не надо забывать и об огромных средствах, уже вложенных в Китай зарубежными инвесторами.

Оппоненты указывали на крупные социальные сдвиги в китайском обществе, делающие открытым вопрос о том, "до какой степени китайский народ будет мириться с репрессивным режимом", на разочаровывающее отсутствие прогресса в ослаблении вмешательства государства в экономическую жизнь. Главным дестабилизирующим фактором в Китае многими участниками конференции была названа коррупция. Именно она, если ею не заниматься самым серьезным образом, может сломать государство и существующий политический режим, а вовсе не давление и влияние Запада. Для решения этой проблемы есть только одно универсальное средство - создание мощной законодательной базы, которая должна самым радикальным образом заменить в сфере принятия решений персонафицированные отношения, так называемые "гуаньси", т.е. систему личных связей.

Впрочем, практически все участники конференции были согласны в том, что политика реформ в Китае "после Дэна" будет продолжена в том или ином варианте даже в случае военного переворота (речь идет о сугубо теоретическом допущении).

Работа конференции в целом позволяет сделать несколько общих выводов.

1. Политика реформ и открытости делает Китай все более весомым членом мирового сообщества. Возникающий и усложняющийся феномен экономической взаимозависимости Китая и многих западных и азиатских стран, в том числе ведущих, оказывает глубокое воздействие на характер двусторонних отношений этих государств с Китаем, на отношения к Китаю в международных экономических организациях. Говоря предельно просто, с Китаем сегодня вынуждены считаться все и во всем.

2. В то же время растущая экономическая и внешнеторговая мощь Китая воспринимается в мире не без настороженности. Далеко неоднозначные последствия этого феномена еще только предстоит оценить в полной мере.

3. Представляется, что многочисленные прогнозы, оценки, сценарии возможного развития событий в Китае "после Дэна" должны рассматриваться в более широком и долговременном контексте формирующихся представлений о динамике развития Китая и изменении его места в мире. В каком-то смысле западные сценарии развития "последнего" Китая выполняют "прошупывающую" роль, они призваны заставить Китай раскрыться, отчетливее проявить его сильные стороны и болевые точки, высветить возможную стратегию и тактику действий китайского руководства при возникновении той или иной конкретной ситуации, а в целом - сделать глобальное развитие Китая более транспарентным, предсказуемым, понятным.

4. Вряд ли более или менее последовательный переход Китая к рыночной экономике будет поколеблен. Вместе с тем решение объективно сложных задач реформы госпредприятий и социальной сферы может заставить китайское руководство не раз менять конкретные сроки, темпы, тактику преобразований с тем, чтобы в полной мере учесть степень объективной возможности тех или иных преобразований для населения, сохранить "баланс" между реформой и стабильностью.

5. С сожалением приходится констатировать падение в мировом китаеведном сообществе интереса к сопоставлению преобразований в Китае и России, видимо, объективно отражающее сужение масштабов взаимодействия, синхронного протекания процессов в экономиках этих стран. Напротив, все более распространяется мнение, что Китаю нечему учиться у России, в которой идет ускоренный процесс деиндустриализации.

Хозяйственный механизм КНР

© 1995

М. Баранов

Окончание. Начало см.: "Проблемы Дальнего Востока", 1995, N 2.

9. *Кредитно-банковская система состоит из следующих элементов:*

- Народный банк Китая (НБК), выполняющий функции центрального банка, - эмиссия денег, кредитование прочих банков, регулирование всей кредитной системы, кассовое исполнение госбюджета, межбанковские расчеты, а также валютный контроль. В настоящее время НБК выполняет и ряд несвойственных центробанку функций, включая прямое кредитование некоторых предприятий. Региональные отделения НБК построены по административно-территориальному признаку и находятся в тесной зависимости от местных властей. Поэтому НБК фактически лишен возможности проводить жесткую монетарную политику, не прибегая к партийно-политическим и административным мерам. В 1994 г. планируется начать реформу НБК для превращения его в орган, "проводящий под общим руководством Госсовета КНР самостоятельную кредитно-денежную политику с целью стабилизации национальной валюты". Изучается возможность перестройки сети отделений НБК в соответствии с экономическим районированием для вывода их из-под контроля местных властей.

Специализированные банки - Торгово-промышленный банк Китая (ТПБ), Народный строительный банк Китая (СБ), Сельскохозяйственный банк Китая (СХБ), а также Банк Китая (внешнеэкономический банк). В систему ТПБ входят сберкассы в городах и 3900 городских кредитных кооперативов. СХБ - кредитные кооперативы в деревне (59000). Кроме того, существует формально самостоятельный Инвестиционный банк (председателем его правления является председатель правления СБ), в задачу которого входит распределение кредитов Международного банка реконструкции и развития, контроль за их использованием и возвратом. Функции спецбанков в растущей степени перекрещиваются. Например, ТПБ создает свои сберкассы в деревне, а СХБ - в городе, все банки производят операции с инвалютой. НБК и спецбанки имеют сеть отделений на всех уровнях - провинциальном, городском, уездном. Во всех уездах имеются отделения каждого из них (кроме Банка Китая, отделения которого созданы там, где сравнительно развита внешнеэкономическая деятельность).

В рамках банковской реформы начиная с 1994 г. планируется постепенно преобразовать спецбанки в коммерческие. Функции распределения льготных

кредитов, включая кредитование за счет бюджетных ресурсов, передаются в ведение трех вновь созданных банков - Экспортно-импортного банка, Агробанка и Банка долгосрочного развития. Однако преобразование спецбанков в коммерческие затруднено высокой степенью зависимости госпредприятий от банковского кредита (около 90% оборотных средств предприятий финансируется за счет кредита), большими размерами просроченных кредитов, фактически превратившихся в дотации госпредприятиям (около 60% банковских кредитов просрочены, треть из этой суммы отнесена к категории безнадежных). Кроме того, спецбанки по-прежнему выполняют ряд функций госуправления (контроль за оборотными средствами предприятий, за фондом зарплаты, за их наличностью и т.п.). Коммерциализация спецбанков практически невозможна без реформы госпредприятий.

Коммерческие банки. Эта форма пока находится в зачаточном состоянии. Всего создано 9 акционерных коммерческих банков, на которые приходится около 10% всех банковских кредитов.

Финансовые и трастово-инвестиционные компании. В отличие от банков принимают только крупные вклады и выдают кредиты на капитальное строительство или участвуют своими средствами в создании новых предприятий. Действует свыше 400 таких компаний, включая более 100 международных трастово-инвестиционных, занятых привлечением иностранного капитала и созданием совместных предприятий. Эта категория предприятий может создаваться как местными органами власти, так и специализированными и коммерческими банками.

Отделения иностранных банков и смешанные банки с участием иностранного капитала создаются в специальных экономических зонах и некоторых приморских городах. Всего на апрель 1994 г. зарегистрировано 298 представительств, 92 банка с иностранным участием (включая 83 отделения зарубежных банков, четыре банка, принадлежащих зарубежному капиталу и пять банков на смешанном капитале), четыре финансовые компании и три страховые компании с зарубежным капиталом. Деятельность инобанков регулируется "Положением о финансовых учреждениях с иностранным капиталом" (вступило в действие с 1 апреля 1994 г.). Создание инобанков санкционируется НБК в регионах, где это разрешено Госсоветом КНР. Учредителями их могут стать только финансовые учреждения с активами не менее 10 млрд. долл. (для отделений зарубежных банков - 20 млрд. долл.). Инобанкам разрешены операции в СКВ (в китайских юанях - только по специальному решению центрбанка). Прием депозитов разрешен только от нерезидентов, финансовых учреждений, иностранных граждан и СП. Существуют довольно жесткие ограничения по структуре активов и пассивов (удельный вес кредитов одному заемщику, доля недвижимости в пассивах, соотношение активов и уставного фонда и т.п.). Сумма депозитов, привлеченных внутри КНР, не может превышать 40% всех активов инобанка. Уставный фонд последнего должен быть не ниже 100 млн. юаней (операционный капитал отделения зарубежного банка - не менее 200 млн. юаней).

Управление кредитной сферой осуществляется с помощью прямых и косвенных рычагов.

Планирование. НБК разрабатывает планы привлечения вкладов и выдачи кредитов для всей банковской системы страны в двух разрезах - по каждому спецбанку и по каждой провинции. До провинциальных отделений спецбанков показатели доводятся их головными конторами, а выполнение контролируется провинциальными отделениями НБК. Директивный характер имеют общий лимит кредитов и лимит кредитов в основные фонды. Направляющими являются лимит кредитов в оборотные средства и привлечение вкладов. Кредитный план

разрабатывается НБК при участии министерства финансов и включается Госпланом в общий народнохозяйственный план. Коммерческие банки включены в общий план.

Процентная политика. Процентные ставки по кредитам и вкладам утверждаются Госсоветом КНР и обязательны для спецбанков. Ставка по кредитам и депозитам дифференцирована по срокам и регулярно пересматривается в соответствии с уровнем инфляции. В настоящее время средневзвешенный процент по депозитам составляет 10,35, по кредитам - 8,56 годовых (темпы инфляции в 1993 г. - 13% в год). Для ряда приоритетных отраслей экономики действуют льготные ставки.

Рычагом регулирования кредитного рынка являются депозиты специализированных и коммерческих банков в НБК. Резервный депозит, вносимый в обязательном порядке, составляет 13% всех вкладов данных банков. Сверх того спецбанки могут вносить депозит добровольно под более высокий процент.

Кредитный рынок. Существует в двух плоскостях. Вертикальный кредитный рынок означает получение местными отделениями банков кредитных ресурсов под определенный процент (т.е. их покупку) у своих головных контор, а тех - у НБК (в рамках кредитного плана). Отделения спецбанков и коммерческие банки имеют также возможность получать кредиты на горизонтальном рынке, т.е. покупать у других отделений своего или любого другого банка. С середины 1993г. операции на горизонтальном кредитном рынке по решению центрбанка по существу запрещены.

В рамках банковской реформы перед НБК поставлена задача постепенно освоить рыночные рычаги регулирования денежной массы, в первую очередь - операции на открытом рынке ценных бумаг. В перспективе предполагается полностью отказаться от кредитного плана и административного назначения процентной ставки. Однако это возможно не ранее чем через 7-8 лет.

10. Рынок ценных бумаг

Общая стоимость ценных бумаг всех видов, находящихся в обращении, составляет около 700 млрд.юаней. Из них 40% приходится на облигации государственных займов, 6-7% - на акции предприятий, остальная часть - облигации предприятий, банков и других кредитных учреждений, а также местных органов власти. Оборот только рынка акций в 1993 г. превысил 400 млрд. юаней.

Основной организационной формой рынка ценных бумаг являются фондовые биржи, их в КНР две - в спецэкономзоне Шэньчжэнь и г.Шанхай. Оборот Шанхайской биржи составляет около 60% всего биржевого оборота ценных бумаг, Шэньчжэньской - 40%. На биржах котируются как акции, так и облигации. При этом акционерные компании, зарегистрированные на одной бирже, не могут быть зарегистрированы на другой (из 215 видов акций всех АО открытого типа, прошедших листинг на 31 декабря 1993 г., 123 зарегистрированы на Шанхайской бирже и 92 - на Шэньчжэньской).

Участниками биржевых торгов, как правило, являются специализированные компании по операциям с ценными бумагами, которых насчитывается 87, а также фондовые отделы трастово-инвестиционных компаний.

Рынок облигаций государственного займа. Первичный рынок начал формироваться в 1991 г., когда Министерство финансов впервые приступило к частичному размещению гособлигаций не по принудительной подписке, а через продажу банкам на рыночной основе. Вместе с тем элемент принудительности и сейчас достаточно заметен. Вторичный рынок возник несколько раньше - в 1988

г., когда банкам и фондовым компаниям разрешено, в порядке эксперимента, вести куплю-продажу ранее выпущенных гособлигаций по рыночному курсу (ранее такие операции осуществлялись юридическими и физическими лицами нелегально). Однако в настоящее время разрешена рыночная купля-продажа лишь некоторых видов гособлигаций. Решение директивных органов КНР с 1994 г. покрывать весь бюджетный дефицит только за счет выпуска облигаций приведет к расширению их рынка и увеличению разнообразия государственных ценных бумаг.

Рынок облигаций предприятий и банков. Согласно нормативным документам правительства КНР, предприятиям, как правило, разрешен выпуск лишь краткосрочных облигаций (на срок от 3 до 9 месяцев), а средства от них должны направляться только на пополнение собственных оборотных фондов. Разрешение на эмиссию этих облигаций дает отделение НБК провинциального уровня, а эмиссия осуществляется одним из специализированных или коммерческих банков. Вместе с тем на практике предприятия, зачастую при поддержке местных властей, направляют полученные средства на капитальное строительство, а для погашения краткосрочных облигаций выпускают новые займы или перекладывают бремя их погашения на банки-эмитенты, выступающие своего рода гарантами таких займов. Распространены случаи принудительной продажи облигаций работникам предприятий.

Рынок акций. В Китае насчитывается около 4000 акционерных компаний, акции 124 из них котируются на бирже. Владельцами акций являются примерно 27 млн. юридических и физических лиц, из которых 7 млн. человек приобрели акции на рынке. Номинальная стоимость акций всех видов составляет около 50 млрд. юаней.

Выпускаемые китайскими предприятиями внутри КНР акции делятся на два вида. Акции типа "А", предназначенные для продажи гражданам КНР с оплатой в юанях, и акции типа "В", деноминированные в юанях, но продающиеся за СКВ только нерезидентам (хотя и имеющие хождение лишь внутри КНР). Акции типа "В" выпущены 38 предприятиями. Кроме того, шесть предприятий Китая выпустили акции в Гонконге (на сумму около 500 млн. амер. долларов).

Акции типа "А," в свою очередь, делятся на три категории: акции (или скорее паи), находящиеся в государственной собственности (60% капитала всех АО открытого типа), акции для юридических лиц (26%) и акции для физических лиц (14%). На рынке разрешена продажа только акций последнего типа, хотя на практике нередки случаи продажи акций для юридических лиц физическим лицам, в том числе и на "черном рынке", а также реализация на последнем акций АО закрытого типа, распространенных среди своих работников (нередко такие акции выдаются рабочим и служащим бесплатно в качестве премии, что формально запрещено). В 1993 г. практиковалась биржевая продажа акций от одного юридического лица другому. Но в начале 1994 г. такие сделки были временно запрещены.

Многочисленные нарушения установленного порядка на рынке ценных бумаг являются следствием фрагментарного характера соответствующего законодательства. Проект Закона о ценных бумагах находится на рассмотрении в китайской парламенте, и перспективы его прохождения неясны, поскольку несогласованными остаются принципиальные моменты (группа экспертов-правоведов из научных кругов настаивает на ликвидации разделения акций на различные типы и категории и на разрешении их внебиржевого оборота, против чего категорически выступает правительство). В отсутствие законодательства Госсовет КНР в начале 1994 г. принял решение о замораживании на полгода выпуска новых акций открытого типа.

II. Капитальное строительство

Полностью переведено на основу подрядов, которые распределяются по конкурсу. Подрядчиками могут выступать как государственные, так и коллективные и частные предприятия.

Объем инвестиций в капитальное строительство является одним из наиболее жестко контролируемых показателей. Разрешение на строительство или проведение технической реконструкции дает отраслевое ведомство по согласованию с плановым органом.

На уровне города разрешено утверждать объекты размером не более 3 млн. юаней, провинции - не более 30 млн. юаней. Крупные стройки утверждает Госсовет.

В общем объеме инвестиций 10-15% приходится на бюджетное финансирование, 20-25% - на банковские кредиты, 45-50% - на собственные средства предприятий и внебюджетные фонды местных органов власти (включая средства, привлеченные за счет выпуска ценных бумаг) и более 15% - на иностранные инвестиции. 70% всех инвестиций в 1993 г. осуществили госпредприятия и бюджет, 18% - предприятия коллективной собственности, 12% - частные предприниматели.

При инвестициях за счет собственных средств предприятия обязаны заранее депонировать в банке до 30% сметной стоимости объекта.

Государственное финансирование капитального строительства осуществляется в двух формах - безвозмездные ассигнования и кредиты. Первые сохраняются в основном для объектов, не приносящих прибыли (школы, больницы, госучреждения и т.д.), вторые распространены на все остальные. В последнем случае бюджетные средства распределяются через Банк долгосрочного развития (пока фактически через Стройбанк), который контролирует их эффективное использование и возврат. Банк долгосрочного развития формируется на базе части подразделений Стройбанка и инвестиционных компаний, действовавших в системе Госплана, - энергетической, сырьевой, транспортной и сельскохозяйственной. Все бюджетные объекты проходят проектную экспертизу, осуществляемую специальной компанией, созданной Стройбанком.

В жилищном строительстве основной объем капиталовложений приходится на предприятия, часть средств идет из местных бюджетов. Определенное развитие получило строительство жилья на коммерческих условиях, ведущееся "компаниями развития". Однако в последнем случае цена очень высока - до 5 тыс. юаней за квадратный метр (200-250 тыс. юаней за среднюю квартиру при среднедушевых доходах в городах 2340 юаней в год). Такое жилье приобретают главным образом предприятия для своих работников. В 1993 г. инвестиции в строительство жилья составили 10% общих инвестиций в капитальное строительство. В ряде провинций частные лица могут воспользоваться льготными кредитами Стройбанка, выдаваемыми при условии, что 20% суммы для покупки квартиры заранее депонирована на специальном счете.

Согласно установке проводимой сейчас в Китае жилищной реформы, новое жилищное строительство необходимо постепенно полностью перевести на коммерческую основу, а вновь построенные, как и имеющиеся, квартиры в первую очередь продавать жильцам по себестоимости. Нормативная цена жилья не должна быть ниже трехкратного среднего годового дохода жителей данного региона. Плату за арендованное у государства жилье планируется к 2000 г. поднять до 17% среднедушевого дохода (сейчас - 3-5%). Купленное по нормативной цене жилье не может быть продано владельцем без согласия соответствующего госоргана или предприятия.

Отсутствие подлинной независимости предприятий, сила местнических интересов не позволяют радикально решить проблему эффективности капитального строительства. Попытки правительства ограничить разбухание инвестиций административным путем дают ограниченные результаты. Планы реформы в этой области довольно расплывчаты и сводятся к заявлениям о намерении правительства полностью передать право принятия инвестиционных решений предприятиям-инвесторам и коммерческим банкам, но при условии сохранения директивного контроля за общим объемом инвестиций.

12. Многоукладная экономика.

48% ВВП Китая производится в госсекторе, 39 - на коллективных предприятиях, 5 - на частных, около 9% - на предприятиях с участием зарубежного капитала. Около 70% основных фондов страны сосредоточено в госсекторе, 24 - в коллективном, 2 - на индивидуальных и частных предприятиях, 5-6% - на предприятиях с участием иностранного капитала. По рабочей силе цифры составляют: 15% - на госпредприятиях, 20 - на коллективных, свыше 60 - в коллективном секторе, в деревне, 3,5% - на частных предприятиях и предприятиях с участием иностранного капитала.

Коллективные предприятия (в городах более 150 тыс., 36 млн. занятых) большей частью являются таковыми лишь по названию. Они полностью зависимы от административных органов низшего звена. Распределение дохода на них, налогообложение и т.д. - как в госсекторе. Лишь в последнее время появились действительно коллективные предприятия. Зачастую под их вывеской регистрируются предприятия, принадлежащие одному лицу, поскольку режим деятельности коллективного сектора (налогообложение, снабжение, доступ к банковским кредитам и т.п.) благоприятнее.

В КНР узаконена деятельность частных предприятий, нет ограничений на частный найм рабочей силы. Сейчас насчитывается более 300 тыс. предприятий с числом наемных работников свыше 7 чел., на которых занято около 5 млн. рабочих. На 1% общего числа предприятий имеется более 100 наемных рабочих.

Около 20 млн. коллективных и частных предприятий несельскохозяйственных отраслей со 110 млн. занятых находится в деревне. Для этой категории также характерна высокая степень зависимости от местной административной власти. Новой тенденцией для сельских предприятий является преобразование их в паевые (акционерные), прошедшее уже на 2 млн. предприятий.

Негосударственные уклады играют заметную роль в экономике Китая - они дают треть всех бюджетных доходов, около 60% экспорта. По мнению экономистов, частные предприятия лучше государственных приспособляются к высоким темпам инфляции, перепадам рыночной конъюнктуры.

С ними связано и немало проблем - хозяйственные правонарушения, уклонение от уплаты налогов, сверхэксплуатация (на отдельных частных предприятиях рабочий день достигает 18 часов, а в среднем составляет около 10 часов; нередки случаи использования детского труда; хотя зарплата на частных предприятиях на 20% выше, чем в госсекторе, работники почти полностью лишены соцстрахования); рост имущественной поляризации в обществе (при числе занятых свыше 40 чел. доходы хозяина в 60-65 раз выше зарплаты наемного работника).

13. Социальный компонент в хозяйственном механизме КНР развит сравнительно слабо. Рабочая неделя - 44 часа (с тремя выходными днями на каждые две недели). Отпуска для некоторых категорий работников отсутствуют

(их получают на некоторых предприятиях лишь инженерно-технические работники и передовики труда, а также супруги, работающие в разных районах страны). Сеть домов отдыха, санаториев и т.д. крайне мала, в них попадают лишь те, кто имеет стаж в 15-20 лет. Здравоохранение и образование (кроме начального) платные, однако работникам госпредприятий расходы на лечение компенсируются полностью, а членам их семей - наполовину (на лечение). В последнее время в результате усиления финансового кризиса госпредприятий бесплатное медицинское обслуживание работников на многих из них фактически ликвидировано. Разрабатывается проект введения всеобщего обязательного медицинского страхования.

Значительным переменам подвергается система найма рабочей силы на госпредприятиях. Две трети рабочих и служащих работают на условиях пожизненного найма. Их практически невозможно уволить. Но с 1986 г. прием новых рабочих ведется только на основе контрактов на 3-5 лет. Контракт может быть аннулирован по инициативе как работника, так и администрации при наличии серьезных оснований (систематические нарушения трудовой дисциплины, грубое невыполнение условий договора). Контрактные рабочие пользуются всеми правами и льготами постоянных рабочих.

Третья категория занятых - временные рабочие, нанимаемые на срок до одного года. Они наименее защищены в социальном плане, не пользуются пенсионным и иным обеспечением. В рамках реформы системы трудовых отношений на ряде предприятий постоянные рабочие переводятся на коллективный трудовой контракт. В порядке эксперимента предлагается разрешить небольшому числу "испытывающих трудности" госпредприятий увольнять (с согласия профсоюзной организации) часть рабочих и служащих (в целом по госсектору КНР число излишних работников составляет, по разным оценкам, 10-20% занятых). В начале 90-х годов работники получили также право увольнения "по собственному желанию" без согласия предприятия.

Пенсии в КНР выплачиваются предприятиями своим бывшим работникам, единая система пенсионного обеспечения отсутствует. Пенсионный возраст - как в России. Размер пенсий обычно составляет 70% зарплаты (у кадровых работников с дореволюционным партстажем - до 120%). В деревне пенсий не существует, только старики, не имеющие кормильцев, содержатся коллективными учреждениями.

Начат переход к системе единых пенсионных фондов, формируемых взносами предприятий (до 15% от фонда зарплаты) и самих работников (3% зарплаты). Предприятия с участием иностранного капитала вносят в пенсионные и страховые фонды 30% фонда зарплаты. Эта система позволяет уравнивать расходы предприятий по выплате пенсий, решить проблемы социального обеспечения работников негосударственных предприятий. На сегодняшний день единой системой пенсионного страхования охвачено около 60% рабочих и служащих в городах. В 11 провинциях из 30 созданы единые провинциальные пенсионные фонды (в остальных единые фонды существуют на уровне уездов).

Планируется поэтапное введение пенсий в деревне. Этот процесс может занять 50-70 лет.

С появлением контрактных рабочих возникла проблема страхования по безработице. Потерявший работу на госпредприятии получает пособие в размере до 70% зарплаты в первый год после увольнения и до 50% - во второй год. Остро ощущается нехватка средств для выплаты пособий, которые получают 30% всех безработных. Профессиональной переподготовкой и трудоустройством безработных занимаются "компании трудовых услуг", создающиеся предприятиями, воинскими частями и местными властями. Значительная часть безработной молодежи трудоустраивается на коллективных и частных

предприятиях или создает при помощи государства свое дело. Такие предприятия имеют ряд льгот в налогообложении, снабжении и т.д. Всего в городах насчитывается около 4 млн. безработных. Неразвитость системы социального страхования признается в Китае "узким местом" всей экономической реформы, которое не позволяет всерьез взяться за преобразование госпредприятий в самостоятельные субъекты рыночных отношений.

14. *Внешняя торговля* Осуществляется на основе государственных планов (в начале 1994 г. объявлено о намерении отказаться от директивных планов экспорта и импорта). Основным органом госрегулирования внешней торговли является Министерство внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества. На уровне провинций и уездов действуют территориальные органы управления внешней торговлей.

Внешнеторговые операции совершаются специализированными компаниями (создаются на центральном и провинциальном уровне, а в приморских районах - и в уездах всего около 2500 компаний). Кроме того, права участников ВЭД имеют около 2000 крупных промышленных предприятий и все предприятия с участием иностранного капитала (предприятия в отличие от внешнеторговых компаний имеют право экспортировать только продукцию собственного производства и импортировать товары для собственных нужд). Остальные предприятия могут совершать внешнеторговые операции через спецкомпании на комиссионных началах.

В регулировании внешней торговли Китай использует как тарифные, так и нетарифные методы. По экспорту широко применяется квотирование и лицензирование, охватывающее 114 товарных групп (30% объема экспорта). Квоты устанавливаются исходя из внутриэкономических факторов и на основе договоренностей с зарубежными странами (добровольные и принудительные квоты). Государство сохраняет монополию на экспорт 16 видов товаров.

В регулировании импорта большую роль играют таможенные тарифы (средний уровень составляет 36%, для ряда товаров, типа автомобилей, бытовой электроники и т.п., - до 100-150%). Сохраняется и квотирование импорта, охватывающее около 50 товарных групп (объявлено о намерении полностью отменить импортные квоты не позднее 1997 г.). Китай проводит линию на постепенную либерализацию режима внешнеторгового регулирования (во многом под нажимом западных стран на переговорах о возобновлении членства КНР в ГАТТ). Ежегодно снижаются тарифы (в 1993 г. - на 8% пунктов). Расширяется список предприятий - участников ВЭД, растет число таможенных складов и т.п. Льготный режим действует для участников приграничной торговли.

15. *Иностранный капитал* используется в различных формах. Одна из них - зарубежные кредиты. КНР использует все формы кредитов, сложившиеся в мировой практике: межправительственные, банковские, коммерческие, лизинг, эмиссия облигаций и т.д. Существует четкое разграничение того, какое ведомство отвечает за использование кредитов конкретных организаций:

- Госплан КНР определяет (совместно с НБК и министерством финансов) общий объем и структуру привлечения займов;

- Народный банк Китая получает и распоряжается кредитами Международного валютного фонда и Азиатского банка развития;

- Министерству финансов поручено управление кредитами МБРР (передаются для конкретного использования инвестиционному банку);

- Министерство внешней торговли и внешнеэкономических связей занимается получением и использованием межправительственных кредитов.

Право самостоятельного привлечения зарубежных займов имеют также специализированные и коммерческие банки (в рамках установленных в плане лимитов), некоторые приморские провинции и специальные экономические зоны (при условии погашения за счет собственных ресурсов, в рамках общего плана). Все зарубежные кредиты должны быть зарегистрированы в Госуправлении инвалютного контроля (орган в системе НБК), следящем за выполнением государственной политики использования иностранных займов. Размер внешнего долга КНР к концу 1993 г. достиг 80 млрд. долл. (около 80% годовых валютных доходов), а норма обслуживания за год составила 15-17%.

Вторая форма - создание предприятий с участием иностранного капитала. Их существует три типа.

Совместные предприятия (около 80% всех предприятий). По их создании четко оговариваются доля участия каждой стороны в капитале и способ ее вноса. Китайская сторона в счет своего пая обычно предоставляет земельный участок, здания и сооружения, кадры. Зарубежный партнер вносит деньги или оборудование и технологию. Раздел прибыли осуществляется по доле участника. Срок контракта о создании СП не ограничен и может не устанавливаться. Доля иностранного партнера должна быть не менее 25% капитала, верхний предел не ограничен. Представители иностранного партнера могут занимать любые должности вплоть до генерального директора и председателя правления (если доля участия более 50%).

Кооперационные предприятия (около 10%). Отличаются от совместных способом формирования капитала и разделения прибыли. Доли участников не оговариваются, контракт устанавливает лишь конкретный взнос каждого в материально-вещественном виде без денежной оценки. Иностраный партнер ежегодно в течение оговоренного срока получает фиксированный доход независимо от того, получает предприятие прибыль или несет убытки. По истечении срока контракта предприятие переходит в собственность китайского участника.

Предприятия, полностью принадлежащие зарубежному капиталу (около 12%). Их статус принципиально не отличается от совместных.

Официально определен перечень отраслей, создание смешанных предприятий в которых запрещается или ограничивается. Сейчас это производство товаров и услуг, рынок которых в Китае насыщен, а экспорт затруднен или невозможен (гостиницы, обработка фотоматериалов, ксерокопирование, пассажирские автоперевозки и т.д.); сборка изделий для внутреннего рынка из импортных деталей; производство товаров, экспорт которых из КНР в страну, представляемую зарубежным партнером ограничен квотами (например, текстиль). Запрещены СП на предприятиях связи, цветной металлургии, на производящих оружие, загрязняющих окружающую среду, обрабатывающих драгоценные металлы, на некоторых кустарных промыслах, предприятиях по добыче большинства полезных ископаемых и в других стратегически важных отраслях.

Стимулируются льготы в налогообложении, кредите, снабжении и т.д. создания производств, применяющих передовую технику и технологию; предприятий, свыше 70% продукции которых экспортируется, а также инвестиции в объекты инфраструктуры: энергетику, строительство дорог, портовых сооружений и т.п.

При создании смешанного предприятия партнеры подают заявление с указанием сферы деятельности, предполагаемой эффективности, размера капитала, технологического уровня, а также сведений об иностранном участнике. Заявление рассматривается на местном уровне плановым органом и заинтересованным ведомством. После утверждения разрабатывается ТЭО, устав

и контракт. Окончательно документы утверждаются правительством провинции, если размер предприятия не превышает 6 млн. долл. (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, провинции Гуандун и Фуцзянь, а также специальные экономические зоны самостоятельно утверждают объекты до 30 млн. долл., другие приморские провинции - до 20 млн. долл.), или Госсоветом КНР. При этом учитывается заключение внешнеэкономических органов. Утвержденное предприятие регистрируется в органах торгово-промышленной администрации.

Смешанные предприятия могут приобретать необходимые сырье и материалы на внутреннем рынке или импортировать их, сбывать продукцию по своему усмотрению по рыночным ценам. Для их снабжения создаются специальные компании, но они могут искать партнеров самостоятельно. Предприятия, принимающие госзаказы, обеспечиваются сырьем по твердым внутренним ценам.

Смешанные предприятия могут нанимать рабочих и служащих из любых районов страны. Подбор кадров обычно осуществляется местными управлениями труда или ведомствами, которым подчиняется китайский партнер. Зарплата на них в среднем в 1,5-2 раза выше, чем на обычных заводах.

В контракте о создании совместного предприятия оговаривается способ достижения валютной самоокупаемости. Если она не обеспечивается за счет экспорта, валютную дотацию выделяет орган, утвердивший создание предприятия. Возможны также сбыт продукции за валюту в Китае или приобретение валюты на рынке, а также закупка в КНР товаров с целью их экспорта. Эти способы могут применяться лишь в отношении объектов, производящих важные импортозамещающие изделия. Хранить валютные средства и вести расчеты они могут как в китайских, так и (с разрешения органов инвалютного контроля) в зарубежных банках.

При репатриации прибыли уплачивается особый 20%-ный налог (от него освобождены предприятия, свыше 70% продукции которых экспортируется, или применяющие передовую технологию). Реинвестируемая в КНР прибыль освобождается от уплаты подоходного налога.

Территориальные формы привлечения иностранного капитала отличаются разнообразием. Это шесть специальных экономических зон (СЭЗ); 14 приморских городов, обладающих особым статусом, и зоны технико-экономического развития в них; зоны технико-экономического развития трех открытых районов в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и в Южной Фуцзяни; некоторые уезды семи приморских провинций. Их особенности - в объеме льгот, предоставляемых предприятиям с участием иностранного капитала, полномочиях местных властей по управлению внешнеэкономической и иной хозяйственной деятельностью. Общие принципы можно свести к следующим:

- пониженный размер налогообложения как смешанных, так и - в ряде случаев - китайских предприятий;
- беспошлинный ввоз сырья и материалов, а также (в ограниченных количествах) канцелярских и потребительских товаров, беспошлинный и безлицензионный экспорт продукции;
- ограничения на передвижение товаров и людей между зонами и внутренними районами (например, въезд китайских граждан в СЭЗ Шэньчжэнь по пропускам, вывоз экспортных товаров из СЭЗ Хайнань во внутренние районы разрешен после уплаты таможенных пошлин);
- упрощенный режим въезда и выезда иностранцев, выдачи виз (особенно в СЭЗ Хайнань);
- широкое экспериментирование в вопросах хозяйственной и политической реформы, практический отказ от директивного планирования и ценообразования, за исключением связей с внутренними районами страны.

В рамках СЭЗ и в приморских городах могут создаваться районы с особым порядком функционирования иностранного капитала. Например, в СЭЗ Хайнань создается район Янпу (30 кв.км) со статусом свободного порта. Его освоение будет осуществляться консорциумом японских компаний. В 12 приморских городах созданы таможенные районы (зоны свободной торговли), куда для переработки могут беспошлинно ввозиться любые материалы, оборудование, транспортные средства с обязательным последующим реэкспортом в ограниченные сроки.

16. Валютное регулирование.

Новая система валютного регулирования и контроля введена с 1 января 1994 г. (отдельные элементы - с 1 апреля 1994 г.). Предприятия - экспортеры товаров и услуг обязаны всю валютную выручку продавать уполномоченным банкам (такой статус получили все зарегистрированные в КНР банки, но валютные операции для предприятий без участия иностранного капитала будут вести только 4 специализированных и 9 коммерческих банков). Исключение делается только для случаев, когда полученная валюта необходима для срочных валютных платежей, а также для предприятий, имеющих право участника ВЭД (им разрешено оставлять на валютных счетах 50% валютной выручки для оплаты товаров, необходимых для развития экспорта). При импорте предприятия имеют право приобрести валюту в уполномоченном банке по предъявлению импортного контракта и при условии "соответствия импортной политике государства", а при импорте котируемых товаров - по предъявлении лицензии.

Валютный курс должен устанавливаться на едином межбанковском валютном рынке (находится в стадии формирования, базируется в Шанхае с отделениями в 18 крупных экономических центрах КНР); до его окончательного формирования единый курс устанавливается НБК на основе усреднения курсов отдельных центров валютных операций). Банки устанавливают собственные курсы купли-продажи валюты, руководствуясь единым рыночным курсом и заданными НБК предельными границами отклонений от него (в настоящее время - не более 0,25%).

Предприятия с участием иностранного капитала могут сохранять всю валютную выручку на валютных счетах и могут приобретать валюту только друг у друга (через центры валютных операций) при возможном посредничестве инобанков.

Физические лица имеют право держать валютные счета, свободно депонировать и снимать с них валюту. Продавать валюту банкам по курсу они могут без ограничений, а покупать - только в специально оговоренных случаях (при выезде за рубеж, на приобретение редких лекарств и т.п.) по установленным нормам.

Валютный курс должен регулироваться центральным банком при помощи рычагов кредитно-денежной политики и валютных интервенций. Однако, вероятно, используются и прямые административные рычаги (ограничение "плавания" рыночного курса, ограничение объемов спроса на валюту и т.п.).

КНР официально объявила о намерении не позднее 2000 г. ввести конвертируемость юаня по текущим операциям. В настоящее время граждане КНР имеют право вывозить из страны и расходовать за рубежом до 6000 юаней (690 долл. США по текущему курсу) за одну поездку.

17. Феномен теневой экономики

Переходный характер китайской экономической системы от административно-командной экономики к рынку, высокая степень

хозяйственной автономии местных властей, крайне слабо разработанная юридическая база функционирования хозмеханизма, исторически сложившееся предпочтение "власти личности" по сравнению с "властью закона", а также существование большинства населения КНР, особенно сельского, по обычаям и канонам традиционного общества, сила кланово-земляческих связей и т.п. - все эти факторы обусловили чрезвычайную распространенность феномена теневой экономики. В специфических условиях Китая к ней правомерно относить следующие категории.

Явно противозаконная хозяйственная деятельность (вроде контрабанды, изготовления продукции под фальшивыми торговыми марками и не соответствующей стандартам качества и т.п.) Во многих, если не в большинстве случаев, такая деятельность развивается с ведома, согласия и под прикрытием местных администраций. Особенно широко она практикуется в наиболее маркетизированных регионах юга Китая, где контрабанда и продажа автомобилей, во многих случаях украденных в Гонконге, и даже откровенное морское пиратство осуществляются с ведома полиции (вплоть до ее провинциального руководства), а то и с ее участием.

Осуществление законной хозяйственной деятельности "ненормативными" методами. Это, пожалуй, наиболее распространенный элемент "теневой" экономики, количество его разновидностей не поддается подсчету. Сюда относятся, например, нарушения кредитной и бюджетной дисциплины (использование местными властями кредитов спецбанков на оплату бюджетных расходов и наоборот; превращение банковских кредитов в субсидии предприятиям; использование средств, полученных за счет кредита, выпуска ценных бумаг и т.п. не по назначению). До 70% выручки, полученной предприятиями за счет эмиссии акций, используется не на цели, объявленные в проспектах эмиссии. Широчайшее распространение получили спекулятивные операции с недвижимостью и ценными бумагами с использованием банковского кредита, а то и средств из бюджета. Повсеместный характер имеют уклонение предприятий от уплаты налогов, укрывательство наличности, незаконная выплата зарплат и премий, приобретение предприятиями валюты на "черном" рынке и т.п.

Значительный объем имеет ненормативный оборот средств, возникающий благодаря "неформальным" отношениям низовых правительственных и партийных структур с предприятиями негосударственных укладов.

Осуществление коммерческой деятельности с использованием властных полномочий. Наиболее ярко проявляется в создании работниками госструктур коммерческих компаний (нередко без увольнения из госорганов), возникающих при отраслевых ведомствах, плановых, финансовых органах, банках и т.п. Их капитал формируется за счет "добровольных" пожертвований предприятий. Такие компании используют связи в партгосаппарате для получения лицензий, льготных кредитов, доступа к дефицитным ресурсам и т.п. Нередко часть доходов подобных компаний направляется на внебюджетное финансирование "материнских" учреждений. Под предлогом сокращения госаппарата в компании порой целиком преобразуются административные структуры ("компания-перевертыши") с автоматической передачей в их распоряжение всех подведомственных предприятий. Сюда же можно отнести широко распространенное взяточничество должностных лиц в обмен на предоставление "услуг" в хозяйственной сфере. По мнению некоторых китайских экспертов, подавляющая часть внешнеторговых контрактов сегодня заключается с использованием взяток.

Незаконная приватизация государственного имущества практикуется в разнообразных формах. Одна из наиболее распространенных: занижение

стоимости имущества при акционировании предприятий и передача (бесплатно или по символическим ценам) значительного пакета акций в руки чиновников госпартаппарата, а также работников предприятия. Нередки и случаи приватизации земельных участков (хотя формально земля не может находиться в частной собственности) и передача их под застройку компаниям по операциям с недвижимостью и частным лицам.

Особый случай недобросовестной приватизации - махинации при создании совместных предприятий. Простой вариант - занижение стоимости передаваемого СП госимущества (проверке подвергаются лишь 3% всех вновь создаваемых СП, при этом выявлено занижение стоимости имущества китайских партнеров в среднем на 70%). Более сложные комбинации связаны с нелегальным вывозом капитала за рубеж (например, путем занижения экспортных цен в официальных контрактах), создание там компаний и возвращение денег в КНР уже в качестве "иностранных инвестиций". Это дает возможность пользоваться льготами, предоставляемыми СП. По некоторым оценкам, так создано до трети зарегистрированных в Китае СП.

18. Заключение

Сложившийся в КНР хозяйственный механизм возник в результате видоизменения функций институтов плановой экономики и дополнения их инструментами экономики рыночной. Практически ни один из первых не был полностью демонтирован в ходе преобразований. "Китайская модель" реформ использовала исторически сложившиеся особенности социально-экономической структуры КНР и до сих пор позволяла избегать болезненных "хирургических мер". Однако сегодня противоречия такой экономической модели постепенно превращаются в серьезную угрозу для перспектив развития и сохранения социально-политической стабильности. Процесс преобразований вплотную подступил к рубежу, за которым на повестку дня встает реальная замена структур административной экономики институтами рынка. Впервые за годы реформ китайское общество столкнулось с необходимостью не приращения, а перераспределения интересов, с неизбежностью снижения жизненного уровня некоторых - возможно, довольно широких - социальных групп. Перспективы реформы на этом этапе неоднозначны. Возврат к прошлому, видимо, уже невозможен, но и темпы продвижения к рынку стопорятся ради сохранения социально-политической стабильности.

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Секретная миссия А.И.Микояна в Китай

(январь-февраль 1949 г.)

© 1995

А.Ледовский

Окончание. Начало см.: "Проблемы Дальнего Востока", 1995, N 2.

Как отмечалось в первой части публикации, в Записке А.И.Микояна о его поездке в Китай была отражена лишь часть информации, содержащейся в приложенных к ней телеграфной переписке с Москвой о беседах Микояна с руководителями КПК по весьма широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики КПК, советско-китайских отношений. Часть обсуждавшихся вопросов изложена в Записке в сжатом виде либо неполно, часть не затронута вообще. Ниже публикуются в выдержках или полностью материалы телеграфной переписки А.М.Микояна с руководством ВКП(б), сгруппированные по основным темам и проблемам, обсуждавшимся им с руководителями КПК.

Как показывают эти материалы, весьма большое место в беседах А.М.Микояна в Сибайпо и его переписке с Москвой заняли прежде всего вопросы текущей политики КПК.

В Записке А.И.Микояна и недавней публикации академика С.Л.Тихвинского весьма подробно освещено содержание переписки между И.В.Сталиным и Мао Цзэдуном в начале января 1949 г. по вопросу о позициях СССР и КПК в связи с обращением нанкинского правительства 8 и 9 января 1949 г. к главам великих держав с просьбой о посредничестве на переговорах с КПК о прекращении войны. Материалы переписки А.И.Микояна дают возможность добавить к освещению этой темы ряд интересных моментов.

Сразу же после получения обращения нанкинского правительства правительство и дипломатические представители США, Великобритании и Франции, весьма заинтересованные в прекращении войны и предотвращении краха гоминьдановского режима, чреватого помимо прочего резким усилением влияния СССР в Китае, сразу же начали активный зондаж позиций СССР. Они исходили из того, что эта акция может быть успешной лишь в том случае, если четыре державы выступят в этом вопросе совместно. Я работал тогда в советском посольстве в Нанкине в качестве 1-го секретаря и хорошо знаю, что вплоть до второй половины января наш посол Н.В.Рошин не имел по этим вопросам директив из Москвы. Теперь понятно, что задержка с директивными указаниями была вызвана проходившим в это время согласованием позиций в ходе переписки между Сталиным и Мао Цзэдуном. В этой ситуации Н.В.Рошин, ссылаясь на состояние здоровья, уклонился 8 января 1949 г. от участия во встрече с министром иностранных дел Китая, на которой ему и послам трех других великих

держав намечалось вручить официальное обращение нанкинского правительства, а затем - под тем же предлогом - и от совещаний с этими послами, инициатором которых был американский посол Джон Лейтон Стюарт.

Как следует из материалов переписки по этому вопросу между Москвой и Сибайпо, заключительный обмен телеграммами о согласовании позиций СССР и КПК в связи с обращением нанкинского правительства произошел 14 января 1949 г. Ответ советской стороны, выдержанный в соответствии с договоренностью, был дан министром иностранных дел СССР послу Китая в СССР 17 января 1949 г.²

Однако западные державы опередили Москву с ответом Нанкину. По поручению Госдепартамента 13 января 1949 г. Дж.Л.Стюарт передал нанкинскому правительству официальный ответ правительства США, в котором, в частности говорилось, что "при нынешней обстановке попытки выступить в роли посредника не принесут желаемых результатов"³. Опубликованная позже дипломатическая переписка, в частности телеграмма Стюарта из Китая в Госдепартамент, показывает, что он был убежден, что Советский Союз не согласится принять участие в посреднической акции⁴.

И Москва, и наше посольство в Нанкине были весьма удивлены столь быстрой и негативной реакцией США, поскольку имелись веские основания полагать, что предложение Нанкина о посредничестве было согласовано с представителями правительства США. В этой связи в Москве возникло подозрение, что это произошло в результате утечки информации о переписке между Сталиным и Мао Цзэдуном. Об этом А.И.Микоян сказал Мао Цзэдуну в беседе 3 февраля, на которой присутствовали также Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ и Жэнь Биши. Он напомнил, что в телеграмме от 10 января по поводу обращения нанкинского правительства Сталин предупредил о необходимости сохранения обмена мнениями между Москвой и ЦК КПК по этому вопросу в строгой тайне. Микоян сказал Мао Цзэдуну и его коллегам: "Нам известно, что Англия, Америка и Франция стояли за то, чтобы взять на себя функции посредничества между Гоминьданом и КПК. Позже, каким-то образом узнав, что СССР и КПК против иностранного посредничества, эти державы, не желая осрамиться, изменили свою позицию и отказались от посредничества. В связи с этим необходимо серьезно заняться вопросами конспирации и заинтересоваться, нет ли среди окружающих КПК болтающих людей, через которых эта информация могла попасть к американцам."⁵ В телеграмме в Москву об этой беседе А.И.Микоян писал: "Мао Цзэдун совершенно отклонил такую возможность, ибо, как он заметил, такие серьезные вопросы и, в частности, переписка с Москвой бывают известны только присутствующим членам ЦК, одному переводчику Ши Чжэ и тов. Терebinу. Указанные лица совершенно надежны и в них он не сомневается. Что касается данного случая, он заявил, что англо-американцы еще до того, как была известна наша позиция, открыто писали, что СССР и КПК будут против посредничества. Я ответил, - подчеркнул А.И.Микоян, - что тогда это могло быть только их предположением, однако западные державы поспешили отказаться от посредничества после того, как они получили достоверные сведения о нашей позиции. Мао Цзэдун повторил, что не исключена* возможность просачивания информации из окружения КПК"⁶.

Вопрос об отношении Советского правительства к правительству Чан Кайши обсуждался на встрече А.И.Микояна с Чжоу Эньлаем и Чжу Дэ. 1 февраля в связи с переездом советского посла в Гуанчжоу (Кантон) Чжоу Эньлай попросил разъяснить мотивы этой акции. Напомню, что 18 января

* Так в тексте. По смыслу следует: исключена.

1949 г. МИД Китая известил все посольства и миссии зарубежных стран, что 21 января китайское правительство переезжает из Нанкина в Кантон и предлагает им последовать туда же. Из всех глав дипломатических представительств только советский посол последовал этому предложению. Вместе с послом в Кантон переехала основная часть работников советского посольства. В Нанкине была оставлена небольшая группа работников МИД и некоторых других советских ведомств, которая находилась там вплоть до образования КНР. В составе группы работников МИД находился и автор данной публикации. Дипломатические представительства других государств, их послы получили указания своих правительств оставаться в Нанкине и продолжать свою деятельность в обычном режиме. Наиболее многочисленным по составу сотрудников было посольство США, возглавляемое послом Дж.Стюартом, который оставался в Нанкине до августа 1949 г. В свете деятельности в Нанкине дипломатического корпуса и в особенности посольства США, являвшихся главным союзником гоминьдановского режима, выезд большей части советского посольства во главе с послом в Кантон выглядел как своего рода демонстрация со стороны Москвы более заинтересованного отношения к правительству Чан Кайши, хотя для всех было давно очевидным, что симпатии Москвы были на стороне китайских коммунистов. Иностранцы дипломаты и местные китайские власти пытались выяснить, что это означает. Строились разного рода предположения и догадки. Мы, советские дипломаты, отвечая на эти вопросы, ссылались на общепринятую международную практику, согласно которой посольство зарубежной державы должно находиться там, где располагается правительство страны пребывания. Мы понимали, что этот ответ звучал весьма неубедительно, но должны были придерживаться инструкции из Москвы.

Примерно такой же ответ был дан А.И.Микояном Чжоу Эньлаю. В телеграмме Сталину о беседе с Чжоу Эньлаем на эту тему он писал: "Я разъяснил, что это закономерно, ибо в Китае пока имеется только одно правительство, при котором аккредитован наш посол, и естественно, что он переехал вместе с китайским правительством в Кантон, оставив часть посольства в Нанкине. По существу это не только не нанесет ущерба нашему общему делу, а наоборот, поможет ему"⁷.

Важное место в беседах заняли вопросы о ближайших планах военной и военно-политической деятельности КПК и НОАК, о средствах и источниках их материально-технической поддержки.

В первой же беседе с А.И.Микояном, состоявшейся 30 января, Мао Цзэдун заявил: "Чтобы наверняка победить в районе Нанкина и Шанхая, нужно будет войска Линь Бяо, являющиеся лучшими, направить из района Бэйпина на Юг и Запад, чтобы лишить Гоминьдан возможности перебросить отсюда подкрепления в район Нанкин - Шанхай. Положение в районе Бэйпина сложное и потребуются некоторое время, чтобы здесь закрепиться"⁸.

В той же беседе Мао Цзэдун подчеркнул: "Коммунисты строят свои планы из расчета на худшее. Они готовятся после некоторой передышки и подготовки силой взять эти города (т.е. Нанкин и Шанхай. - А.Л.). Мирный исход событий у Бэйпина⁹ сократил сроки для отдыха и подготовки этих войск к наступлению. Время нужно не только для отдыха, но и:

а) для переваривания и воспитания тех сотен тысяч пленных гоминьдановцев, которые за последнее время влились в Народно-освободительную армию;

б) для подтягивания тылов и восстановления разрушенных железных дорог, питающих фронт;

в) для накопления патронов и снарядов из текущего производства, ибо запасов мало. Дело осложняется тем, что нужны боеприпасы для оружия американского, японского, чехословацкого и советского образцов;

г) нужно время также и для подготовки кадров по управлению районами Шанхая и Нанкина, ибо целиком положиться на местные кадры нельзя...

д) нужно время и для подготовки хозяйственных управлений районов Шанхая и Нанкина. Там мало продовольствия, надо запастись им. Мы не успеваем печатать деньги для этих районов..."¹⁰

Судя по вышесказанному, войска Линь Бяо в Маньчжурии получили от Советского командования не только японское трофейное оружие, но также оружие чехословацкого и советского производства. По понятным соображениям руководство КПК старалось это не афишировать. Мао Цзэдун в беседе 5 февраля 1949 г. сказал А.И.Микояну, что когда после капитуляции армии гоминьдановского генерала Фу Цзюи в Бэйпин входили подразделения войск Линь Бяо, у них было полностью изъято "все советское вооружение и заменено американским вооружением". Мао Цзэдун сказал, что КПК хотела показать таким образом, "как Чан Кайши снабжает войска НОА американской техникой..."¹¹

В беседах неоднократно поднимался вопрос о роли и формах помощи СССР КПК в предыдущие годы и в период подготовки НОАК к новому этапу боевых действий. В обобщенном виде этот вопрос рассматривался в беседе А.И.Микояна с Мао Цзэдуном 4 февраля. На беседе присутствовали Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Чжу Дэ. В телеграмме в Москву о содержании этой беседы А.И.Микоян, в частности, писал: "Далее Мао Цзэдун подчеркнул, что Сов. Союз оказал и оказывает большую помощь КПК и за это последняя очень признательна ВКП(б). Китайская революция, продолжал Мао Цзэдун, является частью мировой революции. В связи с этим частные интересы должны подчиняться общим. Это мы всегда учитываем, когда обращаемся за помощью к Сов.Союзу. И если, предположим, Сов. Союз и не дал бы чего-либо, то мы не будем на него в обиде. Когда перед отъездом в Москву Ло Юнхуан¹² спрашивал меня, как ставить вопрос о помощи нам со стороны Сов.Союза, я сказал ему, что не надо изображать положение так, что мы погибаем и что у нас нет своих возможностей, но подчеркнул, что нам желательно получить от вас соответствующую помощь, касающуюся Маньчжурии. С 1947 года и Линь Бяо часто запрашивал Москву об оказании помощи по тем или иным вопросам. Я, сказал Мао Цзэдун, дал указания Гао Гану о том, что за все то, что мы берем у СССР, обязательно ему оплачивать и, кроме того, разрешать нехватку в тех или иных материалах за счет гоминьдановских районов. Китайские товарищи должны рационально использовать помощь Сов. Союза. Если бы не было помощи со стороны Сов. Союза, подчеркнул Мао Цзэдун, мы едва ли могли бы одержать нынешние победы. Это, однако, не значит, что мы не должны опираться и на свои собственные силы. Но нельзя и не считаться с тем фактом, сказал Мао Цзэдун, что военная помощь Сов. Союза в Маньчжурии, составляющая 1/4 всей Вашей помощи, играет весьма существенную роль."¹³

В беседе 4 февраля обсуждались также вопросы о формах связей между КПК и ВКП(б), а также о кандидатуре будущего посла КНР в СССР. Мао Цзэдун подчеркнул, что "КПК нуждается во всесторонней помощи от ВКП(б). Нужно двух советников: одного по экономическим, другого по финансовым вопросам"¹⁴. Чжоу Эньлай, говоря о партийном советнике, сказал что "по главным вопросам КПК хотела бы непосредственно связываться с ЦК ВКП(б)" и подчеркнул, что "основные вопросы будут решаться в Москве"¹⁵.

Мао Цзэдун предложил направить в Москву в качестве посла Ван Цзясяна¹⁶. Характеризуя его, Мао сказал, что "в прошлом он допускал ошибки вместе с группой Ван Минна". Указав, что в 1937 г. Ван находился в Москве,

Мао отметил, что "в июле 1937 года он вернулся к нам с указаниями Коминтерна, которые соответствовали нашей политической линии. Эти указания помогли нам в преодолении своих ошибок"¹⁷. Микоян ответил, что "у нас нет возражений по вопросу о кандидатуре будущего посла в Москве"¹⁸.

После завершения военных действий в Маньчжурии она стала служить главной тыловой базой обеспечения военных операций НОАК по овладению Северным Китаем и другими районами Китая. Необходимо было организовать переброску из Маньчжурии и через Маньчжурию из СССР оружия, боеприпасов, продовольствия и многого другого. Важнейшую роль в этом сыграло восстановление железнодорожных линий, ведущих в Северный Китай и далее к реке Янцзы. В этой работе участвовало большое число советских инженерно-технических работников - служащих КЧЖД. Советские железнодорожники, будучи высококвалифицированными специалистами широкого профиля, оказывали помощь коммунистическим властям в Маньчжурии в восстановлении не только железных дорог, но и многих других отраслей народного хозяйства.

Для координации работы по оказанию советской помощи по просьбе руководителя Северо-Восточного Бюро ЦК КПК Гао Гана, поддержанной Мао Цзэдуном, советское руководство в конце 1948 г. направило в Маньчжурию группу советников-специалистов. Руководителем этой группы был назначен генерал И.В.Ковалев, который в годы Великой Отечественной войны был министром путей сообщения СССР¹⁹.

Руководство КПК в беседах весьма высоко оценивало работу, проделанную группой специалистов под руководством И.В.Ковалева. Еще до приезда А.И.Микояна Мао Цзэдун направил И.В.Сталину следующую телеграмму:

"Здравствуйте, товарищ СТАЛИН!

Мы очень благодарим Вас за то, что Вы откомандировали к нам товарища Ковалева для оказания нам помощи по восстановлению железных дорог и других экономических работ!

При помощи товарища Ковалева и других советских товарищей пути сообщения железных дорог в Маньчжурии в основном уже восстановлены. Сейчас тов. Ковалев совместно с китайскими товарищами разработал план по восстановлению железных дорог всего Северного Китая, т.е. в области севернее от р.Янцзы, с протяжением более трех тысяч километров, на 1949 год. Если к зиме сего года этот план будет выполнен, тогда мы будем иметь 18000 километров железных дорог (включая сюда железные дороги в Маньчжурии), которые будут пущены в эксплуатацию. Для осуществления этого плана потребуется ряд самых необходимых материалов, также потребуются паровозы, машины, инструменты, масло и др. материалы для восстановления железных дорог в Северном Китае. Но кроме того, что мы можем себе обеспечить, мы нуждаемся в неотложной помощи с Вашей стороны, т.е. получить от Вас большую часть из этих материалов, тогда только сможем начать работу по восстановлению железных дорог.

Прилагая при этом два списка заказов материалов, в приобретении которых нам нужна Ваша помощь, как об этом указывалось выше, прошу Вас пересмотреть эти списки, и если сможем получить утверждение с Вашей стороны, а также, если Вы распорядитесь скорейшим образом отпустить нам в порядке кредита и с возможной быстрой погрузкой и отправкой, то мы будем очень признательны Вам.

С Большевицким приветом и наилучшим пожеланием Вашему здоровью!

МАО ЦЗЭДУН

8 января 1949 г."²⁰

В беседах в Сибайпо А.И.Микоян информировал руководство КПК о том, что предпринимается советским руководством для выполнения указанных и других просьб. Руководители КПК изложили еще ряд проблем, которые они не в состоянии решить без помощи СССР. Вопросы ближайших нужд КПК и НОАК обсуждались в беседе А.И.Микояна с Чжоу Эньлаем и Чжу Дэ, состоявшейся 1 февраля. В телеграмме о беседе А.И.Микоян писал: "Мы, сказал Чжоу Эньлай, ощущаем большой недостаток в противотанковых орудиях, которых у нас всего 150 штук, в связи с этим мы хотели бы просить Сов. Союз дать нам некоторое количество противотанковых орудий. У нас неблагоприятно и с танками. Имеющиеся танки - преимущественно легкие, самый тяжелый - 15 тонн. Под Сюйчжоу мы захватили до 70 танков, но в большинстве уже основательно потрепанных. У нас не хватает сырья и мы хотели бы получить от Сов.Союза тротил для производства боеприпасов. Мы хотели бы просить Сов.Союз дать нам также специалистов и оборудование для производства вооружения, а также командировать советников по организации армии, по военно-учебным заведениям и организации тыла, включая промышленность вооружения.

Я ответил, что мы в принципе согласны помочь организацией производства вооружения и дать советников, по вопросу же о зенитных и противотанковых орудиях ничего сказать не могу и сообщу в Москву для рассмотрения. Далее Чжоу Эньлай сказал, что они хотели бы получить от нас стальные рельсы, газолин, около 5000 автомашин и ряд других машин и материалов, на что я ответил, что по всем этим заявкам надо войти с ходатайством в наше правительство."²¹

Обсуждение этих вопросов было продолжено и на последующих встречах. Так, на беседе с А.И.Микояном 2 февраля Чжу Дэ и Жэнь Биши "особое внимание уделили вопросам промышленного развития Китая и сотрудничества в этом деле между Китаем и СССР. При этом особую роль в советско-китайском сотрудничестве они отводили Маньчжурии. В телеграмме об этой беседе А.И.Микоян, в частности, сообщил следующее:

"Жэнь Биши подчеркнул, что в своих народнохозяйственных планах они большое место уделяют Маньчжурии с целью превратить ее в кузницу обороноспособности страны. Она должна производить автомашины, самолеты, танки и др. виды вооружения. Тут же он сказал о том, что в промышленном освоении Маньчжурии они надеются на помощь со стороны Сов.Союза. Он назвал следующие формы этой помощи:

- 1) Совместные советско-китайские экономические объединения.
- 2) Займы от СССР.
- 3) Концессии, предоставляемые Сов.Союзу.

Жэнь Биши сказал, что помощь СССР нужна для эксплуатации таких редких ископаемых, как уран, магний, молибден и алюминий, которые находятся около Мукдена, Цзиньчжоу и в провинции Жэхэ. В свое время японцы вывезли одну тонну урана. Если эти ископаемые представляют интерес для Сов.Союза, то можно было бы поставить вопрос об их эксплуатации на совместных началах или предоставить специальную концессию Сов.Союзу.

Жэнь Биши подчеркнул, что промышленное освоение Маньчжурии требует высококвалифицированных специалистов. На Аньшаньском металлургическом комбинате они вынуждены пользоваться услугами японских специалистов. В связи с этим, сказал Жэнь Биши, мы просим дать нам из Сов.Союза не менее 500 специалистов по различным народнохозяйственным вопросам."²²

В беседе с А.И.Микояном 3 февраля Лю Шаоци, касаясь вопроса о промышленном развитии Китая, заявил:

"Создание промышленной базы в освобожденном Китае немыслимо без помощи Советского Союза и стран народной демократии. Эта помощь должна

сыграть решающую роль для нас. Мы представляем, что формами этой помощи могут быть:

- 1) Передача опыта социалистического переустройства хозяйства.
- 2) Снабжение нас соответствующей литературой, командированием к нам советников и техников по различным отраслям хозяйства.
- 3) Предоставление нам капиталов.

Мы считаем, что Советский Союз, страны народной демократии и Китай должны оказывать друг другу взаимную экономическую помощь. С помощью Советского Союза мы быстрее придем к социализму, если, конечно, не будем допускать ошибок. Для нас ясно, что без помощи Советского Союза мы не сможем восстановить Аньшаньский комбинат в Маньчжурии. В связи с этим мы хотели бы заранее знать возможные размеры помощи нам со стороны Советского Союза, чтобы предусмотреть ее в наших народнохозяйственных планах²³.

Вопросы советской помощи поднимались Мао Цзэдуну в заключительных беседах с Микояном 6 и 7 февраля. Мао Цзэдун обратился к советскому руководству с просьбой предоставить КПК заем в размере 300 млн. американских долл. и в счет этого займа поставить ряд необходимых материалов, машин и проч. Он упомянул, в частности, о поставках серебра для выпуска китайской твердой валюты, нефтепродуктов и 3000 автомобилей. В телеграммах об этих беседах говорилось: "Мао Цзэдун сказал, что 300 млн. - это наша потребность, мы не знаем, можете ли вы дать нам эту сумму, меньше или больше ее, но если и не дадите, то мы в обиде на вас не будем"²⁴. Он выразил пожелание получить названную сумму в течение 3 лет, начиная с 1949 г., равными долями, и сказал, что в будущем этот заем будет выплачен Китаем вместе с начислением соответствующего процента²⁵.

"До сих пор, - говорил Мао Цзэдун, - мы получали вооружение бесплатно. Но нам известно, что в производство советского вооружения вложен труд советских рабочих, который следует оплатить"²⁶. По словам Мао Цзэдуна, ЦК КПК уже подготовил список потребных машин и материалов, однако неизвестна их общая стоимость и будет ли она укладываться в заем. Не ясен вопрос о том, чем должен оплачиваться этот заем. Мао Цзэдун сказал, что если вопрос о займе решится положительно, то ЦК КПК направит в Москву делегацию для подписания соответствующего соглашения. Он выразил также пожелание послать в СССР группу работников для ознакомления с работой советских банков²⁷.

На встречах в Сибайпо обсуждался целый ряд вопросов внешней политики КПК на заключительном этапе гражданской войны и после ее завершения. В вопросах внешней политики руководители КПК центральное место отводили отношениям с Советским Союзом и странами Восточной Европы.

Особо обсуждался вопрос о Советско-китайском Договоре и Соглашениях 1945 г. Содержание обмена мнениями по этому вопросу было частично изложено в Записке А.И.Микояна. Представляется важным привести полностью запись беседы А.И.Микояна с Мао Цзэдуну по этому вопросу, которая содержалась в его телеграмме в Москву в то время.

В телеграмме говорилось:

"О СОВЕТСКО-КИТАЙСКОМ ДОГОВОРЕ.

По вопросу о советско-китайском договоре я сказал, что мы считаем советско-китайский договор о Порт-Артурском районе неравным договором, заключенным для того, чтобы помешать сговору Гоминьдана с Японией и США против СССР и освободительного движения в Китае. Этот договор, сказал я, принес известную пользу освободительному движению в Китае, но теперь, с приходом к власти китайских коммунистов, обстановка в стране в корне меняется. В связи с этим, продолжал я, у Советского правительства имеется

решение отменить этот неравный договор и вывести свои войска из Порт-Артура, как только будет заключен мир с Японией. Но если китайская компартия, сказал я, сочтет целесообразным немедленный вывод войск, то СССР готов пойти на это. Что касается договора* о Китайско-чаньчуньской железной дороге, то мы не считаем его неравным договором, так как эта дорога была построена главным образом на средства России. Возможно, сказал я, что в этом договоре принцип равноправия не вполне проведен, но мы готовы обсудить этот вопрос и решить его с китайскими товарищами по-братски.

Оценка договора как неправоправного была настолько неожиданной для Мао Цзэдуна и членов Политбюро, что вызвала у них откровенное удивление. После чего Мао Цзэдун и члены Политбюро почти враз заговорили о том, что сейчас не следует выводить советские войска из Ляодуна и ликвидировать базу в Порт-Артуре, так как этим мы только поможем США. Мао Цзэдун заявил, что вопрос о выводе войск из Ляодуна мы будем держать в секрете и что договор можно пересмотреть только тогда, когда в Китае будет разбита политическая реакция, народ будет мобилизован в наступление на иностранный капитал с целью его конфискации, когда с помощью Советского Союза "мы приведем себя в порядок". Китайский народ, сказал Мао Цзэдун, благодарен Сов.Союзу за этот договор. Когда мы укрепим, тогда "вы уйдете из Китая" и мы заключим советско-китайский договор о взаимопомощи наподобие советско-польского договора.

Далее Мао Цзэдун сказал, что в определении принадлежности имущества КЧЖД наблюдаются мелкие неполадки, которые можно разрешать на месте. Например, гоминьдановские войска забрали часть предприятий КЧЖД, а с приходом НОА они были последней вновь переданы КЧЖД. В народе говорят, что гоминьдановцы взяли эти предприятия согласно советско-китайскому договору, а НОА, как бы в нарушение договора, отдает их КЧЖД. Мао Цзэдун высказался за то, чтобы Гао Ган и Ковалев И. разобрались в этом вопросе и доложили КПК и ВКП(б)."²⁸

Важное место в беседах заняли тема дальнейших перспектив развития политической и экономической ситуации в Китае, вопросы политики КПК в городе и в деревне, отношения к различным социальным группам и партиям, к иностранному капиталу.

В Записке А.И.Микояна отмечалось, что еще в 1947 и 1948 гг. выявились определенные расхождения в подходах Москвы и ЦК КПК по вопросу о роли различных партий Китая (кроме КПК) в политической жизни страны на заключительном этапе гражданской войны и после ее завершения. Напомним, что в Записке Микояна приводился фрагмент из телеграммы Сталина в ЦК КПК от 20 апреля 1948 г. по этому поводу. Представляется весьма существенным привести опущенную в Записке часть телеграммы И.В.Сталина. В ней говорилось: "Надо иметь в виду, что китайское правительство после победы Народно-освободительной армии Китая, будет по своей политике, по крайней мере в период после победы, длительность которого сейчас трудно определить, национальным революционно-демократическим правительством, а не коммунистическими.

Это значит, что не будут пока что осуществлены национализация всей земли и отмена частной собственности на землю, конфискация имущества всей торговой и промышленной буржуазии от мелкой до крупной, конфискация имущества не только крупных землевладельцев, но и средних и мелких, живущих наемным трудом. С этими реформами придется подождать на известный период.

К Вашему сведению, - писал далее Сталин, - в Югославии кроме

* Так в тексте. Правильно: соглашения.

коммунистической партии существуют другие партии, входящие в состав народного фронта"²⁹.

Вопрос о содержании и перспективах политики КПК неоднократно затрагивался и в беседах в Сибайпо. В Записке Микояна отмечалось, что им было обращено внимание руководства КПК на слабость позиций КПК в городах и переданы соображения руководства ВКП(б) о том, что скорейшее занятие больших городов обеспечит КПК "пролетарскую основу". В телеграммах в Москву Микоян сообщил, что руководители КПК отмечали отсутствие у кадров партии опыта работы в городах. В одной из бесед Мао Цзэдун говорил о том, что на протяжении последних 20 лет в руках КПК не было крупных городов, что впервые она получила, благодаря Советской Армии, такие крупные центры, как Харбин³⁰. Другие руководители КПК, говоря об отсутствии опыта и ясной политики в городах, рассказывали А.И.Микояну о том, что поначалу в ряде городов новые власти "передали в руки рабочих конфискованные торговые предприятия, они делили между собой товары этих предприятий, распродавали их, а помещения разбирали"³¹. В ответ на информацию и запросы Микояна по итогам бесед из Москвы поступило несколько телеграмм и по вопросам политики в городах. В этих телеграммах И.В.Сталин высказал ряд рекомендаций и обращал внимание руководства КПК на необходимость усиления работы среди рабочих, а также среди молодежи, женщин, подчеркивал необходимость ускоренной подготовки соответствующих кадров. По вопросам политики в отношении рабочих в одной из телеграмм из Москвы рекомендовалось "не запрещать забастовок, иначе КПК лишится доверия рабочих". В телеграмме в Москву о беседе 5 февраля Микоян сообщил, что этот совет "вызвал заметное недоумение у Мао Цзэдуна и у присутствовавших членов Политбюро". В целом же, писал А.И.Микоян, телеграммы из Москвы с советами по упомянутым вопросам (о рабочих, молодежи и др.) "произвели хорошее впечатление. Во время их изложения Мао Цзэдун и члены Политбюро дружно поддакивали, и Мао Цзэдун сказал, что советы будут выполнены"³².

Особо обсуждались вопросы об отношении к иностранному капиталу и национальной буржуазии. По поручению Сталина, Микоян заявил руководителям КПК: "По вопросам иностранной собственности мы придерживаемся того мнения, что надо национализировать собственность японскую, французскую и, по возможности, английскую. В отношении американской собственности надо вести осторожную политику, чтобы создавать у американцев мнение, что их интересы будут учтены новыми [коммунистическими] властями"³³.

Вопросу об отношении к национальной буржуазии большое внимание было уделено в беседе с Лю Шаоци 3 февраля 1949 г. "Лю Шаоци заявил, - говорилось в телеграмме Микояна об этой беседе, - что они будут проводить конфискацию предприятий компрадорской буржуазии под видом конфискации бюрократического капитала. Что касается частных предприятий национальной буржуазии, то через 1-2 года можно поставить вопрос об их судьбе в плане национализации"³⁴. На это Микоян сказал: "Осторожная политика в отношении национальной буржуазии является правильной. Пока не следует говорить о национализации ее предприятий. Лучше присмотреться к ней и, когда власть окрепнет, поднять вопрос о ней..." Лю Шаоци выразил полное согласие³⁵.

В той же беседе Лю говорил: "Основной вопрос нашей политики - это вопрос о том, куда пойдет Китай. Самой сложной проблемой для Китая является вопрос о мелких товаропроизводителях: пойдут ли они по кооперативному пути, то есть к социализму, или к капитализму. Мы всегда помним указания Ленина, - подчеркнул Лю Шаоци, - о том, что мелкобуржуазное хозяйство является источником, порождающим капитализм..."

Наша цель - это постепенный переход к социализму путем усиления планового начала в хозяйстве. Переход к социализму будет носить длительный характер по времени и ожесточенный по борьбе. У нас также встает вопрос кто - кою, как в свое время его ставил Ленин.

По нашим подсчетам, для полного наступления на капиталистические элементы в нашем хозяйстве придется переждать 10-15 лет, после чего мы возьмемся за передачу промышленных и торговых предприятий в руки государства и этим самым ускорим движение Китая к социализму.

Перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы, - сказал Лю Шаоци, - мы мыслим только лишь при условии подведения индустриальной базы под сельское хозяйство³⁶.

Характеризуя различные тенденции в партии в отношении общих перспектив политики КПК, Лю Шаоци говорил: "Во-первых, в партии есть люди, которые считают, что надо всемерно развивать капитализм и опираться на него. По существу это означает уступку капиталистическим элементам, капитуляцию перед капитализмом. Эти люди хотят создать из Китая обычное буржуазное капиталистическое государство, т.е. восстановить полуфеодалные и буржуазные порядки. Во-вторых, в партии есть люди, которые склонны по-левацки, авантюристически поспешно строить социализм. Эта тенденция выражается в том, что кое-кто составляет необоснованные планы, не учитывая наших возможностей. В результате эти тенденции наносят вред союзу рабочего класса с крестьянством. Надо, - сказал Лю Шаоци, - решительно бороться с этими тенденциями и в этом отношении мы просим советов со стороны СССР."³⁷

Существенно отметить и рекомендации И.В.Сталина в отношении национальной политики КПК. В Записке Микояна уже приводились данные об обсуждении в Сибайпо вопроса о Монголии и Синьцзяна. В то же время в ней опущены упоминания о рекомендациях Москвы относительно общих принципов будущей национальной политики КНР. В телеграмме в Москву о беседе с Мао Цзэдуну 4 февраля 1949 г. Микоян писал: "Я передал Мао Цзэдуну, что наш ЦК не советует Китайской компартии чересчур размахиваться в национальном вопросе путем предоставления независимости национальным меньшинствам и тем самым уменьшения территории Китайского государства в связи с приходом к власти китайских коммунистов. Следует дать национальным меньшинствам автономию, не независимость.

Мао Цзэдун обрадовался этому совету, но по его лицу было видно, что он не собирается давать независимости кому бы то ни было."³⁸

В заключительной беседе с А.И.Микояном 7 февраля Мао Цзэдун изложил свой общий подход к вопросам экономической политики КПК после ее прихода к власти. Он, в частности, заявил: "В Китае имеется 90 миллионов крестьянских дворов, объединяющих 360 миллионов человек, среди них 10 процентов* бедняков - союзников рабочего класса. Руководство принадлежит пролетариату. Крестьянству мы дали землю, но не дали товаров, в которых оно нуждается и которых у нас нет. Если мы не разовьем промышленность, то не обеспечим крестьян товарами, а значит, потеряем руководство ими.

Мы рады тому, что СССР оказывает нам горячую поддержку и помощь, но нельзя победить, надеясь только на помощь извне. Поэтому, защищая интересы рабочих через профсоюзы, через вмешательство государства в торговлю с целью снижения цен путем продажи зерна, топлива и товаров для рабочих и городского населения, защищая бедняков в деревне путем вовлечения

* Так в тексте. По-видимому, это опечатка. В то время, по оценкам, принятым в КПК, бедняки составляли 60-70% населения деревни.

их в производственную и бытовую кооперацию, мы должны также дать возможность развиваться и частным предприятиям. Мы намерены использовать два лозунга Сунь Ятсена:

1. Ограничение капитала путем контроля.

2. Вытеснение ростовщического капитала, который вреден народу.

Мы считаем возможным и необходимым разрешить свободную конкуренцию на внутреннем рынке Китая. Мы должны, поскольку мы еще слабы и отстали в экономическом отношении, использовать частный капитал, но не допуская здесь торопливости.³⁹ Далее Мао Цзэдун сказал, что при наличии более высокого уровня промышленного и общего экономического развития дореволюционной России Советскому Союзу потребовалось 12 лет перехода к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. В Китае, по словам Мао Цзэдуна, при его экономической отсталости, переходный период будет тоже длительным. "Для сокращения переходного периода, - заявил Мао Цзэдун, - мы будем нуждаться в экономической помощи. Мы считаем возможным получить эту помощь только от СССР и стран новой демократии. Нам необходим заем на 3 года (1949-1951 гг.) на сумму 300 млн. американских долларов, по 100 млн. долларов в год с оплатой процентов. Мы хотели бы получить заем частично оборудованием, нефтью и др. товарами, а также серебром, необходимым нам для укрепления юаня."⁴⁰

По просьбе Мао Цзэдуна, Микоян провел ряд многочасовых бесед с членами Политбюро ЦК КПК по вопросам экономического положения в Китае и экономической политики КПК. После этого многие проблемы обсуждались с участием Мао Цзэдуна. По итогам этих обсуждений А.И.Микоян в телеграмме в Москву сообщил: "Необходимо отметить, что члены Политбюро, с которыми я беседовал, вполне компетентны и держат себя уверенно в вопросах общеполитических, партийных, в крестьянском вопросе и в общеэкономических вопросах. Однако очень слабо подкованы в хозяйственных вопросах. Они имеют очень смутное представление о промышленности, транспорте, банках. Например, не имеют никаких данных о японской собственности, конфискованной после войны с Гоминьданом, не знают, какие важнейшие иностранные предприятия имеются в Китае и каким государствам они принадлежат. Не имеют также сведений о деятельности иностранных банков в Китае... Они не знают также, какие предприятия принадлежат бюрократическому капиталу, которые они хотят конфисковать, сколько из них находится на освобожденной территории и в каком состоянии. ...Все их хозяйственные планы носят характер общих установок без попытки конкретизации даже в отношении того, что находится под их властью в освобожденных районах. Сидят в глухой деревне и оторваны от действительности... В процессе беседы выяснилось, что у них нет конкретных планов относительно того, что они собираются взять в свои руки в качестве экономической опоры государства (крупные банки, крупная промышленность и другие)"⁴¹.

А.И.Микоян предложил руководителям КПК представить в Москву свои конкретные заявки на предмет получения от СССР соответствующей помощи. Мао Цзэдун просил ускорить осуществление различных поставок по предыдущим заявкам КПК, связанным с решением задач оперативного характера. Для заключения соглашения о займе и обсуждения других проблем, возникающих в ходе быстро развивающихся событий, руководство КПК, сказал Мао Цзэдун, имеет в виду через некоторое время направить в Москву специальную делегацию.

Как отмечалось в приведенной выше телеграмме Мао Цзэдуна И.В.Сталину от 8 января 1949 г., китайское руководство просило ускорить рассмотрение и осуществление поставок по предыдущим заявкам КПК. Для

обсуждения вопросов дальнейшей экономической и военной помощи, а также вопроса о займе, как отмечалось в ряде бесед и соответственно в телеграммах А.И.Микояна в Москву, руководство КПК намеревалось направить в СССР специальную делегацию.

Такая делегация во главе с секретарем ЦК КПК Лю Шаоци посетила Москву в секретном порядке в июне-июле 1949 г. и вела переговоры с И.В.Сталиным и другими советскими руководителями. Но это - тема отдельной публикации.

1. См.: Новая и новейшая история. 1994. - N 4-5. - С. 132-140.
2. Правда. 1949. - 18 января.
3. FRUS. 1949. China. - Vol. VIII. - P. 47.
4. Ibid. - P. 25.
5. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 47.
6. Там же.
7. Там же. - Л. 20.
8. Там же. - Л. 2.
9. 21 января 1949 г. Фу Цзюи подписал соглашение с представителями КПК о мирной сдаче Бэйпина (Пекина). 31 января НОАК без боя вступила в Бэйпин.
10. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 2.
11. Там же. - Л. 37.
12. Так в тексте. По-видимому, имеется в виду Ло Жунхуань (1902-1963), в то время политкомиссар войск НОАК в Дунбэе, первый политкомиссар 4-й полевой армии НОАК.
13. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 58.
14. Там же. - Л. 57.
15. Там же.
16. Ван Цзясян (1906-1974), в то время член Бюро ЦК КПК по Дунбэю, с марта 1949 г. член ЦК КПК.
17. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 57-58.
18. Там же. - Л. 58.
19. После образования КНР И.В.Ковалев продолжал некоторое время возглавлять группу советских специалистов. Однако, имея прямую связь с Москвой, он по-прежнему считал себя личным представителем И.В.Сталина, не согласовывая свои действия с послом Н.В.Роциным. Это побудило Рошина доложить об этом в Москву. Сталин направил в Китай комиссию для проверки деятельности И.В.Ковалева и советских специалистов, по итогам работы которой И.В.Ковалев был отозван из Китая.
20. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 37, л. 1.
21. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 29.
22. Там же. - Л. 37.
23. Там же. - Л. 44.
24. Там же. - Л. 85-86.
25. См. там же.
26. Там же.
27. Там же. - Л. 86.
28. Там же. - Л. 78-79.
29. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 31, л. 28-29.
30. АПРФ. Ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 69.
31. Там же. - Л. 92.
32. Там же. - Л. 74.
33. Там же. - Л. 69.
34. Там же. - Л. 41.
35. Там же.
36. Там же. - Л. 42-43.
37. Там же. - Л. 46.
38. Там же. - Л. 54.
39. Там же. - Л. 94.
40. Там же. - Л. 95.
41. Там же. - Л. 89-90.

МЕМОАРЫ

Из воспоминаний о работе в Китае в 1948-1950 гг.

© 1995

А. Титов

В октябре 1945 г. я во второй раз был командирован на работу в наше посольство в Китае. В первый раз я работал в Полпредстве СССР в военной столице Китая Чунцине с июня 1939 г. до апреля 1942 г. в качестве технического работника. Выезжая в Чунцин в 1945 г. я имел ранг атташе. В январе 1946 г. я был направлен из Чунцина в только что открытое представительство нашего посольства в Бэйпине, вскоре преобразованное в Генконсульство СССР, где я работал в качестве секретаря. В начале января 1948 г. я был переведен на работу в Генконсульство СССР в Тяньцзине в качестве вице-консула и уполномоченного Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). С октября 1948 г. до мая 1950 г., до отъезда на Родину я исполнял здесь обязанности Генконсула.

Моя работа в Тяньцзине проходила в период заключительных сражений гражданской войны в Китае. Именно здесь я был наблюдателем и, в какой-то мере, участником событий этого периода в Северном Китае.

В 1948 г., когда я начал работу в Тяньцзине, наступил решительный перелом в ситуации на фронтах гражданской войны в Китае. Осенью 1947 г. части вооруженных сил КПК - Народно-освободительной армии Китая перешли в стратегическое наступление. В 1948 г. они нанесли крупное поражение гоминьдановским войскам в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) и готовились вступить в Северный Китай. Здесь находилась весьма крупная группировка гоминьдановских войск под командованием генерала Фу Цзюи, которая контролировала в это время основные города Северного Китая - Пекин (тогда Бэйпин), Тяньцзинь и другие. Ставка и штаб Фу Цзюи располагались в Пекине. Тяжелые поражения армий Чан Кайши значительно подорвали дух его войск: поражения на поле боя сопровождались переходами на сторону НОАК ряда видных командиров гоминьдановских войск, капитуляцией без боя некоторых гарнизонов. Командование НОАК, стремясь предотвратить бесполезное кровопролитие, сочетало военные удары и давление с тактикой переговоров с отдельными политическими и военными деятелями Гоминьдана,

стремясь привлечь их на свою сторону, ослабить сопротивление, разложить режим и армию Гоминьдана изнутри.

Именно в то время, когда части НОАК готовились к схватке с группировкой Фу Цзюй за овладение Северным Китаем, в октябре 1948 г. я познакомился с дочерью генерала Фу Цзюй - Фу Дун, которая в то время работала корреспонденткой тьяньцзиньской газеты "Дагунбао". О ней мне было лишь известно, что она придерживается прогрессивных взглядов. Меня интересовала информация о положении и настроениях в городе, ее оценки ситуации: "Дагунбао" была весьма известной и влиятельной газетой, а ее корреспонденты были весьма информированными.

Что касается ее отца, то из официальных данных и имевшихся ориентировок, я знал, что он родился в 1895 г. (в 1995 г. ему исполнилось бы сто лет) в провинции Шаньси, в семье небогатого землевладельца. В 1911 г. он вступил в революционную организацию Сунь Ятсена "Тунмэнхуэй" ("Объединенный союз"), окончил Баодинскую военную академию, служил в войсках губернатора провинции Шаньси Янь Сишаня сначала в качестве командира полка, бригады и дивизии. В 1928-1930 гг. он командовал гарнизонными войсками в Тяньцзине; в 1931 г. возглавил реорганизованную 7-ю армию и стал председателем правительства провинции Суйюань, а с 1938 г. - губернатором этой провинции. В 1933 г. он был назначен командующим силами обороны провинций Суйюань и Чахар. В 1935 г. стал полным генералом, в ноябре 1935 г. на V съезде Гоминьдана был избран членом ЦИК.

Фу Цзюй был одним из первых гоминьдановских генералов, который оказал вооруженное сопротивление японским захватчикам еще до начала японо-китайской войны: в октябре-ноябре 1936 г. он оказал сопротивление войскам японских марионеток - монгольского князя Дэ-вана и генерала Ли Шоусина, которые по приказу японцев двинулись в провинцию Суйюань. Войска Фу Цзюй разгромили вторгнувшуюся в Суйюань 20-тысячную армию Ли Шоусина и Дэ-вана. Успешные действия войск Фу Цзюй способствовали подъему "движения за спасение Родины" во всем Китае, активизировали выступления за вооруженный отпор японской агрессии. Во время японо-китайской войны 1937-1945 гг. Фу Цзюй был заместителем командующего 8-й военной зоны и успешно воевал против японских оккупантов. После капитуляции Японии в 1945 г. он был назначен Чан Кайши командующим 12-й военной зоной (провинции Суйюань и Чахар) и в октябре 1945 г. по приказу Чан Кайши начал бои против группировки войск КПК, возглавляемых Не Жунчжэнем.

Фу Цзюй считался одним из наиболее способных гоминьдановских генералов. Он имел собственные войска, численностью свыше 200 тыс. человек, которые отличались дисциплиной и боеспособностью. На него возлагали особые надежды и американцы, считая, что только он может противостоять НОАК в Северном Китае. Поэтому они рекомендовали Чан Кайши летом 1948 г. назначить его командующим группировкой войск в Северном Китае.

В ходе первых встреч с Фу Дун у нас установились весьма добрые отношения. Вскоре она доверительно сообщила мне, что является негласным членом КПК, но длительное время не имеет связи с партией. Она рассказала, что, как ей удалось установить, за ней ведется усиленная слежка гоминьдановских спецслужб; в ее бумагах и вещах часто кто-то роется, некоторые лица из ее окружения в разговорах с ней задают подозрительные вопросы, с ней пытаются установить знакомство неизвестные ей лица. Поэтому она ведет очень замкнутый образ жизни и избегает знакомств с неизвестными ей людьми. Из дальнейших бесед с Фу Дун выяснилось, что она очень обеспокоена судьбой своего отца, ибо военная обстановка в Северном Китае явно складывалась не в его пользу, и он, по ее словам, оказался на распутье и не

знает, что делать. Она говорила, что отец ее считает себя последователем Сунь Ятсена и остается верным его идеалам. Он хотел бы сохранить незапятнанным свой авторитет национального героя, который он приобрел благодаря своей решительной борьбе против японских агрессоров и остаться в истории Китая как патриот, как человек, способный на жертвы и подвиги ради свободы и могущества своей Родины. Фу Дун рассказывала и о том, что ее отец ведет скромный образ жизни, хорошо относится к своим подчиненным, к простым солдатам и потому пользуется большим авторитетом и уважением в своей армии.

Фу Дун говорила мне и о том, что ее отец хорошо относится к Советскому Союзу: он был очень доволен той помощью, которую Советская Россия оказывала Сунь Ятсену и освободительному движению в Китае в 20-е годы. Будучи губернатором провинции Суйюань в 30-е годы, он хотел наладить торговые отношения с Советским Союзом через Внешнюю Монголию, до сих пор интересуется жизнью Советского Союза.

По словам Фу Дун, ее отец лояльно относился к китайским коммунистам и был сторонником сотрудничества с ними во время антияпонской войны. В начальный период войны он сотрудничал с командованием частей КПК провинции Шаньси, но изменил свое отношение к коммунистам в конце 1939 г., когда они решили ликвидировать войска Янь Сишаня и захватить провинцию Шаньси. На его отношении к коммунистам особенно сказалось то обстоятельство, что при создании партизанских баз КПК в провинциях Шаньси и Суйюань новые власти захватили его родственников и жестоко расправились с ними, отобрали у них землю и все имущество, а некоторых из них подвергли унижительной публичной порке.

После капитуляции Японии войска Фу Цзон, по приказу Чан Кайши, вели бои против частей 8-й армии в провинциях Суйюань и Чахар, а в октябре 1946 г. отбили у 8-й армии очень важный стратегический пункт - город Чжанцзякоу (Калган) - административный центр провинции Чахар.

Фу Дун говорила, что хотя отец сейчас не живет с ее матерью, но к ней Фу Дун по-прежнему относится хорошо, любит ее, иногда интересуется у нее мнением различных кругов общества относительно тех или иных событий в стране.

Рассказы Фу Дун о своем отце и их отношениях навели меня на мысль, что она не только обеспокоена его судьбой, но и готова как-то помочь своему отцу. Я, в свою очередь, рассказал ей, что в Советском Союзе хорошо знают ее отца как истинного патриота своей страны, решительного борца против японских захватчиков, первым оказавшим им вооруженное сопротивление. Но мне лично совершенно непонятна его нынешняя позиция, когда он воюет на стороне антинародного режима Чан Кайши, у которого нет будущего и который неизбежно потерпит поражение. На это Фу Дун ответила, что ее отец боится, что китайские коммунисты не простят ему вооруженной борьбы против них после капитуляции Японии, особенно взятия Чжанцзякоу. Поэтому он и сражается против НОАК на стороне Чан Кайши.

Я сказал Фу Дун, что ее отец серьезно заблуждается и избрал для себя гибельный путь. У меня тогда не было возможностей связаться с нашими вышестоящими инстанциями, не было у меня и контактов с китайскими коммунистами. Поэтому на свой страх и риск я рекомендовал Фу Дун отправиться в Бэйпин и постараться разъяснить отцу его заблуждение. Я советовал ей спокойно, ненавязчиво, ссылаясь не только на свое мнение, но и на мнение ее единомышленников, на пример ряда видных деятелей Китая, перешедших в то время в оппозицию к Чан Кайши, объяснить отцу действительную обстановку в стране, рассказать ему о массовых

антиамериканских выступлений китайских учащихся и поддержке их широкими народными массами, о недовольстве даже национальной буржуазии политикой Чан Кайши, о деморализации чанкайшистской армии, которая терпит одно поражение за другим, о том, что некоторые чанкайшистские генералы в Маньчжурии стали переходить со своими войсками на сторону НОАК. Другими словами, дать понять отцу, что единственным и самым верным выходом из создавшегося положения для него и в интересах всего Китая было бы начать переговоры с командованием НОАК о прекращении военных действий в Северном Китае. Фу Дун в принципе согласилась со мной, но сказала, что сделать это ей будет очень трудно, ибо ее отец очень упрямый человек. Тем не менее она решила поехать в Бэйпин, обещала сообщить мне о результатах разговора с отцом по возвращении.

В целях безопасности Фу Дун, учитывая что она является негласным членом КПК и находится под усиленным наблюдением со стороны спецслужб, я предложил ей дальнейшие наши встречи проводить конспиративно, а наше знакомство держать в строжайшей тайне, никому не говорить о нем. Она согласилась, заметив, что будучи негласным членом КПК, имеет опыт конспирации и конспиративных встреч. Мы договорились о новой встрече сразу же после возвращения ее в Тяньцзинь.

Вторая встреча состоялась примерно в середине ноября 1948 г. Фу Дун рассказала, что встречалась с отцом и нашла его в крайне подавленном настроении. С трудом выслушав ее, он спросил, знает ли она, что коммунисты считают его одним из главных военных преступников: в списке военных преступников, обнародованном КПК, он фигурирует в числе первых, а это означает, что он уже приговорен и ни о каких мирных переговорах с ним не может быть и речи. На это она сказала, что если он прекратит вооруженную борьбу и начнет переговоры, то руководство КПК, безусловно, изменит свое отношение к нему. Кроме этого, исходя из того, что многие тогда в Китае полагали, что китайские коммунисты действуют в соответствии с указаниями Москвы, она, не ссылаясь на меня, сказала, что насколько ей известно, в Советском Союзе считают его патриотом Родины и одобряли его решительные действия против японских захватчиков, борьбу с которыми он начал еще с середины 30-х годов. По словам Фу Дун, ее отец усмехнулся и сказал, что советский маршал Жуков сыграл очень важную роль в разгроме гитлеровской Германии, а известно ли ей, что сейчас он находится в опале. Фу Дун сообщила, что, как ей удалось установить, ее отца очень обхаживают американцы, обещая ему всяческую помощь и поддержку. Возможно, заметила Фу Дун, это обстоятельство и вселяет в него надежду, что с помощью американцев удастся остановить НОАК.

В целом, из своей беседы с отцом Фу Дун сделала вывод, что разговор с ним у нее не получился и ей не удалось уговорить его начать мирные переговоры с командованием НОАК. Я постарался успокоить Фу Дун, сказал, что ее разговор с отцом все же заставит его задуматься и это уже хорошо. Я вновь рекомендовал ей скорее отправиться в Бэйпин и продолжать беседы с отцом в том же духе. В связи с тем, что Фу Дун сообщила, что ее отец, помимо всего, боится, что за каждым его шагом следят спецслужбы Гоминьдана, я рекомендовал ей посоветовать отцу предварительно поручить своим надежным людям изыскать возможности и попытаться выяснить, как бы командование НОАК отнеслось к ее отцу, если бы он согласился прекратить военные действия против НОАК.

Фу Дун согласилась немедленно вернуться в Бэйпин, хотя вновь и вновь повторяла, что ее отец очень упрямый человек и на него очень трудно повлиять.

В конце ноября или начале декабря 1948 г. Фу Дун вызвала меня на срочную встречу. Она пришла очень взволнованная, со слезами на глазах и сообщила, что ее отец решил покончить с собой, так как понял, что отразить наступление НОАК в Северном Китае он не сможет, а сдаваться на милость победителю и не хочет, и боится. На вопрос Фу Дун, что же ей делать, я посоветовал ей снова немедленно вернуться в Бэйпин к отцу и использовать все возможное и невозможное, чтобы отговорить его от этого отчаянного решения. В крайнем случае, сказать ему, что покончить с собой никогда не поздно, но прежде надо предпринять все меры для того чтобы выяснить отношение к нему командования НОАК в случае прекращения военных действий, убедить его, что если он согласится начать переговоры с НОАК о прекращении военных действий в Северном Китае, то отношение к нему может измениться, особенно, если он согласится перейти на сторону НОАК со своими войсками. Фу Дун плакала и все время повторяла, что ее отец очень упрямый человек и если он решил покончить с собой, то осуществит свое решение. Она не верила в возможность отговорить его от самоубийства.

Учитывая остроту ситуации я посоветовал Фу Дун рискнуть и по собственной инициативе попытаться установить связь с китайскими коммунистами, действовавшими в подполье в Пекине, чтобы они помогли ей в деле с ее отцом. По словам Фу Дун, она не решалась по собственной инициативе на такие контакты из-за того, что, во-первых, за ней велась усиленная слежка со стороны гоминьдановских спецслужб, а во-вторых, она не встречала знакомых ей ранее коммунистов ни в Тяньцзине, ни в Бэйпине. После обсуждения возможных вариантов, она согласилась попытаться связаться с китайскими коммунистами в Бэйпине и вновь поехала туда. Перед расставанием мы договорились о встрече после возвращения из Бэйпина. Но в 1948 г. наша встреча не состоялась, так как Тяньцзинь вскоре был окружен НОАК.

События тогда развивались следующим образом. Армия Линь Бяо, завершая освобождение Маньчжурии, 18 ноября 1948 г. освободила город и крупную железнодорожную станцию Шанхайгуань - ворота Северного Китая - и начала его освобождение. Части Линь Бяо соединились с войсками под командованием Не Жунчжэня и были преобразованы в 4-ю полевую армию. Перед 4-й армией была поставлена задача в первую очередь захватить порт Тангу и Тяньцзинь, чтобы лишить американцев возможности оказать помощь гоминьдановским войскам в Северном Китае путем переброски подкреплений морским путем и тем самым облегчить освобождение всей территории Северного Китая. Выполняя эту задачу, 4-я полевая армия 19 декабря 1948 г. заняла порт Тангу и осадила город Тяньцзинь, который обороняла 130-тысячная армия под командованием Чэнь Чаньцзе, входившая в группировку Фу Цзюи. В городе и вокруг него были построены мощные оборонительные укрепления. Гоминьдановцы утверждали, что Тяньцзинь они ни в коем случае не сдадут, а нанесут здесь сокрушительное поражение "красным". Завершив подготовку исходных рубежей для штурма Тяньцзиня, командование 4-й полевой армии НОАК предложило Чэнь Чаньцзе сдаться, но он отказался. Тогда части 4-й армии 14 января 1949 г. начали штурм и 15 января 1949 г. полностью освободили город. В боях за освобождение Тяньцзиня 4-я армия потеряла около 30 тыс. человек убитыми и ранеными.

Ожидался и штурм Бэйпина. Но 31 января 1949 г. НОАК без боя вступила в этот древнейший город, бывшую и нынешнюю столицу Китая, знаменитую своими историческими памятниками: Фу Цзюи в конце-концов подписал с командованием НОАК соглашение о мирном освобождении. С освобождением Бэйпина было в основном завершено освобождение Северного

Китая, знаменовавшее коренной перелом в ходе гражданской войны. Занятие НОАК Бэйпина без боя имело большое значение: возникли военно-политические понятия: "бэйпинский вариант" и "тяньцзиньский вариант". В дальнейшем НОАК, освобождая другие города, предлагала оборонявшим их гоминьдановским войскам на выбор "бэйпинский" или "тяньцзиньский" варианты; и нередко гоминьдановские войска соглашались на "бэйпинский вариант".

Однако в дальнейшем почти 30 лет после этих событий в исторической литературе КНР, в публикациях документального характера, в мемуарах не приводились какие-либо подробности хода переговоров представителей руководства КПК и НОАК с Фу Цзюи. В большинстве общих и специальных работ 50-х-70-х гг. по истории китайской революции и НОАК повторялась формулировка, принятая еще в 50-е годы в книгах о гражданской войне 1946-1949 гг. Как правило, в общей форме отмечалось, что переговоры с Фу Цзюи начались еще в декабре 1948 г. Однако Фу затягивал переговоры, надеясь прорваться либо в Суйюань, либо в Шаньси, и лишь через две недели после падения Тяньцзиня согласился подписать соглашение о мирном освобождении Бэйпина¹. Взятие НОАК Бэйпина расценивалось как одно из важнейших политических и военных событий заключительного этапа гражданской войны, как пример разрешения вооруженного противостояния мирным путем. О Фу Цзюи говорилось, что, согласившись на мирное решение о судьбе Бэйпина, он "искупил свои прежние преступные действия перед китайским народом"².

На мой взгляд, умолчание о деталях хода и содержания переговоров с Фу Цзюи объяснялось несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это, видимо, было связано с тем, что Фу Цзюи занимал, по крайней мере официально, весьма видное положение в КНР. В октябре 1949 г. он вошел в состав Центрального народного правительства в качестве министра водного и лесного хозяйства, был членом РВС, заместителем председателя Народного политического консультативного совета I-IV созывов, заместителем председателя Государственного комитета обороны, депутатом Всекитайского собрания народных представителей I-III созывов. В 1955 г. Фу Цзюи был награжден орденом "Освобождение" I-й степени.

Фу Цзюи умер 19 апреля 1974 г. на 79-м году жизни и был похоронен на кладбище героев китайской революции "Бабаошань" в Пекине. На траурном митинге присутствовали руководители партии и правительства, в том числе Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Ли Сяньнянь. Такие деятели КНР как Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Не Жунчжэнь и Лю Бочэн прислали венки. Митинг открыл Чжоу Эньлай, а с речью выступил Е Цзяньбин³.

Возможно, в подходе к освещению этих событий сказалось и то, что в отношении к методам освобождения Пекина выявились серьезные расхождения между Мао Цзэдуном и Линь Бяо. По словам Ван Мина, Мао Цзэдун не верил в результативность мирных переговоров с Фу Цзюи и считал необходимым, чтобы Линь Бяо в ультимативной форме потребовал от Фу немедленной капитуляции. Однако Линь Бяо считал направление Фу Цзюи написанного Мао Цзэдуном ультиматума непродуктивным. Он вел переговоры с Фу Цзюи через его посредника - начальника штаба Фу Цзюи генерала Дэн Баошаня, который считал, что в разговорах с Фу язык ультиматумов неприемлем.

Ван Мин писал, что в беседе с ним в декабре 1948 г. Мао Цзэдун говорил: "Линь Бяо не подчиняется моим приказам, а слушается советов посредников типа Дэн Баошаня: Фу Цзюи, мол, северянин, с упрямым характером, на капитуляцию не пойдет, но может перейти к нам как "восставший". Если ему предъявить ультиматум, то он бросит свою 300-тысячную армию на смертный бой с нами. В случае поражения он удерет на самолете в Нанкин, а Бэйпин и его окрестности будут в результате разорены

войной, что нам было бы слишком невыгодно. Вот из-за этого Линь Бяо все еще ждет "восстания" Фу Цзюи и игнорирует уже несколько моих приказов".

Наконец, длительное замалчивание в литературе КНР событий, связанных с мирным освобождением Пекина, объяснялось и тем, что многие видные работники КПК, и прежде всего руководитель подпольного горкома Пекина Лю Жэнь, сыгравшие важную, а, возможно, и решающую роль в исходе переговоров с Фу Цзюи, стали жертвами репрессий в годы "культурной революции".

Насколько мне известно, впервые в роли подпольной организации Пекина и лично Лю Жэня в этих переговорах было рассказано в статье маршала Не Жунчжэня, посвященной памяти Лю Жэня, погибшего в годы "культурной революции", опубликованной в газете "Жэньминь жибао" 24 января 1979 г. В статье Не Жунчжэня, который в 1948 г. был заместителем командующего 4-й полевой армией и принимал непосредственное участие в осуществлении Пекинско-тяньцзиньской операции говорилось: "Еще весной 1948 г. товарищ Лю Жэнь дал указание подпольной парторганизации в Пекине смело использовать различные каналы для работы с генералом Фу Цзюи, особенно через его доверенных лиц и родственников, чтобы повлиять на него". "После того, - говорится в статье, - как наши войска стремительно завершили расчленение и окружение противника в Бэйпине и Тяньцзине, и особенно после полного разгрома отборного 35-го корпуса противника в сражении Синьбаоань, вражеский гарнизон в Бэйпине попал в безвыходное положение. Используя этот благоприятный момент, подпольная парторганизация Бэйпина стала активно действовать через некоторые каналы, особенно через негласного члена нашей партии дочь Фу Цзюи - Фу Дун. Товарищ Фу Дун воздействовала на своего отца, которому разъясняла тогдашнюю обстановку и политику нашей партии..., указала ему выход из создавшегося положения, подталкивая его к тому, чтобы он направил своих представителей для установления непосредственных контактов с нашей парторганизацией и ведения непосредственных переговоров".

Всю эту работу, указывается в статье Не Жунчжэня, вел лично Лю Жэнь. "Он своевременно, правильно и конкретно давал указания о том, каким образом подпольная парторганизация должна посылать своих людей для установления связи с Фу Цзюи, о чем говорить с ним, как вести переговоры, а также относительно мер безопасности... Через родных генерала Фу Цзюи, включая его дочь товарища Фу Дун, подпольная парторганизация все время была в курсе настроений генерала Фу Цзюи и почти каждый день докладывала об этом нашему фронтовому штабу".

"В истории войн, - писал далее Не Жунчжэнь, - это был исключительно редкий случай, чтобы на поле боя столь оперативно и точно знать о деятельности и даже об изменениях в настроениях у высшего военачальника противной стороны. Все это сыграло важную роль для нашей армии, для правильной оценки ситуации и принятия правильного решения".

К этому я могу добавить несколько конкретных моментов, о которых я узнал вскоре после мирного освобождения Пекина. В начале мая 1949 г. Фу Дун приехала в Тяньцзинь и пришла к нам в Генконсульство. Она сообщила, что едет на южный фронт и рассказала, как развивались события, связанные с ее отцом. Ей с большим трудом удалось удержать отца от самоубийства и уговорить его пойти на мирные переговоры. Подпольная парторганизация КПК установила с ней связь и руководила ее действиями. По ее указанию она рассказала своему отцу, что является негласным членом КПК и поддерживает с нею связь в Бэйпине, что руководство подпольной организации КПК предлагает ему начать мирные переговоры о прекращении военных действий в Северном Китае. Эту информацию и предложение, по словам Фу Дун, ее отец долго молча

обдумывал, видимо, по-прежнему считая, что коммунисты не простят ему борьбы против них и в лучшем случае будут судить и посадят в тюрьму. После долгих раздумий и, видимо, склоняясь к тому, чтобы принять предложение о переговорах, он спросил Фу Дун, какие гарантии у нее есть, что с ней поддерживают связь настоящие коммунисты, а не агенты спецслужб Гоминьдана, ведь и среди коммунистов есть или могут быть агенты спецслужб. По словам Фу Дун, она поняла, что отец опасался, не попытаются ли таким путем проверить его надежность спецслужбы Чан Кайши. Поскольку он сомневался, а сама Фу Дун не могла дать ему твердых гарантий, так как с ней установили связь лица, которых она ранее не знала, она была вынуждена нарушить нашу договоренность - никому не говорить о встречах и беседах со мной. И она рассказала отцу, что негласно с осени 1948 г. поддерживает связь с вице-консулом Тяньцзиньского Генконсульства СССР, сообщила о содержании бесед со мной. По словам Фу Дун, лишь тогда ее отец несколько успокоился и после некоторых раздумий согласился на мирные переговоры с коммунистами.

Уже после завершения событий в Пекине, узнав, что Фу Дун едет в Тяньцзинь и намерена встретиться со мной, Фу Цзюи попросил ее передать мне слова признательности и сказал, что он хотел бы подарить мне хорошего скакуна и табун лошадей. Подарок этот я, поблагодарив, понятно, принять отказался.

В связи с тем, что Фу Дун уезжала на фронт, я подарил ей полевой бинокль и полевую сумку. Весной 1950 г. я выехал в Москву, больше в Китай не возвращался и никаких сведений о Фу Дун и ее дальнейшей судьбе очень долгое время не имел, хотя и я, и моя жена никогда не забывали о встречах с ней.

Ровно 40 лет спустя после последней встречи с Фу Дун я неожиданно в мае 1989 г. получил от нее письмо и небольшой подарок, которые она передала через председателя общества советско-китайской дружбы академика С.Л.Тихвинского, находившегося в Пекине в качестве участника международной конференции, посвященной 70-летию "движения 4 мая 1919 г.". В письме она писала: "Вчера неожиданно встретилась с тов.Тихвинским, узнала новости о вас, чему крайне обрадовалась".

"Все эти годы, - писала Фу Дун в письме, - я пыталась найти вас. В 1949 г., когда я вслед за второй полевой армией прибыла на работу в "Юньнань жибао", я еще получила от Вас письмо и иллюстрированный журнал. В марте 1951 г. я была переведена обратно на работу в "Жэньминь жибао" корреспондентом и узнала, что вы вернулись в Москву, куда я вам писала, но не получила ответа. Позже я просила товарищей, работавших в Обществе китайско-советской дружбы, узнать о Вас. Они сказали, что вас перевели на работу в США. Я так и не смогла установить связь с вами.

За эти сорок лет произошли огромные изменения. Я прошла через все кампании, пережила и "великую культурную революцию", три года перевоспитывалась в школах кадров. Как бы не менялась международная и внутренняя обстановка, наша дружба не изменится. Я часто вспоминаю те дни до освобождения страны, когда мы были вместе. Я верю, что мы еще встретимся с Вами... Когда Вы снова приедете в Китай, я смогла бы Вас сопроводить. В прошлом, когда Вы находились в Китае, вы были слишком заняты работой, по-видимому, не везде успели побывать. Мне очень бы хотелось, пока еще я могу передвигаться, в ближайший год-два иметь возможность посетить Советский Союз, увидиться с вами, познакомиться со строительством и перестройкой в СССР". На визитной карточке, вложенной в письмо, значилось, что она работала тогда зам. главного редактора издательского отдела агентства "Синьхуа" в Гонконге.

В сентябре 1989 г. я получил от Фу Дун второе письмо - ответ на мое письмо к ней. Она писала, что с большим волнением прочитала мое письмо. "Все, что было сорок лет тому назад, - писала она, - вновь встало перед моими глазами. Ваше по-настоящему ответственное отношение к работе, дружеские чувства к китайскому народу, а также ваша помощь мне лично, - все это оставило глубокое впечатление".

Поскольку я писал Фу Дун, что я уже стар и серьезно болен, она ответила: "Я не знаю, чем вы больны, но если приедете в Китай, я смогу найти специалистов китайской медицины, которые предложат нужные методы лечения. Если вам нужны китайские лекарства, то напишите мне об этом."

После этого письма, я длительное время не получал вестей от Фу Дун, хотя и писал ей по указанному адресу. В одном из писем я сообщил ей, что собираюсь писать воспоминания о работе в Китае в 1945-1950 гг. и спрашивал ее, могу ли я написать о встречах с ней осенью 1948 г. Однако ответа на это письмо и несколько других, в том числе новогодних и праздничных поздравлений, я не получил. И лишь пять лет спустя, в мае 1994 г. я получил от нее третье письмо, переданное ею также через С.Л.Тихвинского. В нем она сообщала, что по состоянию здоровья находится на пенсии и лечении в Пекине, что посылала мне несколько писем и новогодних открыток, но ответа не получила, что если ее здоровье поправится, то она попытается встретиться со мной. "Я верю, - писала она, - что у нас будет возможность встретиться. Что бы не случилось, вы навсегда останетесь моим хорошим другом. Если есть какие-то просьбы, то я могу помочь и прошу вас не стесняться". Далее Фу Дун писала о том, что на ее прежние революционные убеждения не повлияли ни период трехлетнего "трудового перевоспитания" в деревне, ни плохие отношения между нашими странами; она по-прежнему считает, что дружба между китайским и русским народом непоколебима.

В этом письме Фу Дун ответила и на мою давнишнюю просьбу о том, могу ли я в своих воспоминаниях о работе в Китае написать о встречах с ней. Она писала: "Что касается вашего намерения написать о наших встречах в Тяньцзине, то я считаю, что о них следует написать, ибо это история, пусть об этом знают люди. Что касается времени открытой публикации, то прошу вас продумать этот вопрос и решить самому".

Я продумал этот вопрос и решил, что Фу Дун согласится со мной, если я опубликую эти воспоминания в 1995 г., в год столетия со дня рождения ее отца.

-
1. См., напр.: Третья гражданская революционная война в Китае (перевод с китайского). - М., 1957. - С. 196.
 2. Там же. - С. 194.
 3. Жэньминь жибао. - 1974. - 24 апреля.

РУССКИЕ В КИТАЕ

В его стенах все мы были молоды

Харбинскому политехническому институту 75 лет

© 1995

П. Фиалковский

В сентябре 1995 года исполняется три четверти века нашей альма-матер - Харбинскому политехническому институту. Сколько бы каждому его выпускнику сейчас ни было бы лет, все мы в стенах ХПИ были молоды и в них сформировались как личности. Мы благодарны тем, кто стоял у истоков ХПИ.

Революция, гражданская война, иностранная интервенция на Дальнем Востоке России - смутные времена переживала не только наша страна, но и Китайско-Восточная железная дорога, можно сказать частица России на китайской земле. Дисциплина и порядок на дороге, когда-то образцовые, были утрачены. Но несмотря на все тяготы "смутного" времени, именно в этот период группа российских инженеров взяла на себя инициативу по подготовке к открытию в "столице" КВЖД, городе Харбине, высшего технического учебного заведения.

Для практического осуществления задачи было создано Общество по учреждению Русско-Китайского Техникума (РКТ) и выбрано его правление из 14 человек. Почетным председателем общества стал председатель Правления КВЖД генерал Сун Сяолян, председателем общества - бывший Управляющий КВЖД генерал Д.Л.Хорват, а товарищем председателя - В.Д.Лачинов. Правлением были определены цели общества и разработан устав РКТ, который был зарегистрирован в Пограничном Окружном суде города Харбина 9 сентября 1920 года. Эта дата и считается датой основания РКТ, который позднее преобразуется в институт. Но китайские коллеги нынешнего ХПИ, и мы считаем датой основания ХПИ сентябрь 1920 года.

Директором Русско-Китайского техникума был назначен инженер путей сообщения, Алексей Алексеевич Щелков.

Преподавание в РКТ велось на русском языке, но уже с 17 октября 1920 года в Техникуме были образованы одногодичные подготовительные курсы для обучения лиц китайской национальности русскому языку. После преобразования

РКТ в институт они стали с 1 сентября 1923 года двухгодичными, а с 1 сентября 1925 года трехгодичными.

Щелков А.А. был крупным специалистом в области геодезии, но он оказался великолепным организатором и блестяще справился с задачей преобразования РКТ в политехнический институт с программой и оборудованием на самом передовом для своего времени уровне. Причем подготовке материальной базы и подбору профессорско-преподавательского состава для института внимания уделялось не меньше, чем повседневной работе техника. Большую поддержку и помощь в этом трудном деле оказывал управляющий КВЖД Остроумов Б.В. (1921-1924 годы). И всего через полтора года 2 апреля 1922 года РКТ преобразуется в институт.

Русско-китайский институт начал свою работу в составе инженерно-строительного и электромеханического факультетов и подготовительных курсов (классов). 1 октября 1924 года утверждается должность инспектора Подготовительных классов. Им назначается Сергей Николаевич Усов. 1-й выпуск инженеров был осуществлен уже 12 октября 1924 г. (6 человек), второй - 20 января 1925 года (16 человек). Первые выпускники института блестяще проявили себя работая на инженерных должностях, как на КВЖД, так и в разных государственных учреждениях и частных фирмах.

К 1930 году за 10 лет своего существования ХПИ выпустил 193 высококвалифицированных инженера, в нем имелось уже 17 кафедр и 4 доцентуры, на инженерно-строительном факультете обучалось 394 человека, на электромеханическом - 508 и на подготовительных курсах изучали русский язык 123 слушателя-китайца.

В 1932 году японские войска оккупировали Маньчжурию. Начались выпады против советских работников КВЖД, на дороге часто устраивались провокации. В такой обстановке правительство СССР вынуждено было в 1935 году продать свои акции на КВЖД. Вызванный этим отъезд советских служащих КВЖД и членов их семей на Родину не мог не сказаться на работе ХПИ.

В июле 1935 года завершился отъезд на Родину большей части советского профессорско-преподавательского состава во главе с профессором Уструговым Л.А. Судьба последнего, как и многих кевежединцев на Родине в 1937-1938 годы оказалась трагической. В Москве Л.А.Устругов был назначен на руководящий пост в НКПС, но был арестован 14 октября 1937 года и Военной коллегией Верховного суда СССР 15 февраля 1938 года приговорен к расстрелу, как якобы тройной японский, германский и польский шпион, завербовавший в японскую разведку более 50 студентов ХПИ. Намного удачней сложилась судьба профессуры ХПИ, уехавшей в США. Так профессор Степан Прокопьевич Тимошенко стал там "отцом американской теоретической механики", а Николай Капитонович Пафнутьев получил в США все мыслимые для инженера научные степени и звания.

Во 2-й половине 1935 года был прекращен прием на учебу в ХПИ русских студентов, преподавание переводилось на японский язык. В декабре 1938 года состоялся последний выпуск 76 инженеров, окончивших русское отделение ХПИ.

Завершение Второй мировой войны, поражение Японии и освобождение Северо-Востока Китая в августе 1945 года открыло новую страницу в истории ХПИ.

Вновь заработала под советско-китайским совместным управлением КВЖД, переименованная в Китайско-Чаньчуньскую железную дорогу (КЧЖД), с южной веткой до Порта-Артура, Дальнего. Управляющим КЧЖД был назначен генерал-директор движения III ранга Александр Федорович Журавлев.

10 декабря 1945 года Харбинский Политехнический Институт был вновь открыт для приема русских студентов. Директором института недолго был полковник Ожегов А.П., а с середины 1946 года директором был назначен советник Управляющего КЧЖД полковник Седых В.И. Заместителем директора, фактически руководившим всем учебным процессом, стал профессор Григорович Юрий Осипович.

Харбинский Политехнический Институт в 1945 году был открыт с тремя факультетами: инженерно-строительный (декан Свиридов П.С.), электромеханический (декан Попов А.К.) и транспортно-экономический (декан Баранов И.Г.). Позднее был открыт восточно-экономический факультет (декан Каттай Э.К.), а также химический и горный факультеты, просуществовавшие недолго и вскоре переведенные, соответственно, в Дальний и Мукден (Шэньян).

Много сил и энергии, чтобы вырастить из нас инженеров, отдали нам, молодым тогда студентам, наши дорогие профессора и преподаватели: Барри Владимир Андреевич, Савин Сергей Александрович, Небышенков Павел Андреевич, Обвинцев Николай Павлович, Опарин Павел Иванович, Осолков Михаил Матвеевич, Флеров Владимир Николаевич, Матвеев Константин Николаевич, Шамраев Всеволод Викторович, Мыслин Александр Максимович, Перепелкин Владимир Дмитриевич, Пишиков Василий Васильевич, Раменский Петр Викторович, Колошин Владимир Васильевич, Ширяев Николай Аркадьевич, Захаров Александр Николаевич, Болховитинов Василий Васильевич, Мухачев Александр Кузьмич, Макаревич Ричард Иосифович, Раков Георгий Иванович и многие другие. Их самоотверженным трудом за эти годы ХПИ выпустил большой отряд высококвалифицированных советских и китайских инженеров.

ХПИ давал солидную теоретическую базу и практические навыки, позволявшие его выпускникам достигнуть серьезных производственных успехов вне зависимости от стран проживания. Например, в России многие выпускники ХПИ стали руководителями проектных организаций разного профиля, директорами и главными инженерами крупных промышленных предприятий, среди них много кандидатов и докторов наук. Это член-корреспондент РАН В.Н.Иванов, профессор Новосибирского института связи доктор технических наук Н.Б.Суторихин, ответственный работник энергосетьпроекта, доктор технических наук Д.А.Мыслин. Долгое время работал главным инженером проектной организации в Красноярске В.А.Селютин. Многие годы возглавлял крупнейший пищевой комбинат в Новосибирске Д.С.Славин. В других странах выпускники института тоже проявили себя с самой лучшей стороны и достигли больших успехов. Приведу лишь несколько имен: А.Ю.Самарин - действительный член Австралийской Академии технологических наук, В.П.Шуйский - доктор инженерных и технических наук (Швеция), Махмуд Таиров и Камиль Байтимиров (Турция), Н.А.Гальфтер - доктор инженерных и технических наук (Гонконг), М.Н. и Н.С.Покровские (США), Н.В.Коренев, Н.Я.Сорокин, В.М.Игнатенко, Я.В.Каганер (Австралия), Н.А.Бакич и Г.Е.Черемушник (Бразилия). К сожалению некоторых из них уже нет в живых.

По договоренности правительства СССР и КНР 14 февраля 1950 года было подписано соглашение о передаче Советским Союзом безвозмездно своих прав на КЧЖД со всем принадлежащем дороге имуществом Китайской Народной Республике до конца 1952 года. К окончанию совместного советско-китайского управления и эксплуатации КЧЖД, к 1953 году, дорога уже располагала необходимыми китайскими техническими кадрами. В этом немалая заслуга Харбинского Политехнического Института. Были подготовлены и необходимые преподавательские кадры из лиц китайской национальности для ХПИ. Примерно до 1960 года в ХПИ работало более 70 человек советского

профессорско-преподавательского состава. Постепенно преподавание в ХПИ было переведено на китайский язык. Ныне по данным ректора Института управления при ХПИ, профессора Хэ Шаоюаня профессорско-преподавательский состав института на 90% укомплектован воспитанниками ХПИ.

К 1956 году основная масса советских граждан, постоянно проживавших в Харбине, выехали в Советский Союз на освоение целинных и залежных земель. Другие в эти годы и немного раньше выехали в Израиль, Австралию, Бразилию и в другие страны. В Харбине осталось лишь несколько сот русских.

Что касается нас, бывших студентов ХПИ, живущих в России, то мы прекрасно понимали, что ухудшение советско-китайских отношений в семидесятые годы, безусловно, временное и не в интересах великих народов двух стран. Поэтому, как только произошла сперва нормализация отношений с Китаем, а затем их заметное улучшение по инициативе выпускника ХПИ Г.А.Мыслина в г.Новосибирске на собрании 3 декабря 1988 года была создана Ассоциация друзей Харбинского Политехнического Института (Ассоциация "Харбин"). Само название Ассоциации уже говорит о том, что главнейшими ее задачами являются укрепление дружеских связей и контактов как с ХПИ, так и организациями выпускников ХПИ в других странах.

По инициативе и прямом участии председателя Правления Ассоциации друзей ХПИ Г.А.Мыслина летом 1989 года был заключен контракт между ректором Новосибирского Электротехнического Института (НЭТИ) профессором Г.П.Лыщинским и ректором ХПИ профессором Ян Сычином по взаимному обучению 30 студентов (15 советских и 15 китайских) Сперва обучение велось в НЭТИ, причем кроме основных дисциплин китайцы изучали русский язык, а россияне китайский. С сентября 1992 года учеба продолжилась в Харбине. Защита дипломных проектов этого потока студентов состоится в этом году. Студенты получают, как дипломы Новосибирского Государственного Технического Университета (так теперь называется НЭТИ), так и дипломы ХПИ. Вновь, по прошествии нескольких десятков лет, состоится выпуск русских инженеров в ХПИ. Аналогичные контракты ХПИ имеет также с Университетом Андовер в США и Киевским Политехническим Институтам.

В составе Центрального правительства КНР есть министры выпускники ХПИ, немало руководителей провинций также выпускники ХПИ. Большую роль в развитии индустрии КНР играют предприятия, которые возглавляют выпускники ХПИ.

Бывший Харбинский Политехнический Институт ныне стал Научно-Технологическим Университетом, так как в его состав входят 3 института: политехнический, космический и автотдорожный. В нем обучается более 12 тысяч студентов, в т.ч. на дневных отделениях 10 тысяч студентов и по численности студентов ХПИ второй в КНР после "Циньхуа" в Пекине. Профессорско-преподавательский состав насчитывает 2 тысячи человек.

Университет имеет 22 кафедры, выпускает инженеров по 59 специальностям и имеет право утверждать докторские по 22 дисциплинам. Поддерживаются научные связи и академический обмен с 335 учебными заведениями в 36 странах мира, включая США, Россию, Японию, Украину, Великобританию, ФРГ, Францию.

Хочется принести свои извинения за то, что я не смог перечислить всех тех, кому мы обязаны созданием и расцветом ХПИ, это просто невозможно. Спасибо вам и низкий поклон, дорогие основатели Харбинского Политехнического Института. Нынешний 1995-ый год для выпускников Харбинского Политехнического Института особый - это год 75-летнего юбилея родного института. бодрого вам настроения, душевного спокойствия, семейного благополучия и крепкого здоровья, дорогие коллеги!

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы

© 1995

А.Ломанов

1945 - 1949 годы были связаны с переориентацией тайваньского общества на ценности китайской духовности после десятилетий японского колониального господства. Быстрота трансформации была подкреплена эвакуацией на остров с материка многих научных, культурных и религиозных деятелей. С этого времени на Тайване начинается формирование собственной линии в области преподавания и исследования философии, наследующей многие черты немарксистской мысли периода Китайской Республики и существенно отличной от философской мысли в КНР. Продолжалось развитие неотрадиционалистских культурно-философских течений, сформировавшихся на материке еще в первой половине XX столетия. Помимо этого, за прошедшие четыре с половиной десятилетия философия на Тайване испытывала влияние различных западных течений.

В 1960-е годы в центре внимания интеллигенции и широких кругов молодежи оказался западный экзистенциализм. Обсуждение экзистенциалистской проблематики несло в себе двойную подоплеку. Философские круги заинтересовались темами, казавшимися общими для экзистенциализма и китайской традиционной философии - бытием человека в мире, его уникальностью и ценностным смыслом. Притягивало и то, что западные экзистенциалисты уделяли значительное внимание восточной культурной традиции, в частности, дзэн-буддизму. Образы тоскующего и бунтующего человека, противостоящего бытию и испытывающего перед ним "тошноту", рожденные французскими экзистенциалистами, гротескные переживания отчужденности личности в произведениях Ф.Кафки необычайно резонировали с подавленным пессимистичным настроением молодежи. Многие представители интеллигенции были охвачены чувством бесперспективности в нищем тогда обществе со строгим военно-авторитарным однопартийным режимом. Дискуссия по экзистенциализму стала, по существу, его критикой со стороны официальной идеологии, ориентированной на воспитание оптимизма,

сплоченной дисциплины и боевого духа в народных массах.

В 1970-е годы на Тайвань пришли учения феноменологии и структурализма. Привлекательно выглядела возможность сближения феноменологии с китайской философией на основе общего интереса к проблемам сознания и субъективности. Структурализм повлиял прежде всего на социологическую и антропологическую мысль Тайваня, найдя себе применение также в литературном и культурном анализе. Интерес вызвала западная герменевтическая философия, обратившая на себя внимание как философов, занимающихся проблемами сознания и интерпретации, так и текстологов и литературоведов. Потребность теоретического осмысления проблем НТП стимулировала работу в области западных концепций логики, методологии и философии науки. В середине 1980-х на Тайвань пришли идеи западного постструктурализма, большое влияние на эстетику и литературную критику произвела теория деконструкции Ж. Деррида.

Основной силой в неорационалистской философии были конфуцианцы¹. Однако в послевоенный период их отношения с властями Тайваня складывались неоднозначно. Поверхностный взгляд приводит к заключению о совпадении их научных интересов с работой государственных структур в 1950-1960-х годах по сохранению и развитию конфуцианской идеологии. Однако претензии на новую "квазигосударственность" и официозность были чужды постконфуцианским мыслителям того периода. По словам тайваньских ученых, в то время официальные и университетские конфуцианцы не столько сотрудничали, сколько подспудно противостояли друг другу в теории. Исторически конфуцианство было ориентировано на государственность и социальность, но оно имеет внутренние ограничения, определяющие возможность сотрудничества с властью. Конфуцианству присущ "дух протеста" и практически все крупные мыслители конфуцианского толка имели трения или попросту не сотрудничали с гоминьдановскими властями. Вплоть до 1960-х годов постконфуцианские классики Моу Цзунсань и Тан Цзюньи преподавали в Гонконге, который собственно и был в то время базой для конфуцианских исследований. Прибыв в 1970-е годы на Тайвань для чтения лекций, они сознательно держали дистанцию от официальных кругов, памятуя о том, что хотя нормативный путь реализации личности в конфуцианстве пролегал через политику и чиновничью деятельность, слияние с властью привело к тому, что удар Синьхайской революции по отжившей политической системе содержал сильнейший заряд антиконфуцианских эмоций.

Были и теоретические споры - постконфуцианцы критиковали философские построения и исторические интерпретации официального идеолога Чэнь Лифу, считая, что его изложение "Четверокнижия" для школьников настолько догматизировано, что чем шире оно используется для популяризации конфуцианства в умах юношества, тем глубже и страшнее становится антиконфуцианское отчуждение у молодежи.

В принципе для философских кругов современного Тайваня очевидно то, что проблема жизненных ценностей и идеологии общества актуальна не только для находящегося в состоянии напряженной трансформации материкового Китая, но и для материально благополучного острова, сдко, но небезосновательно названного в статье видного постконфуцианца Лю Шусяня "островом алчности"². Кризис ценностей проявился как на уровне личности, так и на уровне общества, успешно осуществившего индустриальную модернизацию и ждущего обновления идеалов.

Антикоммунистическая волна в Восточной Европе и СССР стала тяжким испытанием для идеологии социалистических "четырёх кардинальных принципов" КПК на материке. Однако и на Тайване официальная идеология

"трех народных принципов", возводимых к "отцу государства" Сунь Ятсену и предлагаемых Тайванем материке в качестве идейной базы для мирного объединения, теряет свои господствующие теоретические позиции. Можно заметить немало знакомых штрихов - переименование и даже реформирование существующих в университетах "Институтов тридеизма" в институты социологии, политологии и т.п., тревогу старшего поколения о необоснованном отказе от ценного идеологического наследия, с которым официальная пропаганда связывает экономический успех Тайваня и неприятие идеологией "трех народных принципов" молодым поколением.³

Будучи символами различных политических систем и различных программ модернизации, противостоящие друг другу официальные "три народных" и "четыре кардинальных принципа" одинаково неприемлемы для противоположной стороны. Отказ одной из сторон от своих "принципов" не может быть простым поворотом в теоретической мысли, ибо подвергнется сомнению вся система политических, экономических и социальных устоев. Требуя признания главенства своих "принципов" в деле объединения Китая, обе стороны отдают себе отчет в том, что в обозримом будущем это нереально и делают упор на наведении мостов в сфере культуры. Материковый Китай прагматично видит в традиционном наследии важный инструмент деполитизированного сближения с Тайванем и другими странами АТР. Тайваньские философские круги активно включились в процессы научного сотрудничества с материком, оставшими от бурного потока хлынувших в КНР тайваньских инвестиций.

Типичным примером проблематики и настроения встреч островных и материковых философов может служить прошедшая в мае 1993 года в Тайбэе научная конференция "Традиционная китайская культура и будущее развитие культуры", организованная с тайваньской стороны философскими факультетами Тайваньского национального и Политического университетов при поддержке культурного фонда газеты "Лянхэбао". Со стороны материкового Китая организаторами выступили Институт философии АОН Китая и философский факультет Пекинского университета. В конференции приняли участие более 250 ученых Тайваня и 11 ученых из материкового Китая.

Цель конференции состояла в том, чтобы ученые с обеих сторон пролива "основываясь на общем признании важности традиционной культуры, осуществляли творческое истолкование содержания китайской культуры, способствовали формированию общего видения проблемы и стимулировали будущее культурное развитие."⁴ Ученые обсуждали вопросы выработки новой интерпретации традиционного культурного наследия, соответствующей запросам модернизации Китая, связи китайской культуры с развитием китайской философии, гармонизации отношений культур Китая и Запада, путей преодоления трудностей, возникающих в ходе современного развития китайской культуры.

Поддерживая идею внутрикитайского культурного взаимодействия на базе общей духовной традиции, ученые из материкового Китая говорили, что сущность традиций не в прошлом, а в настоящем. "Традиции существуют внутри нашего способа существования и потому можно сказать, что традиция есть способ существования человечества. Традиция непрерывно живет, непрерывно создается и непрерывно преодолевается. Традиционная культура есть непрекращающийся поток движения от прошлого через настоящее к будущему. Люди живут в этом потоке и не в состоянии покинуть его пределы. Как не существует традиции без культуры, так невозможно представить культуру без традиции."⁵

Итак, жизнеспособность китайской духовной традиции более не ставится под вопрос. По мнению большинства тайваньских философов, идея полного озападнивания культуры безвозвратно ушла в прошлое и "вестернизаторство" в духе Ху Ши уже не будет воспринято сегодняшними теоретиками. Если до конца 1960-х годов на Тайване активно распространялись течения западной философской мысли, такие как экзистенциализм или лингвистический анализ, продолжая начавшиеся в конце XIX века процессы озападнивания китайской философии и культуры, то с середины 1970-х годов доминирующей стала тенденция, направленная на приоритетное развитие национальной культуры⁶. Смыслообразующим центром процесса "китаизации" тайваньской философии стала деятельность лидеров постконфуцианского движения Моу Цзунсяня, Тан Цзюньи и их сподвижников. Однако на современном этапе важным стал вопрос о соотношении "тайванизации" или "отуземливания" (бэньтухуа) и "китаизации" (чжунгохуа) культуры и общественных наук. По мнению ряда ученых, тенденция к "тайванизации" усиливается и начинает преобладать над импульсом конфуцианской "китаизации" 1960-1970-х годов. Эта тенденция повлияла на содержание исследовательских работ тайваньских обществоведов, подразумевающих ныне под изучением традиции не только общекитайское культурное наследие, но и локальный тайваньский культурный ареал с присущей ему спецификой. К примеру, Институт китайской литературы и философии Академии Синика намечает работу по комплексному исследованию Тайваня и Юго-Восточной Азии, ставя акцент на изучении идей, верований, литературы и искусства и уделяя внимание не только современному конфуцианству, но и народным религиям.

Современное тайваньское общество быстро демократизируется, и вместе со свободными выборами и реальной многопартийностью приходят рост идеологизации сознания и обострение политической конфронтации. По мысли конфуцианского мыслителя профессора Ван Бансюна, те силы, что яростно борются за "независимость Тайваня" или отстаивают лозунг "единства Китая", одинаково исходят из любви к Тайваню и к своим соотечественникам, но они не в состоянии увидеть правоту других. Традиционное конфуцианство строилось на своего рода "логике исключения", подразумевающей, что если прав ты, то не прав твой оппонент. Именно поэтому современное поколение постконфуцианцев все больше говорит о даосской философии Лао-цзы и Чжуан-цзы, об их спасительном для современного общества релятивизме. Направленные против Мэн-цзы слова Лао-цзы о необходимости "отбросить" конфуцианские добродетели во главе с "гуманностью" (жэнь) и "долгом-справедливостью" (и)⁷, говорят не об их уничтожении, а о некотором "забыть", дающем возможность признать способность оппонентов любить и быть правыми. В политике это может быть равенство правоты ДПП и Гоминьдана, в духовной жизни - равенство притязаний христианства и конфуцианства на решение проблем гуманизации современной китайской культуры.

Углубляется намеченная в 1920-х годах постконфуцианцем первого поколения Сюн Шили линия на конфуцианско-буддистский синтез. Интеграция идет прежде всего по пути развития их однонаправленности как "гуманитарных религий", ориентирующихся на самокультивацию, а не на божественную или религиозную веру. Современные конфуцианцы склонны подчеркивать близость идеи "природы будды" (фо син) говорящей о том, что возможность стать буддой есть у каждого человека с исконными китайскими идеями конфуцианцев о доброте человеческой природы (син шань) и возможности для каждого стать столь же совершенным, как Яо и Шунь и идеями даосов о "небесном озарении" (тянь чжэнь). Но отнюдь не все в буддизме принимается современными конфуцианцами. Буддизм направлен на уход из этого мира, он склоняет к

пассивному мирозерцанию и лишен как проблематики конфуцианской социальной активности, так и исторической преемственности (дао тун) с ключевой для китайской традиции доциньской философской классикой, что усиливает ощущение "пришлости" этой традиции. Постконфуцианцы подчеркивают, что в глобальном плане буддизм для современного конфуцианства духовно ближе христианства, а даосизм ближе буддизма.

Имеющаяся близость с буддизмом и христианством состоит у конфуцианства в том, что оно основывается на жизни и поведении в ней, на проникновении в идеал, а не на одном лишь абстрактном теоретизировании. Конфуцианство не имеет персонафицированного Бога-Творца, но постконфуцианцы нацелены на развитие двух ипостасей конфуцианства: теоретической системы - "учения" (сюэ) и комплекса практических жизненных идеалов - "поучения" (цзяо). Исторически после династий Сун - Мин функция "религии-поучения" (цзяо) была перенята пришедшим из Индии буддизмом и современные конфуцианцы ставят своей задачей восстановление этой функции в конфуцианстве. Отсюда проистекает важная особенность современного конфуцианства - его персонализированность. Систематичность и глубина философского теоретизирования выступают при оценке мыслителя величинами однопорядковыми с его личной способностью следовать конфуцианским принципам в своей земной жизни, степени "святости" его поступков.

Ошибочно думать о постконфуцианцах как о культурных изоляционистах. Начиная с 1920-х годов постконфуцианство активно реагировало на вызовы западной философской мысли. Большинство представителей нынешнего поколения тайваньских постконфуцианцев принадлежит к школе Моу Цзунсяня, строившего свою систему "моральной метафизики" вокруг сравнения и синтеза учений конфуцианства и Канта. Его ученики наследуют направленность учителя, но используют гораздо более обширный спектр идей западной философской мысли. Наибольшую известность среди них приобрел философ из Гарварда Ду Вэймин, важность работы которого состоит прежде всего в поиске путей адекватного изложения постконфуцианского проекта на языке западной философии и внутри западной культуры.

В числе вопросов, наиболее активно дискутировавшихся тайваньскими философами в последние годы, были вопросы жизни и смерти в различных культурных традициях. Этот вопрос изучается как с точки зрения философии, так и религии и психологии. По существу это древнейший и самый "основной" вопрос философии и культуры, который по-разному воспринимается в различных культурах. В связи с этим значительный интерес вызывает не только изучение понимания жизни и смерти в китайской классике, но и сравнение китайских конфуцианских или даосских воззрений по этому вопросу с догматикой христианства и других зарубежных религиозных и философских традиций.

Наряду с постконфуцианством важное место в современной тайваньской философии занимает направление католической философии. На основе традиции схоластической и неосхоластической мысли, восходящей к наследию Фомы Аквинского (1225-1274), тайваньские католические философы создают свое прочтение конфуцианства и китайской философии в целом. Синтез китайской традиционной философии с аристотелевско-томистской ветвью западной философии открывает новые перспективы в процессе модернизации китайской мысли.

Ряд существенных факторов способствует сближению китайской философии с томизмом. Логическая строгость философских построений схоластиков, их внимание к обоснованию и доказательству важны для китайской философской традиции, не выработавшей формально-логической методологии аристотелевского типа. Явно обозначенная ориентация китайской

немарксистской философии XX века на метафизический тип теоретизирования (не в смысле антидиалектики, а в смысле ориентации на поиск сверхопытных начал бытия) также нашла отзвук в европейской схоластике. Обращенность томизма к иерархически устроенному тварному бытию (природному миру) и человеку как наиболее достойной его части помогает сохранить антропологическую проблематику китайской философии.

Между католическими и конфуцианскими философами есть теоретические разногласия. Христианские интерпретаторы китайского наследия понимают категорию "Небо-природа" (тянь) прежде всего как высшую субстанцию, "предконфуцианского Бога", трактуя ее в религиозном ключе. В свою очередь, конфуцианские мыслители наших дней видят в китайской философии в качестве стержневой идею "гуманитарного духа" (жэньвэнь цзиньшэнь). Отсюда пристокают и различные интерпретации исторического наследия: если для католических исследователей период династий Шан - Инь олицетворяет высшее развитие религиозности в китайской культуре, то конфуцианские мыслители усматривают там лишь ростки антропологической философии, развернутой позднее Конфуцием и его учениками⁴. Постконфуцианские философы считают, что после Конфуция "тянь" стало морально-метафизической концепцией и небесные блага были перенесены внутрь изначально доброго сердца человека. Для конфуцианцев малопримемлемо "интерпретация Мэн-цзы через Библию", они настаивают на том, что идея божества - "Шан-ди", обнаруживаемая в текстах "Ши цзин" и "Шу цзин", после Конфуция была трансформирована в концепцию всеобъемлющего и безличного "Небесного пути" (тянь дао).

Истолкования китайской философии представителями католической мысли восходят к наследию иезуитского миссионера XVI в. Маттео Риччи. Томистская неосхоластика трактует китайскую традицию как построенную на имплицитной "моральной теологии", имеющей в своем глубинном основании личностное божество. Католицизм создает собственную интерпретацию китайской традиции для обоснования дальнейшего сближения китайской культуры с христианством. В свою очередь, конфуцианские мыслители видят в китайском наследии прежде всего блестящий и недостижимый пока для Запада пример развития "моральной метафизики", имеющей в своем центре мироздание и человека и лишенной концепции Бога в западном ее понимании.

По мнению ряда ученых, говорить о разделенности философских кругов Тайваня на представителей "конфуцианской системы" и "католической системы" вряд ли имеет большой смысл. Несомненно, что между современными конфуцианскими философами и католическими интерпретаторами китайской культуры есть немало разногласий, однако в понимании прошлого требуется прежде всего глубина понимания традиции, делающая осмысленными любые толкования культуры. Жизнь философского сообщества не может быть вписана в простой бинар "конфуцианец - католик", ибо есть ученые, не принадлежащие ни к первым, ни ко вторым. Так, в частности, на философском факультете Тайваньского национального университета многие занимаются исследованием западной аналитической философии, весьма значительно влияя на англо-американской философии на ученых из расположенного в Синьчжу университета Цинхуа.

Объединяет философов-неосхоластиков и философов-постконфуцианцев главное - стремление сделать жизнь современного человека осмысленной, открыть личности достойные моральные и социальные ценности. Тайваньские философы отходят от "лобового" понятийно-догматического сравнения конфуцианства и христианства, все более ориентируясь на постижение их интенциональностей и "жизненных миров". Рассуждая о путях сближения

конфуцианства и христианства, тайваньский философ Шэнь Цинсун (Vincent Shen) пишет, что "непрерывное обнаружение и развертывание их общей духовной сокровищницы могут принести пользу реконструкции жизни современного мира. Конфуцианская мысль и христианство с их давними и просветленными духовными традициями могут ныне помочь человечеству пройти через мрачный период сциентизма и нигилизма"⁹.

На современном этапе центр дискуссий о взаимодействии Востока и Запада смещается от вопросов заимствования материальных и организационных достижений Запада и обсуждения их совместимости с традиционной культурой к проблемам прямого взаимообогащающего диалога разных духовных культур.

Для Тайваня, обладающего 289-тысячной католической и 400-тысячной протестантской общинами¹⁰, проблема взаимодействия традиционных духовных ценностей и христианства является не только вопросом отношений с внешним миром, но и внутренней проблемой культурного развития. Вряд ли кто решится предположить, что тайваньские христиане напрочь перестали быть носителями комплексов национальных культурных ценностей, но все же необходимо очертить контуры духовного соединения и разделения христианства с китайской культурной традицией. Нарастающую силу приобретает движение конфуцианско-христианского диалога, в котором активно участвуют как восточноазиатские, так и евроамериканские научные круги. В этом диалоге переплетаются история интерпретации китайской духовности христианскими миссионерами и культурно-философское осмысление современной картины взаимодействия христианства и китайской культуры. Искренне жаль, что в этих дискуссиях пока не звучит голос исследователей наследия деятельности православных духовных миссий и церквей в Китае. Современное осмысление начавшегося в конце XVII века духовного опыта встречи православия с китайской культурой может стать серьезным стимулом в развитии христианско-конфуцианского диалога, в котором христианство представлено пока лишь католическими и протестантскими течениями.

Ведущей силой развития современной католической философии на Тайване стал философский факультет католического университета Фужэнь (что буквально может быть переведено как "способствование гуманности"), созданного в Пекине орденом бенедиктинцев и признанного министерством образования в 1929 году. После событий 1949 года университет прекратил свое существование на материке и начал восстанавливаться на Тайване в 1956 году. С 1978 по 1992 год во главе университета стоял архиепископ Ло Гуан (Stanislaus Lokuang), внесший своими научными трудами значительный вклад в развитие китайской схоластической философии.

Родившийся в 1910 году в провинции Хунань Ло Гуан получил конфессиональное образование в Риме и пробыл в Италии до 1961 года, совмещая профессорскую работу с обязанностями советника посольства Китайской Республики при Святом престоле. Ему принадлежит огромное научное наследие (в подготовляемом к изданию полном собрании сочинений будет около 40 томов), в большой степени посвященное проблемам китайской традиционной философии. Значительное внимание уделено Ло Гуаном изучению проблем философии жизни (шэнмин чжэсюэ), истории китайской философии, метафизике и системе конфуцианства, схоластической философии, философской компаративистике. Опираясь на фундаментальные идеи христианства, Ло Гуан привносил в рассмотрение китайской философии понятия о личностном Боге, выступающим творцом жизни и всей вселенной и единении в любви как высшей цели человеческого существования, интерпретируя их через китайские понятия о "Великом пределе" (тай цзи) и "гуманности-милосердии" (жэнь).

Деятельность философского факультета университета Фужэнь ориентирована на развитие гармоничного диалога и взаимодействия христианства и конфуцианства для дальнейшего обновления и развития китайской культуры в духе католицизма. Сильной стороной деятельности факультета является глубина и основательность профессиональной подготовки. В постоянном штате факультета состоит 21 преподаватель и почти столько же совместителей. На всех ступенях обучения серьезное внимание уделяется европейской схоластике, при подготовке магистров и докторантов схоластической философии и методологии отводится центральное место. Два раза в год проходят научные конференции "Современная философия и схоластическая философия", где на профессиональном уровне обсуждаются концептуальные философские вопросы. На факультете готовится издание "Собрания статей по схоластической философии" (Шилинь чжэсюэ вэньцзи) в 40 томах. Задача состоит не только в освещении роли и влияния схоластической традиции в рамках западной философии, но и в выявлении смысла этой традиции для Китая, в частности, один из томов будет посвящен теме "Схоластика и современное конфуцианство".

В целом в тайваньских философских кругах наметилась тенденция к профессионализации, и философский факультет университета Фужэнь вносит значительный вклад в ее укрепление. Если раньше многие преподаватели философских факультетов имели базовое нефилософское образование (как правило, филологическое в области китайской литературы, что относится прежде всего к представителям современного конфуцианства), то молодое поколение преподавателей в большинстве своем имеет дипломы философов. В настоящее время до двух пятых преподавателей философии в университетах Тайваня - выпускники католического университета Фужэнь. Это означает, что на ведущих философских факультетах университетов острова преподают как минимум по 5-6 выпускников Фужэнь.

Философами из университета Фужэнь осуществляется серьезный фундаментальный проект - десяти томный "Большой философский словарь" (Чжэсюэ да цышу). Работа началась в 1984 году, когда под руководством Ло Гуана был образован комитет по составлению словаря. Это энциклопедическое издание вбирает в себя в одинаковой степени мудрость трех философских традиций - западной, китайской и индийской, охватывая философские категории, школы и течения, справки о жизни и учениях философов. Эта энциклопедия может стать наиболее полным и авторитетным изданием такого рода на китайском языке. Первый том увидел свет в январе 1993 года, в ближайшие три года планируется выпустить еще пять томов. Вышел отдельным томом китайско-английский англо-китайский словарь-словник этой энциклопедии¹¹.

Философы из университета Фужэнь исследуют ряд других проблем. Сюда относятся вопросы прикладной профессиональной этики (прежде всего в социологическом аспекте), рассмотрение современного смысла философии в отношении к морали, связи человека и природы, отношения личности и политики.

Примечательно, что партнерами по научному диалогу становятся не только западные профессиональные университеты, но и ведущие философские факультеты университетов КНР. Если первые контакты материковых и тайваньских философов шли в русле исследования современного конфуцианства, то в последние 4-5 лет тайваньская схоластическая философия также стала проникать в КНР. Прошли уже четыре совместные конференции, на торжествах по поводу 80-летнего юбилея Пекинского университета шесть делегатов от университета Фужэнь выступили с докладами по схоластической философии.

Подчеркнув серьезность и укорененность на Тайване схоластической философской традиции, выступавшие выделили в числе ее целей синтез идей Фомы Аквинского и китайской философии, синтез догматов католицизма с идеями нового конфуцианства и систематизацию схоластической философии с одновременным позитивным унаследованием трансцендентального смысла метафизики¹².

Связь неосхоластики с католицизмом несет с собой сложности внетеоретического порядка, ибо развитие этой конфессии в Китае напоминает о восстаниях XIX века и зачастую ассоциируется с агрессивной деятельностью империалистических держав и коллизиями, вызванными культурным движением в первые годы Китайской Республики. Официальное обществоведение на материке ориентировано скорее на контакты с "почвенническим" постконфуцианством, нежели с имеющей очевидные западные корни тайваньской неосхоластикой. Тем не менее, по признанию проректора университета Фужэнь и видного философа Ли Цзянцю (Bernard C.C.Li), обсуждавшаяся в июне 1994 года во время совместной конференции в Китайском Народном университете проблематика неосхоластической философии и "отуземливания" (бэньвэйхуа) католицизма проходила в теплой и дружественной атмосфере, отмеченной чувством внимания и желанием понять новые вопросы¹³. Контакт с тайваньской христианской философией стал большим творческим стимулом для материковых ученых - эта традиция ранее была там неизвестна, но с ее помощью можно увидеть новые пути интерпретации взаимодействия культур Востока и Запада и новые источники развития китайской культуры, в поиске которых заинтересованы как тайваньские философы, так и их коллеги с материка.

Как и в большинстве западных стран, центрами философских исследований на Тайване выступают философские факультеты университетов. Помимо упоминавшихся выше лидирующих в этой сфере Тайваньского национального, Политического и университета Фужэнь, большой вклад в развитие философии на Тайване вносят философские факультеты университета Дунью (Soochow University), Культурного университета, Центрального университета (г. Таоюань) и университета Дунхай (г. Тайчжун). Однако философские исследования на Тайване начинают покидать рамки университетских структур.

В 1988 году было принято решение о создании внутри Академии Синика Института китайской литературы и философии. Работа еще находится на стадии подготовки, тем не менее, Институт уже располагает 16 исследователями, число которых в будущем будет расширено до 36 человек. Помимо изучения классической и современной литературы, в научных планах института обозначено исследование связи традиционного канонического с литературой и философией. Соединение под крышей одного института проблем литературы и философии рассматривается как переходное и со временем предполагается появление в структурах Академии Синика собственного Института философии. Намечается изучение доциньской философской классики, основных китайских философских течений различных эпох, связей литературы и философии; в исследовательский план включено сравнительное исследование китайской и зарубежной философии, общее изучение проблематики современной философии. Исследования традиционной философии включают не только конфуцианство, но и даосизм наряду с буддизмом.

Ученые делают попытку исследовать видение проблем современного мира, модернизации и развития мировой культуры с точки зрения традиционной китайской культуры. С другой стороны, ими ставится проблема понимания самой традиционной культуры с точки зрения современного развития общества.

Исследователей интересует углубление понимания вопроса о роли традиции на службе обществу. Обозначился интерес к сравнительному изучению культур с целью определения того, что можно и должно брать на современном этапе из западной культуры для развития китайской традиции.

В Академии Синика реализуется трехлетний план по исследованию современного конфуцианства (1993 - 1995). Возглавляет этот проект Лю Шусянь, профессор философского факультета Китайского университета в Гонконге, состоящий в консультативном комитете по созданию Института китайской литературы и философии. Примечательно, что этот исследовательский план изначально ориентирован на сотрудничество тайваньских ученых с материком, развернувшим обширную деятельность по изучению идей современного конфуцианства. Показателем внимания официальных научных кругов КНР к этой проблеме служит включение ее в "Седьмой пятилетний общенациональный план по философским и общественным наукам". На материке стали одна за одной выходить книжки с комментариями к наследию тайваньских постконфуцианских мыслителей и фрагментарные переиздания их работ, в то время как на Тайване, "в отечестве пророков", избежавшем погромов "культурной революции" и реально унаследовавшем наследие традиционной культуры, изучение постконфуцианства как культурно-философского феномена не привлекло внимания ученых, сосредоточенных на изучении классической древности. Подготовительный комитет Института литературы и философии стремится на основе этой трехлетней программы, нацеленной на изучение проблем и мыслителей современного конфуцианства, осветить связи конфуцианства с современностью и модернизацией, выявить место постконфуцианской мысли в современном взаимоотношении культур Востока и Запада, вскрыть внутренние трансформационные процессы, происходящие в наши дни в рамках традиционной мысли. В будущем Институт намерен превратить исследование современного конфуцианства в одну из важнейших долгосрочных тем НИР.

В конце 1994 года Институт планировал проведение совещания по проблемам методологии гуманитарных и социальных наук, ориентируясь на предварительное выяснение общих рамок проблемы. Состоит же проблема в том, что большинство современных обществоведов на Тайване имеет докторские и магистерские степени западных университетов и в своих исследованиях опирается на методологию западного обществоведения. Вновь, хотя и на более высоком теоретическом уровне, поднимается старый вопрос обозначения границ применимости западных методологических подходов при исследовании традиционной культурной проблематики Китая.

На Тайване действует Китайская философская ассоциация (Чжунго чжэсюэхуэй), насчитывающая около трехсот членов. В ее ныне действующем уставе закреплены задачи участия в национальных и зарубежных философских исследовательских проектах, работы по систематизации и изданию философской классики, публикации философского периодического издания, проведения лекционной деятельности и помощи членам общества в проведении их специализированных научных исследований. Ежегодно ассоциация проводит свою научную конференцию, она также участвует в разработке программ и курсов по философии для высших учебных заведений, помогает тайваньским философам налаживать научные связи с материком и зарубежными странами, участвует в зарубежных научных конференциях. Начиная с конца 1970-х годов ассоциация издает свой ежегодный сборник статей, дающий достаточное представление об уровне современной философской мысли на Тайване. Активное ядро ассоциации составляют представители католического направления, в ее работе принимают участие представители буддистской традиции, философы

прозападной ориентации (прежде всего аналитики) и часть конфуцианских теоретиков.

В наши дни на Тайване выходит ряд философских периодических изданий, активно способствующих обмену мнениями между специалистами и проникновению дискуссий по философско-культурной проблематике в широкие слои интеллигенции.

Печатной трибуной современных конфуцианцев на Тайване стал основанный в 1975 году ежемесячный журнал "Эху". Загадочное для философского издания название, переводящееся буквально как "Гусиное озеро", содержит отсылку к одному из примечательных событий в истории китайской философии. В 1175 году во времена правления династии Южная Сун на территории нынешней провинции Чжэцзян в Храме Гусиного озера состоялись философские дебаты школ Чжу Си и Лу Цзююаня, представлявших два различных направления в неоконфуцианстве. Они спорили о том, является ли предпосылкой для познания субъективного духа человека познание вещей и принципов внешнего мира, или же, напротив, лишь через внезапное прояснение своего внутреннего сердца человек может в правильном свете воспринять окружающий его мир. Название журнала напоминает об эпохе и персонажах, формулировавших проблематику неоконфуцианства, непосредственно значимую для современных философов, служа одновременно приглашением к спору и дискуссии. Редакция журнала издает несколько серий книг по конфуцианству вообще и современному конфуцианству в частности, активно работая над распространением конфуцианской духовности. Формами такой деятельности выступают международные научные конференции по современному конфуцианству, беседы-семинары, проходящие в помещении редакции и открытые для всех желающих.

Другим влиятельным философским изданием выступает ежемесячник "Философия и культура" (Чжэсюэ юй вэньхуа), существующий под эгидой философского факультета философского факультета университета Фужэнь. "Философия и культура" издается в партнерстве с штуттгартским журналом "Universitas" и уделяет значительное внимание проблематике исследований философов католико-схоластического направления, вопросам наследия китайской классической философии, этики, богословия, современной зарубежной философии. Этот журнал имеет давнюю традицию - он был основан Ло Гуаном в 1960 году в целях развития культурного диалога между Востоком и Западом, повышения уровня научных стандартов академических знаний и углубления понимания проблем новой китайской культуры. Среди ведомственных философских изданий хороший научный уровень имеют выходящее на философском факультете Тайваньского национального университета "Философское обозрение" (Чжэсюэ луньпин) и ежегодный "Сборник исследований китайской литературы и философии" (Чжунго вэньчжэ яньцзю цзикань), издаваемый одноименным институтом Академии Синика с 1991 года. Недавно появился ежеквартальный "Философский журнал" (Чжэсюэ цзачжи), не связанный прямо с каким-то из направлений и издающийся коммерческим издательством. Сочетающий популярность с научной обоснованностью в изложении материала, журнал уделяет внимание освещению проблем современной зарубежной философии, рассматривает важные аспекты китайской философии и культуры и пользуется спросом среди широких кругов студенчества и гуманитарной интеллигенции.

"Радиус действия" тайваньской философской периодики отнюдь не ограничен пределами острова, она читается исследователями как в Восточной Азии, так и за ее пределами. Журналы "Эху" и "Философия и культура"

пользуются авторитетом и влиянием среди философов на материке и охотно предоставляют свои страницы для их статей.

Хотя тайваньские философские круги кажутся очень малочисленными на фоне множества коллег, трудящихся на материке, они добились интереснейших результатов в своих исследованиях и вносят ощутимый вклад как в осмысление, так и в осуществление процесса синтеза философий и культур Китая и Запада. Тайваньские философы находятся внутри потока развития современной китайской культуры, вместе с тем их характеризуют открытость идеям современной западной философии, профессиональность в исследованиях, у них есть хорошие возможности для активного участия в международной научной деятельности. В последнее десятилетие XX века голос тайваньских философов становится все более слышимым и за пределами острова.

1. Подробнее о развитии конфуцианской философии в послевоенный период см.: Ломанов А.В. Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга (50 - 70-е годы XX века) // Проблемы Дальнего Востока - 1993. - N 5.
2. Shu-Hsien Liu. The Problem of Value Reconstruction in Chinese Philosophy under the Impact from European Thought // Journal of Chinese Philosophy. - 1993. - Vol. 20. - N.1, - Honolulu, - P. 45.
3. На вопрос о сущности "тридеизма" один из влиятельных философов среднего возраста дал автору короткий, но исчерпывающий ответ: "Это то же самое, что ваш марксизм-ленинизм".
4. Жэньминь жибао. - 1993. - 17 ноября.
5. Там же.
6. Проблематика постконфуцианства по сути своей неотделима от проблем взаимодействия культур Китая и Запада. Американский ученый Кристиан Йохим выделил следующие основные вопросы современного конфуцианства: Что есть сущность китайской культуры? Как найти гармонию между конфуцианской традицией и западной мыслью? Как показать значимость конфуцианской традиции для современности? См.: Cristian Jochim. An Overview of Confucian Tradition(s) in Contemporary Taiwan // Paper presented at American Academy of Religion Annual National Meeting. - Washington, D.C., Nov. 1993. - P.23.
См.: Дао дэ цзин. - Чжан 19.
7. Оживленные дискуссии и критику со стороны конфуцианцев вызвала, к примеру, книга профессора философского факультета Тайваньского национального университета Фу Пэйжуна "Теория Неба у конфуцианцев и даосов" (Жу дао тянь лунь фавэй), дававшего религиозную трактовку древнекитайской мысли.
9. Шэнь Цинсун. Чуаньтун дэ цайшэн (Возрождение традиции). - Тайбэй, 1992. - С. 148.
10. Данные 1986-87 г.г., см.: Китайская Республика на Тайване (на рус. яз.). - Тайбэй, 1991. - Стр. 111-112. Христианская община составляет примерно 1/30 населения острова. Исходя из этой пропорции можно предположить, что при определенных условиях число христиан на материке может достигнуть 40 млн. человек.
11. Чжэсюэ цыдянь. - Тайбэй, 1990, 910 с.
12. Чжэсюэ юй вэньхуа. - Тайбэй. - Т.21. - N.11(246). - 1994. - ноябрь. - С. 1044.
13. Чжэсюэ юй вэньхуа. - Тайбэй. - Т.21. - N.9 (244). - 1994. - сентябрь. - С. 760.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 50-летию Великой Победы

25 апреля состоялось заседание Ученого Совета ИДВ РАН, посвященное 50-летию Победы Советского Союза и его союзников во Второй мировой войне. Открывая заседание, председатель Ученого Совета, директор ИДВ, проф. М.Л.Титаренко отметил, что полвека, прошедшие со времени разгрома фашистской Германии и ее союзников, были отмечены непрекращающейся и сегодня острой борьбой в политических и научных кругах вокруг оценок уроков войны, ее причин и последствий, роли различных сил, стран и народов в победе над державами оси.

За истекшие годы стали известны новые документы и материалы, открывшие возможность по-новому осветить многие вопросы истоков и хода войны, взаимоотношений союзных держав в ее различные периоды и т.п. Но при всех расхождениях в оценках различных аспектов истории Второй мировой войны и ее итогов, объективные и непредвзятые историки и политики сходятся в том, что решающий вклад в победу над фашизмом внес Советский Союз, что на его плечи, на долю его народов легло главное бремя и тяготы войны. Те политики и историки, которые стремятся принизить значение победы Советского Союза в войне, ее влияние на ход событий в послевоенной Европе, делая упор на характер режимов, созданных усилиями сталинского руководства в Восточной Европе и Прибалтике после 1945 г., должны признать, что освобождение этих стран силами Красной Армии от фашистского рабства спасло их народы и культуру от полного уничтожения или онемечивания.

Нынешняя обстановка, в которой народы России отмечают 50-летие Победы требует от нас углубленного осмысления уроков войны с учетом перемен во внутреннем и международном положении России. В наших исследованиях национальных интересов и политики России на современном этапе, в том числе задач и перспектив нашей политики на Дальнем Востоке, мы должны исходить прежде всего из трезвого учета перемен в послевоенном мире в последние годы, изменений в геополитическом положении нашей страны в 90-е годы. Но и сегодня актуален анализ уроков войны, внутренних и внешних условий, определивших тяжелые поражения первых лет и последующего победоносного завершения антифашистской борьбы в мировом масштабе в Европе и на Дальнем Востоке.

С докладом "50 лет Великой Победы и Восток" выступил д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ, генерал-майор в отставке В.Н.Бунин. Докладчик подробно остановился на основных этапах Второй мировой войны, особо выделив место в этой войне Отечественной войны народов СССР и цену, заплаченную нашей страной за достижение победы. Докладчик особо рассмотрел причины тяжелых поражений Красной Армии в первые месяцы войны, отметив, что до

сего времени в ряде работ они расцениваются как "неудачи", другими словами, затушевываются грубейшие просчеты и ошибки в подготовке к войне, в руководстве боевыми действиями, неумение использовать накопленный немалый военно-технический потенциал.

Требуют углубленного анализа, отмечал докладчик, и причины, по которым СССР не смог надлежащим образом использовать результаты победы и обстановку всенародного подъема для решения актуальных социально-экономических проблем, радикального улучшения материального положения населения. Наряду с трудностями восстановления разрушенного войной народного хозяйства, важнейшей причиной этого была порочная коммунистическая доктрина, политика, ставившая целью навязать всему миру на Западе и Востоке собственный образец "социализма".

Победа над гитлеровской Германией создала условия для вступления СССР в войну против Японии, капитуляция которой завершила Вторую мировую войну. Общеизвестно, что без разгрома советскими войсками Квантунской армии в Маньчжурии союзники своими силами были не в состоянии в короткие сроки нанести японскому милитаризму решающее поражение. Историки и политики, которые и сегодня пытаются поставить под сомнение правомерность вступления СССР в войну с Японией, ссылаясь на советско-японский пакт с нейтралитете, игнорируют факты враждебной политики Японии и агрессивные планы японской военщины в отношении СССР и до, и в период второй мировой войны.

Охарактеризовав ход военной кампании Советской Армии на Дальнем Востоке в августе 1945 г., докладчик отметил, что трудно переоценить ее военное значение для скорейшего окончания войны на Тихом океане и завершения Второй мировой войны в целом, ее военно-политическое значение для ликвидации японских колониальных режимов и спасения от гибели и тяжелых страданий населения во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии, для подъема национального освободительных движений в этом регионе.

Однако и на Дальнем Востоке руководство страны не реализовало должным образом плоды победы. Одной из крупнейших ошибок в политике послевоенного урегулирования был отказ СССР от подписания Сан-Францисского мирного договора с Японией, а также возобладавшие в конце 40-х - начале 50-х годов левацкие взгляды на перспективы развития внутривосточной ситуации в Японии и ряде стран ЮВА. Эти просчеты, война в Корее, а затем чрезмерное наращивание военного присутствия на Дальнем Востоке в годы "холодной войны", длительная недооценка значения развития отношений с Японией и рядом других стран Восточной Азии привели к тому, что и сегодня Россия практически не участвует в экономических интеграционных процессах в АТР.

В обсуждении доклада приняли участие главные научные сотрудники ИДВ д.военных н. А.В.Болятко, д.и.н. А.Г.Яковлев, д.э.н. И.Н.Наумов, зам.директора ИДВ, к.и.н. В.Я.Портыков

А.Г.

В ИДВ РАН открыт научно-информационный центр "Китай"

Научная жизнь института, его обширные международные связи, особенно со странами восточноазиатского региона, побуждают не только совершенствовать накопленный опыт, но и возрождать забытые традиции, искать новые сферы приложения знаний, формы и методы научной деятельности.

Решению этих задач призваны служить и создаваемые в ИДВ национальные центры стран Восточной Азии - Китая, Японии и Кореи. 8 февраля 1995 г. состоялось открытие первого из них - так называемого Китайского зала. На презентации присутствовали посол КНР в Российской Федерации г-н Ван Цзиньцин и сотрудники посольства Китайской Народной Республики, председатель Общества российско-китайской дружбы академик РАН С.Л.Тихвинский, ученые Института Дальнего Востока, корреспонденты центральных газет Китая.

Открывая "Китайский зал", директор института профессор М.Л.Титаренко отметил, что главной целью его организации является популяризация знаний о Китае, его культуре и традициях среди широких слоев российского населения, особенно молодежи, что будет способствовать дальнейшему расширению культурных, научных и прочих связей между Россией и Китаем.

С пожеланиями успеха работе "Китайского зала" выступили посол КНР в РФ г-н Ван Цзиньцин и председатель ОРКД академик С.Л.Тихвинский.

"Китайский зал", создаваемый как подразделение ИДВ, одновременно будет служить и базой деятельности Ассоциации китаеведов РАН и Общества российско-китайской дружбы (ОРКД). Его главная задача - распространение в России научных знаний о Китае и в Китае - о России.

В основу плана деятельности центра "Китай" положена идея важности для России "китайского фактора" в прошлом, настоящем и будущем. Россия и Китай, две крупные мировые державы, имеющие протяженную границу, несмотря на этно-культурные и другие различия, накопили за более, чем 300-летнюю историю межгосударственных отношений большой позитивный потенциал во всех областях двусторонних связей, будь то политика, экономика или культура. Однако главное, во имя чего задуман и создан центр - это обращенность в будущее, в XXI век. Одним из важнейших условий, залогом успешного развития российско-китайских отношений в новых международных и внутренних условиях должна стать пропаганда добротных научных знаний о Китае, его цивилизации, истории, философской мысли, культуре, об успехах, достигнутых Китаем на современном этапе, его потенциальных возможностях.

Сказанное выше и составит основное содержание экспозиции зала и деятельности центра "Китай".

Интерьер "Китайского зала" оформлен с использованием традиционных элементов китайского декора: свитки, фонари, лубок, изделия национальных художественно-декоративных ремесел, каллиграфические надписи.

Основу экспозиции зала составят копии и репродукции старинных гравюр и документов, отражающих важнейшие эпизоды истории российско-китайских отношений: копии наиболее важных договоров и соглашений, заключенных Россией с Китаем, портреты российских и китайских государственных деятелей, дипломатов, видных ученых-китаеведов. Научно-музейная часть "Китайского зала" будет дополнена небольшой справочно-информационной библиотекой на русском, китайском и английском языках. В зале посетитель сможет ознакомиться и с текущей прессой КНР (основные центральные газеты и журналы).

"Китайский зал" открыт для всех желающих приобщиться к знаниям о Китае: ученых, студентов и школьников, практических работников и преподавателей, для всех, кто интересуется Китаем или связан с ним по роду своей деятельности.

В научно-информационном центре "Китай" намечается чтение цикла лекций о Китае; регулярное проведение семинаров по проблемам Китая, в частности, семинара академика С.Л.Тихвинского встречи с китайскими учеными, творческой интеллигенцией, представителями бизнеса.

Одной из своих задач центр ставит оказание помощи преподавателям и учащимся, а также молодым китаеведам в получении информации о современном Китае, его политике и современном положении, об опыте социально-экономических реформ.

Особое внимание будет уделено работе с будущими китаеведами - школьниками, студентами, аспирантами, молодыми специалистами.

Центр может предоставлять информацию о Китае российским специалистам и лицам, едущим в КНР, либо имеющим деловые связи с китайскими партнерами.

Институт Дальнего Востока признателен отделу культуры посольства КНР в РФ, отделению Банка Китая в России, институтам АОН Китая, а также российским ученым и китаеведам-практикам за материалы, документы и произведения современного изобразительного искусства, переданные ими в дар ИДВ для создания экспозиции "Китайского зала".

В заключение, еще раз напоминаем, что двери "Китайского зала" открыты для всех желающих. Его сотрудники и ученые Института Дальнего Востока окажут Вам необходимую помощь в получении знаний о Китае.

Наш адрес: Москва 117218, ул.Красикова, 27.

ИДВ РАН, 13-й этаж

Тел. 124-07-24

*Хранитель "Китайского зала", старший научный сотрудник ИДВ РАН
Турчак Татьяна Михайловна*

*Зам. руководителя центра "Россия - Китай", старший научный
сотрудник, кандидат исторических наук
Ипатова Аида Семеновна*

Центр изучения России АОН КНР

23 января 1995 г. в Институте Восточной Европы и Средней Азии АОН Китая состоялось торжественное собрание, посвященное основанию Центра изучения России Академии общественных наук Китая. В церемонии приняли участие около ста ведущих специалистов-русологов, представляющих различные научные и практические организации КНР, а также сотрудники посольства России в Китайской Народной Республике.

С приветственными обращениями выступили заместитель Президента Академии общественных наук Китая Тэн Тэн, советник-посланник Посольства России в КНР А.В.Васильев, представители китайских учреждений. Был принят Устав Центра, избраны его руководящие органы. С подробным представлением работы Центра выступил секретарь китайского научного общества Восточной Европы и Средней Азии, заведующий отделом изучения России Института Восточной Европы и Средней Азии Лу Наньцюань.

В материалах учредительного собрания отмечается, что Центр изучения России является высшим органом по исследованию проблем России в современном Китае. Он является общенациональной организацией, координирующей в масштабе всей страны работу специалистов-русологов, представляющих различные направления научной и практической деятельности. Таких специалистов в учреждениях Пекина насчитывается более 200; в других районах Китая - более 500 человек. Многие из них обладают высокой квалификацией, ранее учились и работали в России, прекрасно ее знают. Таким образом, основными целями Центра являются объединение усилий специалистов-русологов, стимулирование изучения проблем России, работа на благо укрепления экономического, политического, культурного сотрудничества Китая и России, проведения политики реформ и открытости в Китае, развития социалистической рыночной экономики.

Исследовательская работа Центра подразделяется на две большие сферы - фундаментальные и прикладные исследования.

Фундаментальные исследования главным образом затрагивают некоторые важные теоретические проблемы и стратегические вопросы.

Прикладная область включает в себя два направления. Первое - это предоставление партии и правительству рекомендаций в вопросах определения подходов применительно к российской проблематике. Второе - это оказание консультативной помощи китайским торгово-промышленным кругам. Основная тематика прикладных исследований затрагивает изучение перспектив развития торгово-экономических отношений Китая и России, инвестиционной среды России, экономической ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке, приграничной торговли, места двустороннего сотрудничества в экономической архитектонике в районе Северо-Восточной Азии, проблем научно-технического сотрудничества и т.д.

Координируя проведение тематических исследований, Центр организует симпозиумы, конференции и другие научные мероприятия, стимулирует развитие международных научных контактов, китайско-русского научного

сотрудничества. К его функциям также относится организация составления и переводов материалов, имеющих отношение к России, предоставление услуг в сфере консультаций, обучения и подготовки кадров.

Главными источниками средств Центра являются материальная помощь соответствующих китайских и иностранных фондов и организаций, содействие промышленных и хозяйственных учреждений, а также индивидуальная помощь. Доход предполагается получить от внутреннего и международного сотрудничества, от предоставления услуг в сфере исследований и консультаций.

Руководящим органом Центра является правление, члены которого представляют учреждения, принимающие участие в работе Центра. Правление избирает председателя, его заместителей, членов секретариата, ответственных за постоянную работу Центра. По мере необходимости Центр может организовывать соответствующие отделения, приглашать почетного председателя и советников.

Председателем Центра изучения России был избран заместитель Президента Академии общественных наук Китая Тэн Тэн, его заместителями стали посол КНР в России Ван Цзиньцин, заведующий Управлением внешних сношений Академии общественных наук Цзян Ханьчжан, а также сотрудники Института Восточной Европы и Средней Азии: директор - Чжан Вэнью, заместитель директора Ли Цзинцзе, заведующий сектором изучения России, секретарь китайского научного общества Восточной Европы и Средней Азии Лу Наньцюань. Лу Наньцюань также возглавил секретариат Центра. Его заместителями стали сотрудники Института Восточной Европы и Средней Азии Ли Цзяньмин и Син Гуанчэн.

В число членов правления кроме сотрудников научных учреждений (Института Восточной Европы и Средней Азии, Института мировой экономики и политики, Института мировой истории, Института национальностей, Института иностранной литературы, Института философии, других учреждений АОН Китая, а также китайского Института современных отношений, Института международной торговли МВТ КНР, Пекинского Университета и т.д.) вошли также представители практических - партийных, дипломатических, военных, информационных и внешне-торговых организаций. Из тридцати членов правления, тринадцать человек являются постоянными членами. Канцелярия Центра располагается в Институте Восточной Европы и Средней Азии АОН Китая.

РЕЦЕНЗИИ

"ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1, 1920-1925", Москва, 1994, 770 стр.*

На протяжении десятилетий синологи, занятые изучением новейшей истории, пытались, но из-за недоступности архивов безуспешно, побывать на "кухне" Коминтерна, чтобы адекватно интерпретировать его политику в Китае. В этой ситуации ученые были вынуждены довольствоваться весьма скудной, к тому же противоречивой информацией из "усеченных" проагандистских изданий Коминтерна, а недостающие факты черпать в лучшем случае из "вторых рук". На столь зыбкой основе, да еще и в условиях острых идейно-политических схваток вокруг политики Коминтерна, строились выводы о деятельности "штаба мировой революции" в Китае. В конечном счете на такой базе сложились четыре, условно говоря, апологетические школы со своей манерой подачи материала и политической стилистикой - отечественная и китайская марксистской ориентации, западная и гоминьдановская, в том числе тайваньская.

Положение дел не изменилось и после того, как в 60-е гг. небольшая группа советских китаеведов получила доступ к архивам Коминтерна для выполнения "социального наказа" - развенчать соответствующие "легенды" и "мифы", насаждавшиеся руководством КПК во главе с Мао Цзэдуном особенно в период "культурной революции". При такой направленности изысканий наши ученые, связанные жесткой идеологической дисциплиной, лишь и "улучшали" "для служебного пользования" официально-охранительную версию. Вместе с тем в этих исследованиях содержался уникальный материал, дающий повод для

новых размышлений и постановок. Здесь выделяется насыщенный архивными документами фундаментальный двухтомный труд В.И.Глунина о деятельности КПК в период 1921-1927 гг.¹, в котором его автор в той или иной форме поставил под сомнение некоторые существенные аспекты политики Коминтерна в освободительном движении Китая изучаемого им периода.

Поэтому рецензируемая книга - первая в серии источниковедческих публикаций о политике партии советских коммунистов и руководимого ими Коминтерна в Китае с 1920 по 1925 гг. - поистине уникальна. Она принципиально отличается от всех предыдущих "выборочно-иллюстративных" документальных изданий. Иными соображениями руководствовались ее составители, отобрав из огромного массива первоисточников и без того большой объем материалов (50 а.л.), посвященных только "стартовому" этапу деятельности РКП(б) и Коминтерна в Китае. "В материалах сборника, - читаем в общем "Введении", - представлен в той или иной мере практически весь набор идейно-политических установок Коминтерна в отношении китайской национальной революции и механизмов их практической реализации, в том числе методов идейного, политического, финансового, кадрового и прочего воздействия не только на компартию, но и особенно на Гоминьдан" (стр. 13).

Знакомство с обнародованными документами (а их в книге 205) не оставляет место для сомнений в том, что публикаторы выдержали свое обещание. И если они успешно справились с поставленной задачей,

* Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, Институт Дальнего Востока РАН, Восточноазиатский семинар Свободного университета Берлина. Ред. колл.: М.Л.Титаренко (руководитель работы), К.М.Андерсон, В.И.Глунин, А.М.Григорьев, Го Хэньюй (руководитель работы), М.Лейтнер, Р.Фельбер

то потому, что подошли к ее решению не только и не столько как историкомеды, а прежде всего как исследователи, стремящиеся к всестороннему анализу проблемы путем тщательного изучения соответствующего материала. Благодаря такому подходу им удалось в первом приближении сформулировать свободную от "чужих" напластований подлинно новаторскую, во всяком случае в отечественной науке, концепцию о месте и роли Коминтерна в китайском революционном движении. Без этой системы взглядов, четко изложенной во "Введении", было бы трудно, а порой и невозможно, ориентироваться в крайне противоречивых документах. Предложенная концепция исходит из признания фундаментального постулата о том, что "внешняя (и внутренняя) политика большевиков определялась целым комплексом утопических и противоречивых идей, среди которых господствовала идея мировой пролетарской (социалистической) революции. В общем контексте мировой революции важное место отводилось подрыву и разрушению колониальной периферии ("тыла") империализма с помощью национально-освободительных революций" (стр. 11). Отсюда и мысль о том, что Коминтерн спроецировал "на колониальные национально-революционные движения опыт трех революций и гражданской войны в России", результатом чего явился "курс на завоевание гегемонии пролетариата... Крестьянские восстания и крестьянство как наиболее массовая движущая сила колониальных революций, временные союзы "политически независимого" пролетариата с местной буржуазией, сопоставление (отождествление) национально-освободительных движений с социальными конфликтами, то есть приращение национальным революциям характера классовой борьбы, признание возможности для отсталых стран Востока перейти к социализму минуя капиталистическую стадию развития" (там же). Отмечу только, "умозрительная и спекулятивная" схема "революционного процесса" на Востоке, в Китае, в частности, объясняется не столько тем, что руководители Коминтерна не располагали "конкретной информацией о реальной ситуации в пестром колониальном мире" (см. там же), сколько утопичностью самой идеи "социалистической фазы общественного развития". Более точна мысль авторов "Введения", что советское руководство, обуреваемое идеей о "социальном перевороте" во всемирном масштабе, не могло выйти "за рамки коммунистических догматов и большевистского менталитета" (стр. 12), под напором которых конкретно-историческая действительность отступает на

задний план ("разрыв между желаемым и действительным").

Применительно к Китаю общая схема национально-освободительной борьбы, разработанная с позиций русского опыта, выглядела примерно так: пролетариат под руководством компартии, направляя борьбу крестьянства за землю, постепенно становится гегемоном революции, чему призвана содействовать и специфическая тактика единого фронта" в форме внутрипартийного сотрудничества КПК Гоминьдана с перспективной превращения последнего в "рабоче-крестьянскую партию, близкую коммунистам (см. стр. 12-14). События 20-х гг. в Китае полностью опрокинули тактико-стратегические установки Коминтерна, т.к. "рабочее и крестьянское движение развертывалось, как правило в обстановке поддержки властей". Да и к тому же пролетариат "активно втягивались в массовые выступления прежде всего под национальными лозунгами", а их требования улучшения материального положения были выдержаны в духе уравниловки, что приводило "к подрыву местной промышленности и торговли, к закрытию большинства мелких предприятий" (стр. 12). Что же касается крестьянства, поднимавшееся на борьбу "лишь при поддержке "сверху", то его собственные требования практически повсеместно не выходили за рамки снижения арендной платы и ссудного процента" (стр. 13). Иллюзорными оказались и все попытки через внутрипартийное сотрудничество "приручить" Гоминьдан из-за "генетической несовместимости двух совершенно разнородных политических организмов, а тем более "взорвать" его "изнутри", ибо партия Сунь Ятсена, по справедливому замечанию авторов "Введения", представляла собой "достаточно устойчивую идейно-политическую конструкцию, способную выдерживать разрушительное воздействие внешних и внутренних факторов" (стр. 14).

Такой, мягко говоря, "разрыв между желаемым и действительным" лихорадил, в частности, Компартию Китая, руководство которой оказывалось "перед сложной дилеммой: необходимостью следовать решениям высших органов Коминтерна и в то же время настоятельной потребностью учитывать изменения в обстановке" (стр. 9). Еще больше осложнял обстановку и тот факт, что представители Коминтерна в Китае и наши дипломаты в Пекине работали как бы "по совместительству", параллельно занимаясь как осуществлением внешней политики советского государства, так и обеспечением "революционного процесса" в Китае. Однако "изначальная несовместимость практических целей Наркоминдела и

Коминтерна... служила одним из источников провалов советской внешней политики, в том числе и в Китае" (стр. 4). Добавлю от себя, что такое положение дел зачастую вело не к дезориентации освободительного движения в Китае. Во "Введении" его авторы, характеризуя политику советского руководства в Китае, отмечают свойственное для нее тесное переплетение "общепринятой дипломатической практики с широко-масштабным экспортом революции" (стр. 10). В этой связи они пишут, что с первой половины 1923 г. "основным направлением советской политики в Китае стала установка на свержение законного пекинского правительства силами направляемой и поддерживаемой Москвой китайской национальной революции и создание в стране просоветского режима с "рабоче-крестьянской" социальной базой и перспективой его эволюции в социалистическое государство в большевистском понимании" (там же).

На мой взгляд, такое заявление не во всем соответствует действительности. Во-первых, курс на свержение пекинского правительства партия Сунь Ятсена взяла уже в 1913г., поднявшись на "вторую революцию". Верность ему она подтвердила и в "третьей революции", организованной с ее участием либерально-центристскими силами, и всей своей последующей деятельностью после 1917 г. Да и вообще к началу 20-х гг. идея свержения пекинского правительства, тон работе которого задавала бэйянская военщина, и создания нового "национального государства" уже стала достоянием довольно-таки представительных сил китайского общества. Советская помощь только ускорила, пусть и в значительной мере, решение задачи государственного строительства - главной цели национальной революции. Во-вторых, вряд ли корректна формулировка о "направляемой" Москвой китайской национальной революции, если учесть, что лидерствовал в этом процессе Гоминьдан, пресекавший любые попытки посягнуть на его руководящую и направляющую роль в революции. Видимо, точнее было бы писать об "экспорте социальной революции" силами одной из участников национально-революционного движения - компартия Китая, действительно направляемой Москвой. Вообще в книге просматривается некоторая сдержанность в оценке роли Гоминьдана и его вождя Сунь Ятсена в политическом процессе Китая первой половины 20-х годов. Так, во вступительной статье к разделу 2 сборника утверждается, что в начале 1923 г. Иоффе, желая склонить Москву на сторону Сунь Ятсена, "явно преувеличивал его роль в общекитайской политике", уверяя, будто "Го-

миньдан, да и сам Сунь Ятсен находятся под нашим влиянием" (стр. 158). Но через год об этом же писали Карахан (стр. 324) и Бородин, который пытался "использовать его левизну, его авторитет" и не представлял "реорганизацию партии без Суня" (стр. 322). Кстати, во вступительной статье к разделу 5 о Суне сказано как об одном "из самых авторитетных политических лидеров Китая" (стр. 492). Иначе говоря, дело отнюдь не в "явных преувеличениях", а в признании представителями Коминтерна действительных заслуг "отца китайской революции". Не ошибались, к примеру, Иоффе и Карахан, когда писали о Гоминьдане "под нашим идейным влиянием", т.к. Сунь Ятсену и его партии импортировали ленинские идеи "диктатуры" и "партийного государства", обеспечиваемых "строго централизованной партией" во имя "социальной справедливости".

Уж если речь зашла о вступительных статьях к разделам сборника (а их всего пять), то иногда создается впечатление, что они в некоторых вопросах написаны в отрыве от той новаторской системы взглядов, которая лапидарно изложена в общем "Введении". В строгом соответствии с этой концепцией политику Коминтерна в Китае следует характеризовать как от начала до конца левацкую, мало того, по природе своей утопическую. На мой взгляд, в таком контексте требует серьезного, например, пересмотра устоявшееся в литературе такое понятие, как "правые" в Гоминьдане. Раньше его употребляли применительно к тому крылу партии, которое последовательно выступало против внутрипартийного сотрудничества с КПК и установил на союз с Советской Россией. Свою позицию "правые" обосновывали тем, что коммунисты Китая, поощряемые и поддерживаемые своими советскими единомышленниками, внедряются в центральные и местные руководящие органы Гоминьдана для подрыва его изнутри с тем, чтобы сбить его с "национально-революционного курса" и постепенно "вырулить" в сторону "социалистической революции" на основе марксистской теории классовой борьбы. И если до поры до времени натиск "правых" сдерживало само гоминьдановское руководство, применявшее к ним даже организационные меры, вплоть до исключения из партии, то лишь потому, что Сунь Ятсен и его партия крайне нуждались в советской помощи и поддержке. По этой же причине Гоминьдан вынужден был считаться с КПК, кстаки, выполнявшей для своего партнера по внутрипартийному сотрудничеству большой объем "черновой работы". Когда же в своих "гегемонистских" вождениях коммунисты,

будь то китайские или советские, заходили "слишком далеко", то незамедлительно следовал отпор гоминьдановцев, не раз готовых порвать с политикой "единого фронта". Всякий раз удавалось "сгладить" конфликт то давлением на Гоминьдан, то уступками ему руководства Коминтерна и его представителей в Китае. Однако весной-летом 1927 г. ничто уже не могло "усыпить" набравший силу Гоминьдан и предотвратить трагическую для КПК и Коминтерна развязку. И если составители сборника ставят под сомнение, и на мой взгляд, справедливо, теорию размежевания социально-политических сил в ходе национальной революции, признают "грехи" советского руководства и китайских коммунистов, то тем самым они фактически подтверждают правоту "правых". Часто встречающиеся во вступительных статьях, а еще больше используемое в коминтерновских текстах понятие "правые" без соответствующего разъяснения заметно усложняет адекватное восприятие опубликованных документов.

В контексте того же левацкого и утопического видения Коминтерном перспектив развития китайского революционного движения несколько противоречивыми, на мой взгляд, являются и утверждения авторов сопроводительных статей о позиции руководства КПК во главе с Чэнь Дусю в отношении Гоминьдана, означавшей, как они пишут, выступление "по сути дела против коминтерновской тактики развития национально-революционного движения с левацких позиций" (стр. 327). Однако во "Введении", касаясь вопроса о внутривнутрипартийном сотрудничестве Гоминьдана и КПК, авторы пишут о подтвержденной практикой "невозможности их симбиоза" (стр. 14). В разных вариациях та же мысль изложена и в других вводных статьях. Иначе говоря, в данном вопросе политика Коминтерна столь же нереалистична как и "левацкая" (точнее, если следовать логике составителей, ультралевакая) "антигоминьдановская" линия КПК. Другое дело, если за основу правильности того или иного курса взять критерий преданности идее национальной революции, а не руководствоваться манерой "дружеского рукопожатия" с "камнем за пазухой". В таком случае вопрос о том, в каком виде была реализована идея "единого фронта" - в форме внутрипартийного или межпартийного сотрудничества - не имел бы никакого значения. Отсутствие в книге соответствующих пояснений о различиях двух путей налаживания единого фронта, о преимуществах того или иного из них, если они действительно имеются (с 1937 по 1945 гг. КПК отдала

предпочтение межпартийному сотрудничеству), позволило бы устранить противоречия между тем, что сказано на этот счет во "Введении", и тем, как освещена та же проблема в некоторых вводных статьях к разделам сборника.

Можно указать и на другие подобные "несоответствия". Однако составители сборника и не ставили перед собой цели развернутого изложения своих представлений о процессе национально-революционного движения в Китае. Они лишь сформулировали некоторые основополагающие принципы, которые, значительно облегчая труд читателя книги, вместе с тем предоставляют ему возможность для самостоятельной работы с документами. Именно эти соображения побудили меня воспроизвести весьма ценные, с точки зрения исторической методологии, выводы, к которым пришли авторы "Введения". Они ничего не "опровергают" и не "отвергают" а ля Волкогонов, всячески стараясь избежать "сенсационности", хотя соблазн велик. Ими движет одно стремление - понять логику принятия и реализации соответствующих решений Коминтерна. В таком плане представляется очень содержательными их следующее заключение: "Запрограммированность стратегии и тактики Коминтерна определенными рамками выбора вариантов конкретных решений в нестандартных ситуациях делают мало продуктивными споры вокруг его "просчетов", "ошибок" или "вины". Общественные организации, включая политические организации и партии, раз сформировавшись, способны функционировать лишь в параметрах, заданных их природой, в противном случае они превращаются в качественно иные образования, либо деградируют и исчезают" (стр. 12). Это фундаментальное утверждение, основанное на детальном изучении архивных материалов, создает совершенно новую в мировом Китаеведении историографическую ситуацию. Оно, если руководствоваться им в исследовательской практике, делает бессмысленными бесконечные, длящиеся десятилетиями споры вокруг наследия Коминтерна в Китае. Признание "утопичности" целей советского руководства в Китае, обусловленных природой большевизма и "большевизмоцентристским" видением национальной революции в традиционном обществе, существенно сближает позиции западных, гоминьдановских и отечественных историков, открывает, как отмечено в "Предисловии" к книге, путь для конструктивной и плодотворной совместной работы ученых, выросших в разных научных школах. Именно это обстоятельство побудило исследователей России и Герма-

нии (составители сборника) издать документы и материалы, "приближающие нас к освещению истории такой, как она есть".

Изучение политики Коминтерна в Китае с позицией "чистоты классово-линии", как показала практика, ведет к бесплодным идеологическим и политическим "пререканиям", уводящим от подлинных целей исторического познания. Составители сборника предложили оптимальный вариант выхода из затянувшегося на десятилетия "топтания на месте", опубликовав большой корпус архивных документов, в подавляющем большинстве случаев впервые вводимых в научный оборот. Этот материал, сгруппированный в пяти разделах книги, касается, как уже отмечалось, всех аспектов проблемы. Поражает другое. Обычно деятельность Коминтерна в Китае воспринималась как работа, в основном связанная со становлением и развитием КПК. После прочтения рецензируемой книги убеждаешься в том, что даже китайские, занятые изучением новейшей истории, не представляли себе в полной мере места, отводимого Коминтерном Гоминьдану в связи с политикой "единого фронта". В этом повинен и Гоминьдан, который тоже держал свои архивы "под замком", а его историки в общих и специальных работах ограничивались отдельными фразами о "советской помощи", акцентируя все внимание на "закулисной" и "подрывной" деятельности Коминтерна в национально-революционном движении. Опубликованные в сборнике материалы показывают, что деятельность партии Сунь Ятсена как возможного союзника для осуществления в перспективе "социалистического переворота" всегда находилась под пристальным вниманием советского руководства. Поиском первоначальных контактов с Гоминьданом, его организационной и идейно-политической консолидацией вплоть до непосредственного участия в разработке программных документов партии, налаживанием "единого фронта", предполагавшем "слежение" за всеми поворотами в тактике партнера по сотрудничеству, а также материальным обеспечением руководимой им национальной революцией - всем этим повседневно занимался Коминтерн и его представители в Китае. При первом знакомстве с документами сборника я даже несколько насторожился и подумал, не является ли произведенное на меня сильное впечатление о масштабах такой помощи "обманчивым", не вызвано ли оно тем, что авторы публикации источниковедчески осветили лишь тему "Коминтерн и Гоминьдан" в ущерб проблеме "Коминтерн и КПК". Вроде бы в пользу моего предполо-

жения говорят и названия всех пяти разделов книги - "Создание КПК и поиски союзников...", "Ориентация на Сунь Ятсена", "Миссия Гоминьдана в Москву", "Реорганизация Гоминьдана..." и, наконец, "Политический переворот Фэн Юйсяна...". Однако при повторном обращении к книге все сомнения на этот счет отпали.

В данном случае дело не только и не столько в том, что составители сборника впервые опубликовали большое количество материалов, касающихся взаимодействия Коминтерна и Гоминьдана. Главное - составителям сборника удалось отобрать из "архивного моря" такие документы, в которых, на мой взгляд, наиболее полно представлены позиции сторон, принципы коалиционного сотрудничества, точки соприкосновения и конфликтные "узлы". Воспроизведенная по материалам картина настолько богата красками и настолько целостна, что трудно созерцать ее какую-то часть отдельно. В таком плане совершенно оправдан и "крен" в сторону Гоминьдана. Во-первых, благодаря источниковедческим усилиям историков КНР, отечественных и западных ученых мы уже достаточно осведомлены об отношениях между Коминтерном и КПК. Другое дело, как воспринимать и интерпретировать имеющуюся информацию. Во-вторых, в сборник включены новые, прежде неизвестные документы, которые значительно обогащают наши представления о "треугольнике" - Коминтерн - компартия - Гоминьдан. Соглашаясь в целом с размещением материала в пяти разделах книги с преимущественным акцентом на Гоминьдан, все же хотелось бы задать вопрос составителям, чем же они руководствовались при такой группировке документов - принципом периодизации истории взаимоотношений Коминтерна и Гоминьдана или процесса национально-объединительной борьбы. Вопрос тем более корректен, что сборник завершается публикацией материалов, датированных декабрем 1925 г., не ставшем переломным ни в политике Коминтерна в Китае, ни в тактике Гоминьдана и КПК.

До сих пор я преимущественно касался работы, проделанной авторами публикации, и всячески старался донести до читателей концептуальную новизну идей, заложенных во "Введении" к книге. В то же время мною были высказаны и некоторые замечания, которые появились у меня в ходе ознакомления со сборником. Не считая нужным пересказывать содержание документов, вынесенных на суд широкой научной общественности, скажу только, что все они несут большую информационную нагрузку и в полной мере обеспечива-

ют адекватное восприятие тактико-стратегического курса Коминтерна в Китае. Особое внимание привлекают впервые публикуемые решения по Китаю Политбюро ЦК ВКП(б), включая решения, находившиеся на особом хранении - так наз. "особые папки", а также протоколы Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), о деятельности которой до выхода настоящей книги практически не было сведений. Все материалы в равной мере ценны и в подавляющем большинстве являются первопубликациями, но особенно хотелось бы выделить те из них, что документально освещают события, о которых раньше мы имели общие и, как правило, смутные представления. Прежде всего, это большое количество архивных дел, касающихся финансовой и военной помощи советского государства освободительному движению в Китае, по поводу которой авторы "Введения" пишут: "Финансирование и КПК, и Гоминьдана происходило по столь многочисленным каналам, что надеяться на получение каких-либо достоверных суммарных итогов вряд ли реально. По весьма приблизительным прикидкам общие советские затраты на финансирование китайского национально-революционного движения в 20-е годы исчислялись десятками миллионов золотых рублей" (стр. 15). Что же касается военных расходов, то из введения к заключительному разделу книги мы узнаем: "Военное имущество отпускалось Национальным Армиям и Кантону в кредит под векселя со сроком платежа через два года. Эти векселя ряд ли были оплачены" (стр. 494). Впервые в полном объеме в сборнике представлены материалы, которые проливают свет на истинные цели советской дипломатии в Китае, занятой наряду с нормализацией отношений между двумя странами обеспечением "восточного маршрута мировой революции". Ранее не публиковавшиеся письма Чичерина, Иоффе, Пайкеса и Карахана, помещенные практически во всех разделах книги, дают на этот счет исчерпывающую информацию. Здесь особенно выделяется фигура Иоффе, который всячески стремился, хотя и тщетно, наладить сотрудничество между революционером Сунь Ятсеном и двуличным представителем бэйянской военщины У Пэйфу в интересах национальной революции. Его обширная переписка с советскими и китайскими политическими и государственными деятелями позволяет достаточно подробно осветить неизученный феномен, известный в мировом китаеведении как "миссия Иоффе в Китае". Уникальны материалы раздела 3 сборника о поездке делегации Гоминьдана, возглавлявшейся Чан Кайши, в Москву

осенью 1923 г. с целью, как писал Сунь Ятсен, "обсудить пути и средства, с помощью которых наши друзья там могут действовать мне в моей работе в нашей стране" (стр. 297). Приходится только сожалеть, что и до сих пор на Тайване остается засекреченным письменный доклад Чан Кайши, представленный Сунь Ятсену по возвращении на родину. Обнародование этого документа позволило бы отбросить высокопарную революционную фразеологию, которой Чан Кайши широко пользовался, находясь в советском Союзе, и понять, что из увиденного и услышанного и в какой форме он донес до лидера партии. В заключение отмечу, что я выделил только три блока документов, которые, на мой взгляд, несут совершенно новую информацию и существенно обогащают наши знания о деятельности Коминтерна в Китае. Однако из этого ни в коей мере не следует, что остальные материалы сборника менее ценны (подавляющее большинство их, подчеркну еще раз, впервые вводятся в научный оборот) или менее значимы для изучения теории и практики советского руководства в отношении китайского национально-революционного движения.

Что же касается общего впечатления, вынесенного от "сквозного" прочтения материалов, то оно неоднозначно, двойственно. По ходу знакомства с документами меня не покидало ощущение, что советское руководство подходило к оценке китайской действительности, за преобразование которой оно взялось, с европейскими мерками, несмотря на многочисленные заявления и призывы о необходимости учета ее "полуфеодальных" и "полуколониальных" особенностей. "Европоцентризм" в сочетании с "моделированием" революционного процесса "по русскому образцу" перекрывал собой все пути адекватного восприятия национальных реалий, включая социально-экономическую и политическую структуру общества, уровень и специфику его политической культуры. Подобные идеологии и методологии - главный источник всех "провалов" советских рыцарей "протатарского интернационализма", осуществлявших в Китае 20-х гг. революционную миссию Коминтерна. В то же время, читая документ за документом, невольно проникаешься чувством глубокого уважения к когорте советских "якобинцев", которые в тесном сотрудничестве с революционными силами Китая штурмовали бастионы "старого мира". Исходя из своего понимания задач переустройства общества "голодных и рабов", посланцы Коминтерна - советские коммунисты - с присущими им неумным политическим темпераментом и незаурядным

революционным интеллектом проделали поистине масштабную работу в китайском национально-освободительном движении. Да, политический процесс в Китае развивался не по начертанному ими сценарию, и не сбылись их завышенные "социальные ожидания". Однако перечеркивать, а тем более чернить работу людей и стоящих за ними организаций, исполненных чувства солидарности с народом, борющимся за свое самоопределение, исторически неоправданно, если помнить, что в их деятельности наиболее концентрированно отражена целая эпоха отечественной политической, в том числе революционной культуры. Такой подход совершенно чужд и авторам сборника.

Я достаточно подробно осветил содержательную сторону сборника. Если же говорить о его научно-справочном аппарате, то он, к сожалению, мало помогает читателю в работе над текстами. Досадно, но факт, что в книге с большим объемом архивных материалов (свыше 50 а.л.) нет предметного указателя, в результате чего специалисты должны будут непроизводительно тратить время на поиски нужного сюжета. Не только желательно, но, на мой взгляд, крайне необходимо в следующем томе поместить такой указатель, который охватывал бы и период с 1920 по 1925 гг. Я понимаю, что эта работа весьма трудоемкая, однако она в огромной мере способствовала бы экономии дорогостоящих рабочих часов историков. Отсутствует и указатель географических названий, которых в сборнике очень много. Значительно облегчило бы восприятие материала, если бы к публикации была приложена хроника основных событий политической жизни Китая с 1920 по 1925 гг., учитывая, что наше знание политической истории страны, а тем более указанного периода, и до сих пор находится в зачаточном состоянии.

К тому же авторы публикации отказались от комментариев в собственном смысле слова, т.е. различного рода пояснений, необходимых для понимания текстов, и ограничились лишь примечаниями - краткими справками фактического содержания. По этой причине некоторые положения из документов остаются непонятными читателю. Проиллюстрирую сказанное на ряде примеров. Так, во многих материалах сборника остро дискутируется вопрос об учреждении Гоминьданом "конструктивного", национального правительства (см. стр. 396-397, 424-426, 434-441). Тогда мы вправе задать вопрос, какое же правительство возглавлял Сунь Ятсен на юге Китая. В переписке советских партийных и государственных деятелей оно именуется по

месту своего нахождения просто как кантонское, хотя в период с 1920 по 1925 гг. неоднократно менял свои названия. Вернувшись осенью 1920 г. в Кантон (Гуанчжоу), Сунь Ятсен вновь вошел в состав сформированного им еще осенью 1917 г. и впоследствии реорганизованного Военного правительства в защиту конституции, которое тогда возглавила Исполнительная директория из четырех деятелей - Сунь Ятсен, Тан Шаои, У Тинфан и Тан Цзяю. Кстати, в книге нет соответствующего примечания к документу № 9, автор которого, Соколов-Страхов, сообщая о формировании в 1920 г. Кантонского правительства, оставляет открытым вопрос о том, кто же руководил его работой (см. стр. 57-58). Затем, весной 1921 г., создается Военное правительство Китайской республики, во главе которого становится избранный южным парламентом президент Сунь Ятсен, наделенный чрезвычайными полномочиями. Мятеж Чэнь Цзюньмина летом 1922 г. привел к развалу этой власти, которая возродилась в новой форме в марте 1923 г. Высшая исполнительная власть сосредотачивалась в руках Сунь Ятсена - Верховного главнокомандующего сухопутными и военно-морскими силами Китайской республики, являвшегося по существу Верховным правителем. Все эти государственные образования Гоминьдана не признавались западными державами, которые считали законным лишь центральное правительство в Пекине. В таких условиях в конце 1923 г. Сунь Ятсен решил переименовать свое правительство, в самом названии которого должна быть заявлена претензия южан на власть в общенациональном масштабе. Тогда и появилась на свет идея создания "правительства государственного строительства" ("цзяньго чжэнфу"). Первоначально Сунь Ятсен предлагал именовать его "гоминьдановским". Отсюда и фраза из письма Бородина Карахану о том, что ему удалось внушить Суню мысль - "нельзя путать партийную и правительственную линию" (стр. 364), которую без специального пояснения, а оно в сборнике отсутствует, понять невозможно. В конце-концов остановились на названии "национальное правительство" ("гоминь чжэнфу"), которым стала именоваться южная власть только в июле 1925 г., т.е. после смерти Сунь Ятсена. Соответствующий комментарий, которого в книге нет, пояснил бы содержание тех документов, в которых обсуждается идея создания "конструктивного правительства" - понятие, которое мало что говорит даже специалисту.

Другой пример. В беседе с Бородиным Цюй Цюбо остановился на вопросе об ус-

ловных приема в Гоминьдан, отметив при этом разноречивость в рядах самой партии Сунь Ятсена: "Одни говорят, что нужно производить прием по старому уставу, другие, что по-новому" (стр. 344). В примечании к словам Цюй Цюбо сказано: "Имеются в виду уставы Гоминьдана 1919 и 1923 гг." (стр. 349). Обратившись к названным документам, читатель не обнаружит в них каких-либо разночтений об условиях приема в партию. Другое дело, если взять устав "Чжунхуа гэминдан", принятый в 1914 г. В нем действительно содержатся требования к вступающим дать клятву "верности вождю партии" и оставить для идентификации отпечатки пальцев. И хотя в уставе 1919 г. это требование не зафиксировано, но на нем в ряде "подзаконных" актов продолжал настаивать Сунь Ятсен, чем на многие годы затормозил работу по реорганизации Гоминьдана. Кстати, Чэнь Дусю, Ли Дачжао и другие деятели КПК отказывались вступать в Гоминьдан по причине его "вождистского" принципа партийного строительства. Пойдя навстречу коммунистам, Сунь Ятсен отменил соответствующую церемонию (клятвы и т.д.), введение которых в свое время оттолкнуло от него многих бывших соратников. В данном случае требовался комментарий, а не примечание, которое ставит читателя в тупик. И, наконец, о программе Гоминьдана в отношении внутреннего национального вопроса, которой уделено большое место в материалах сборника (см. напр. стр. 310, 372, 405-407, 420, 422, 424, 425). Известно, что в программе российской социал-демократии (1903 г.), а впоследствии у большевиков (1919 г.) под "самоопределением" имелось в виду исключительное "право наций на государственное отделение". Что же касается президента Исполкома Коминтерна, давшего своим представителям в Китае директиву добиваться включения принципа национального самоопределения в предлагаемые документы Гоминьдана, то оказывается, что самоопределение трактовалось им как построение федеративной республики, состоящей "из народностей бывшей китайской империи" (стр. 310). Указывая на это противоречие, Карахан и Бородин писали, что "в вопросе о самоопределении есть некоторая туманность" и "нельзя говорить о самоопределении в пределах единой или свободной Китайской республики" (стр. 378, 422). Под такого рода "расхождениями" в интерпретации лозунга "самоопределения" скрывалась борьба по национальному вопросу между ленинским крылом и сталинским руководством РКП(б), обострившаяся после образования СССР в декабре 1922 г. К сожа-

лению, в сборнике отсутствуют какие-либо комментарии к подобным "трудным" фрагментам, в частности, никак не пояснено понятие "перманентная революция" (стр. 520), надолго ставшее источником схоластических и бесплодных дискуссий.

Нарекания вызывают и примечания, в которых встречаются фактические неточности, а порой и досадные ошибки. Иногда создается впечатление, что эти примечания составлены по выборочному принципу. Авторы иногда оставляют без внимания сведения, нуждающиеся в примечаниях, и часто дают пояснения, необходимости в которых нет. К чему, скажем, делать примечание к фразе "относительно войны Севера с Югом", и так понятной из дальнейшего изложения (см. стр. 28). Из пояснения мы узнаем, что речь идет о названии военного конфликта между милитаристами Северного и Южного Китая (июль 1920 г.), завершившегося "победой северян, установивших контроль над пекинским правительством" (стр. 29, примеч. 11), хотя, как известно, центральную власть бэйянская военщина безраздельно контролировала после смерти Юань Шикая в 1916 г. Или, например, к тексту, где говорится о выступлении Чэнь Дучжуня в Гоминьдан, сделано примечание - "возможно, в действительности речь идет о Линь Боцюе" (стр. 169, примеч. 6), когда на самом деле имеется в виду Шэнь Сюаньлу, фамилия которого в передаче Маринга несколько искажена - Чэнь Дучжун вместо Шэнь Цзунжуань (первое имя Шэня). Сообщение о том, что до 1911 г. Чэнь Цзюньмин редактировал радикальную газету на Юге (см. стр. 74), сопровождается примечанием - "название газеты установить не удалось" (стр. 76). В общем можно было и пройти мимо такого малозначительного факта как издание Чэнем "Хайфэн цзычжи бао". Однако, когда речь заходит о Народно-революционной партии Внутренней Монголии, о ее учредительном съезде (см. стр. 533, 625), то мы не находим в сборнике сведений о характере партии и времени ее создания (зима 1925 г.), как и о Лиге рабочих, крестьян и солдат Внутренней Монголии, образованной в октябре 1925 г. (кстати, секретарем Лиги был Ли Дачжао).

К сожалению, случается и так, что, желая исправить фактические неточности, содержащиеся в тексте документов, авторы примечания сами делают ошибки. Так, Потапов пишет о Лян Цичао как о делегате на Версальской мирной конференции 1919 г., а из примечаний узнаем, что Лян - советник китайской делегации (стр. 45, 47), хотя на самом деле он находился в Париже в качестве частного лица со своими сорат-

никами в качестве группы давления. Или, скажем, Соколов-Страхов в 1921 г. сообщал об основанном приблизительно 15 лет назад Гоминьдане (стр. 6), что соответствует действительности, если учесть, что Гоминьдан правопреемник "Тунмэн хой" (как и "Синчжун хой"). Однако автор примечания отсылает читателя к сноске, где создание этой партии датируется 1912 г., тем самым ставит под сомнение достоверность информации, содержащейся в документе. Уж если быть столь педантичным, то следовало бы отметить действительную неточность сообщенного в том же материале факта - Гоминьдан ушел в подполье не в 1915 г. (стр. 56), а сразу же после "второй революции", т.е. в ноябре 1913 г., когда Юань Шикай запретил партию Сунь Ятсена. Есть и другие неточности в примечаниях. Мне важно было указать, учитывая, что данная книга открывает серию архивных публикаций о деятельности Коминтерна в Китае, на отсутствие системы при составлении примечаний.

Наконец, еще об одном обстоятельстве. Авторы публикации проделали сложную и трудоемкую работу по идентификации китайских фамилий и имен. Дело в том, что представители Коминтерна в Китае, особенно те из них, кто находился на юге страны, писали китайские фамилии так, как они произносились в пров. Гуандун, да еще и с ошибками. В целом составители сборника успешно справились с этой крайне тяжелой задачей. Нерасшиф-

рованными остались лишь несколько фамилий, которые, на мой взгляд, поддаются идентификации. Так, Фонг Суйлуинг - это Фан Жулинь, делегат первого съезда Гоминьдана от пров. Гуандун, Юнг Так-по - Чжан Цюбо, Юнг Ютоинг - Чжан Чжибэн (двое последних - члены ЦИК Гоминьдана), Ли Риене - Ли Чжэньин (настоящая фамилия Юань Чжэньин), анархист, много сделал для пропаганды Советской России в Китае, затем примкнул к коммунистам, но вскоре после I съезда КПК вышел из рядов, Ли Стае - Ли Лепзюнь (он же Ли Сэхэ) - видный деятель Гоминьдана, соратник Сунь Ятсена. Неустановленная автором примечания личность русского приват-доцента, знающего китайский язык, - впоследствии известный китаист и тибетолог Б.И.Панкратов (см. стр. 27).

В заключение отмечу, что мои замечания, касающиеся научно-справочного аппарата книги, продиктованы желанием видеть следующий том материалов более совершенным с точки зрения источниковедческой публикации. Относительно же сборника в целом не может быть двух мнений. Опубликованный в нем материал и предварительное его осмысление как в общем введении к книге, так и во вступительных статьях к ее разделам, впервые дают возможность объективно изучать китайскую политику Коминтерна. В этом смысле проделана поистине пионерская работа. Остается только надеяться, что она будет успешно завершена.

© 1995

*Ю.Гарушняц,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН*

1. Глушин В.И. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1927 гг.), 2 кн., Москва, 1975. Из новейших публикаций, по новому освещающих политику Коминтерна в Китае в 20-е годы, выделю статью А.М.Григорьева "Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926-1927 гг.)", "Проблемы Дальнего Востока", М., 1993, № 2 и № 3.

Китайская философия. Энциклопедический словарь / Гл. редактор М.Л.Титаренко. - М.: "Мысль", 1994. - 573 с.

В нашей стране, как и во всем мире, за последнее время возрос интерес к философской и общественно-политической мысли Китая. Повышенный интерес к ней как и ко всей китайской культуре обусловлен ростом влияния Китая в международной жизни, а также тем обстоятельством, что этико-моральные факторы и основанная на них стратагемность политики правящих кругов всегда играли и продолжают играть особую роль в развитии китагской цивилизации в целом. Знание понятийного аппарата и категорий китайской философии, формировавшихся на протяжении двух с лишним тысячелетий, - своеобразный ключ к пониманию специфики и системы ценностей всей культуры Китая. "Поэтому практически ни один крупнейший китаевед, будь то историк, археолог, экономист, географ, не обходил и не может обойти стороной китайскую философию" - справедливо писал в одной из своих работ главный редактор рецензируемого энциклопедического словаря китайской философии, профессор М.Л.Титаренко¹. Это замечание можно распространить в наши дни также и на обществоведов-несинологов, так или иначе затрагивающих в своих работах "китайский феномен".

В связи с этим возникла необходимость в создании комплексного, строго научного труда, который знакомил бы с историей и современным состоянием философского знания и общественной мысли Китая, труда, который носил бы энциклопедический характер.

Работа над таким трудом была начата в 1986 году в Институте Дальнего Востока РАН в тесном сотрудничестве с ведущими специалистами из других российских синологических центров и совместно с китайскими учеными из Института философии Академии общественных наук КНР, Пекинского и Фуданьского университетов, а также ряда других научных и учебных учреждений Китая. В результате почти 10-летней работы 54-х российских и китайских авторов, издательство "Мысль" выпустило энциклопедический словарь "Китайская философия" объемом 72 печатных листа.

Словарь стал первым в мировой науке энциклопедическим изданием по истории китайской мысли с древности до наших дней на европейском языке. В отличие от словарей китайской философии, изданных в самом Китае, отечественное издание содержит наиболее полный и строго систематизированный компендиум сведений о философской культуре Китая и о влиянии на нее западной философии.

Информация о китайской философской и общественно-политической мысли, которая содержалась в опубликованных в нашей стране в прошлом фундаментальных изданиях², внесших большой вклад в развитие отечественной историко-философской науки, не позволяла гуманитариям и обществоведам-несинологам составить, тем не менее, целостное представление о наиболее характерных особенностях всего комплекса традиционных духовных ценностей Китая. Сказывался разнородность в концептуальных оценках, отсутствие единого подхода к анализу вышеназванного комплекса проблем, спонтанный характер его научной систематизации. Задача преодоления всех этих недостатков, ликвидации "белых пятен" и стояла перед авторами и редакторами рецензируемого издания. В немалой степени этому способствовал удачный выбор формы труда - словарная. Такая форма позволила в минимальном по объему виде дать читателю максимум сведений, имеющий самостоятельную познавательную и справочную ценность.

В Китае философские доктрины и категории всегда служили универсальным средством толкования природных явлений и обоснования практической деятельности человека в самых разных областях жизни: политике и экономике, медицине и астрономии, искусстве и военном деле. Таким образом, данная энциклопедия по проблемам китайской философской и общественно-политической мысли представляет собой и своеобразный универсальный свод комментариев к традиционной системе ценностей, ко всей духовной цивилизации страны и является ценным вкладом в ряд общих культурологических исследований по истории науки.

В энциклопедическом словаре учтены достижения китайской и мировой историко-философской науки, опыт уже изданных словарей философии Китая³ и современный уровень составления подобных энциклопедий. В то же время новое издание безусловно носит новаторский характер. Здесь сделана попытка выявления национально-культурной специфики китайской философии в сравнении с западной духовной культурой и показаны особенности категориальной философской рефлексии; тесная связь этических, космологических и натурфилософских идей с общеонтологическими представлениями, равно как и своеобразие сосуществования материалистических и идеалистических тенденций; специфика онтологических и гносеологических концепций; роль философских доктрин в эволюции религиозных систем в Китае. Словарь предлагает читателю содержательный анализ проблемы взаимовлияния культур Востока (в данном случае прежде всего Китая) и Запада и значительной роли этого фактора в развитии всей мировой философии. В рецензируемой работе в наиболее полном виде (на данном этапе исследования) предлагается информация о крупнейших специалистах по китайской философии (российских, западно-европейских, американских, японских, и, разумеется, китайских), о характере их концепций и проблематике основных трудов. Такие сведения в синтезированном виде отсутствовали как в отечественной, так и зарубежной литературе. Наконец, нельзя не упомянуть еще один весьма существенный момент: в рецензируемой работе трактовка философских доктрин свободна от идеологизированных схем.

Главное же достоинство рецензируемого труда заключается, на наш взгляд в том, что в нем, с учетом многозначности философских категорий в истории китайской мысли, представлен весь возможный спектр значений каждого понятия (термина) на протяжении многих веков, то есть по существу содержится систематизированный анализ исторической эволюции всего понятийного аппарата китайской философии. В отечественной и зарубежной науке существуют различные трактовки одних и тех же понятий, разные варианты их перевода; некоторые их толкования противоречивы или даже вовсе противоположны и неприемлемы с методологической точки зрения. Между тем такой разнобой создает немало трудностей, поскольку адекватность трактовки терминологического аппарата является непрременным условием правильного понимания самой сущности какой-ли-

бо философской системы или традиционно-го научного течения.

С учетом многозначности китайских философских понятий и категорий, в соответствующих статьях словаря представлен весь спектр значений каждого термина. Кроме того, поскольку издание предназначено не только для Китаеведов, большая часть глосс дана и в транскрипции, и в переводе - в последнем случае статья имеет отсылочный характер (если понятие имеет устойчивый русский аналог, отсылочной является глосса, представленная в транскрипции). В число "черных слов", данных исключительно в транскрипции, входят транскрибированные западные термины, своеобразно понятые и по-своему использованные китайскими мыслителями (в основном новейшего времени), а также китайские буддийские термины, содержание которых в значительной мере определяется традиционными китайскими представлениями о природе и мире.

В структурном плане словарь включает следующие группы статей: термины; персоналии; произведения; китайские и зарубежные исследователи философской и общественно-политической мысли Китая; философские школы и направления, общества, организации и движения.

В группу статей "Произведения" вошел набор классических памятников традиционной идеологии Китая. Каждому из них посвящен отдельный материал. В эту группу включены главным образом классические каноны древности и раннего средневековья, служившие объектом толкования и комментирования в рамках китайской философской и научной традиции.

Статьи, посвященные памятникам китайской мысли, содержат следующие сведения: транскрипция, иероглифическое написание, перевод или варианты перевода; время создания и опубликования. Здесь же - все другие необходимые сведения: тематика, состав, построение и анализ содержания (для оригинальных трудов - важнейшие комментарии и их краткая характеристика); библиография.

Группа статей "Школы" содержит подробные информационно-аналитические характеристики школ, направлений или течений собственно китайской (ханьской) философии (и, разумеется, общественно-политической мысли), включая те, что возникли под влиянием западных общественных наук, а также комментаторские школы и направления, политические и культурные движения и общества, учебные и научные учреждения.

Несмотря на серьезность и специфич-

ность проблематики, данному энциклопедическому словарю, наряду с научностью, присуща и доступность изложения. Это энциклопедическое издание предназначено не только синологам, историкам философии и специалистам других областей обществоведения, но и широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры вообще и традиционной наукой Китая в частности.

В этом большое значение авторского коллектива словаря, инициатора и главного редактора издания, профессора М.Л.Титаренко, а также заместителя главного редактора, кандидата философских наук В.Ф.Феоктистова. Работа над словарем была успешно завершена благодаря самоотверженному труду ответственного секретаря издания А.Г.Юркевича. Существенную финансовую помощь в издании труда оказал "Фонд международных обменов имени Цзян Цзинг" ("Chiang Ching Kuo Foundation for International Scholarey Exchange").

К сожалению, словарь издан крайне незначительным для такого энциклопедических трудов тиражом, который сразу же разошелся. Несомненно потребность в его втором издании, которое, на наш взгляд, можно было бы пополнить упоминанием ряда западных философов, оказавших, на-

ряду с Джоном Дьюи и Бертраном Расселом, определенное влияние на развитие китайской философской мысли XX века (например, Анри Бергсона, с его теорией интуитивизма), а также назвать в нем среди тех, кто первыми пропагандировал на Западе китайские философские произведения, имя члена Российской академии наук Т.З.Байера (1694-1738). Полезно было бы, на наш взгляд, также включить во второе издание словаря статью о влиянии китайской философии на французских энциклопедистов, на возникновение популярного среди европейской аристократии XVII в. стиля "шинуазери".

В заключение следует повторить, что данное издание носит пионерский характер. Энциклопедический словарь "Китайская философия" позволяет наметить пути решения многих актуальных для отечественного китаеведения (и востоковедения в целом) проблем: перевода оригинальных терминов, выработки адекватной терминологии, принятой в отечественной науке (то есть создания русского аналога понятийного аппарата китайской философии), и, в целом, выработки научно обоснованного подхода к освещению и систематизации справочного материала по философской и общественно-политической мысли Китая.

© 1995

С.Л.Тихвинский, академик

С.Р.Белоусов, кандидат исторических наук

1. Титаренко М.Л. Об истории китайской философии. Послесловие. - История китайской философии. с. 528.
2. См., например, Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.-Л., 1950; Его же: Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984; Быков Ф.С. Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985; Книга правителя области Шан. Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С.Переломова. М., 1968. Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Иssl. и перевод. М., 1976; Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. Т. 1, 2. М., 1972, 1973. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. Буров В.Г. Современная китайская философия. М., 1980; Лукьянов А.Е. Дао "Книги перемен". М., 1993; Малявин В.В. Чжуан-цзы. М., 1985 и др.
3. Чжунго чжэсюэ да цыдянь. Чжунго чжэсюэ ши цзюань. (Большой философский словарь. История китайской философии). Шанхай, 1985; Чжунго да байкэ цюань шу. Чжэсюэ (Большая китайская энциклопедия. Философия). Т. 1-2. Пекин-Шанхай. 1987; Чжунго чжэсюэ цыдянь да цюань (Энциклопедический словарь китайской философии в одном томе). Тайбэй-Пекин. 1989. Eminent chinese of the Ching Period. Ed. by A.W.Hummel. Vol. 1-2. Wash., 1943-1944, Sung Biographies. Ed. by H.Franke. 1-4. Wiesbaden, 1976.

Тайвань. Краткие справочные сведения. Выпуски 1-4. ИДВ РАН. 1992 - 1995 гг.

В последние годы Китайская Республика на Тайване привлекает к себе все больше внимание в силу ее значительных успехов в области экономического развития, которых она добилась при крайне ограниченных природных ресурсах. Со второй половины 80-х годов на Тайване по инициативе партии Гоминьдан постепенно осуществляются демократические преобразования в общественной и политической жизни. Находясь по существу в условиях дипломатической изоляции, Тайвань тем не менее успешно развивает торгово-экономические, научно-технические и культурные связи с большинством стран мира.

С начала 90-х годов новый импульс получили и российско-тайваньские отношения, которые имеют тенденцию к постоянному расширению и углублению, растет интерес к культурному и научному обмену между РФ и Тайванем. В то же время эти отношения не означают отказа России от поддержки позиции Пекина, рассматривающего остров в качестве неотъемлемой части КНР.

В этой связи выпущенные Институтом Дальнего Востока РАН в период 1992 - 1995 гг. справочно-информационные материалы по Тайваню, основанные на свежих данных, их аналитическом осмыслении, представляются важным и актуальным подспорьем для ученых, специалистов и практических работников, интересующихся тайваньским опытом экономического строительства и политической организацией его общества. Относительная регулярность выхода сборников позволяет, на наш взгляд, иметь фактический материал для выявления тенденций в преобразованиях на Тай-

ване, видеть перспективу отношений других государств с этой страной. К сожалению, в краткой рецензии нет возможности охватить все интересные и разнообразные проблемы, нашедшие отражение в данном справочнике.

В его первом выпуске (1992) помимо географических сведений о Тайване и относящихся к нему около сотни сравнительно небольших островов приводятся данные о социальном составе Китайской Республики на Тайване, ее административно-политической структуре, особенностях развития экономики и финансов, сжато освещается суть "тайваньской проблемы" и содержание внешних связей.

Вся система органов власти в Китайской Республике на Тайване изначально строилась на принятой в 1947 г. Конституции, в основу которой была положена теория пяти властей: законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной, каждая из которых осуществляется ныне одной из палат центрального правительства. Действующее Национальное собрание - высший представительный орган, который до последних изменений в Конституции избирало Президента и вице-президента Китайской Республики на Тайване. Рецензируемое справочное издание знакомит со структурой аппарата Президента, организацией и функциональными особенностями каждой из названных палат, а также органами местного управления и официальных учреждений Тайваня (вып.1, с.7-25).

Особый интерес представляют сведения о демократических преобразованиях в политической системе Китайской Республики на Тайване, которые нашли отражение в целом ря-

де поправок к Конституции, внесенных в основной закон в 1992-1994 гг. Данные изменения, как отмечается в работе, являются продолжением конституционной реформы на Тайване, которая началась еще в 1987 г. отменой Декрета о чрезвычайном положении 1950 г., введенного при Чан Кай-ши. Глава, посвященная конституционной реформе, раскрывает результаты воздействия демократических процессов на законотворческую деятельность, нашедшие, в частности, выражение в юридическом закреплении новых положений, связанных с вопросами въезда-выезда с территории республики, порядком проведения собраний и демонстраций, формирования и деятельности политических партий, профессиональных и иных общественных организаций. Так, дополнительные статьи Конституции, принятые в 1992 г., отменяли действовавший до этого административный порядок запрещения политических партий, передавая теперь данную прерогативу в руки "великих судей" ("да фугуань") Судебной палаты. Согласно поправкам к Конституции, утвержденным позднее в 1994 г., решен и вопрос о волновавшем тайваньцев способе избрания Президента и вице-президента Китайской Республики на Тайване, которые отныне будут избираться прямым голосованием электората. Очевидно, что без ощутимого обновления парламента, начавшегося еще в 1975 г. указанные изменения вряд ли стали бы действительностью. Сегодня можно констатировать наличие на Тайване реального процесса превращения парламента из безвольного в прошлом придатка Исполнительной палаты в действующее представительное учреждение, которое постепенно начинает отражать не только интересы правящей партии Гоминьдан, но и других общественно-политических сил на острове, все более настойчиво заявляющих о себе.

Наряду с отходом от авторитарного режима правления, основанного на однопартийной системе и огра-

ничении гражданских свобод, конституционная реформа способствовала одновременно и усилению президентской власти, расширению полномочий Национального собрания, о чем говорится в справочном издании (вып.4, с.10). Дальнейшее развитие событий в этом направлении будет, как представляется, в значительной степени зависеть от расстановки и активности политических сил в регионах, умения правящего режима адекватно оценивать и своевременно реагировать на очередные вызовы времени. У Тайваня имеются свои проблемы и трудности, но уже сделанное на пути начавшихся демократических преобразований безусловно заслуживает позитивной оценки.

В работе приводится развернутая схема местного управления, объясняющая структуру и функциональные особенности Тайваньского провинциального правительства, его совета, Тайваньского провинциального собрания, его секретариата и постоянного комитета. Система городского управления, руководства уездами, волостями, поселками, а также кварталами и деревнями дополняет подробную картину местного управления вплоть до низовых звеньев (вып.4, с.28-37).

Имеются основания полагать, что принятие Закона о местном самоуправлении (1994) будет способствовать дальнейшей демократизации в деятельности представительных и исполнительных структур власти на местах. Можно предположить, что с его утверждением главы местных администраций получат больше прав в подборе и назначении руководящих кадров исполнительных органов, распоряжении финансовыми средствами, чем в настоящее время занимаются центральные власти, а также будут реализованы иные меры по введению основ реального самоуправления.

В третьем выпуске справочника (1994) опубликованы материалы о XIV съезде Гоминьдана (август 1993 г.), который явился важнейшим событием в жизни Тайваня. Его значение

заключается в том, что правящая на острове партия подтвердила курс на дальнейшее проведение демократизации тайваньского общества, поддержала программу "единения страны", выступила сторонницей линии "на усиление взаимопонимания двух берегов" Тайваньского пролива.

Эти выводы имеют важное значение, ибо Гоминьдан продолжает оказывать определяющее влияние на формирование и проведение внешней и внутренней политики государства. Он по-прежнему контролирует политическое руководство на уровне провинции в целом, специального муниципалитета Гаосюн, имеет подавляющее большинство на административных постах низового звена. В ноябре 1993 г. на выборах руководителей администраций уездов и городов провинции Тайвань по 23 избирательным округам в 15 победили кандидаты от партии Гоминьдан, в 6 - от Демократической прогрессивной партии (ДПП) и в двух - независимые кандидаты. Треть правящего слоя технократов и специалистов, а также более половины высших чиновников административно-управленческого аппарата на Тайване являются сегодня также членами партии Гоминьдан (вып.4,с.8). Она же располагает и значительными материальными средствами, которые оцениваются примерно в 4,5 млрд.долл., что делает партию практически независимой от влияния частных банков и предпринимателей.

В условиях формирования многопартийности на Тайване теоретически можно допустить утрату Гоминьданом положения единственной правящей партии. Однако практически на данном этапе и, по всей вероятности, в ближайшем будущем Гоминьдан вряд ли уступит кому-либо политическое руководство страной в силу указанных выше обстоятельств, а также благодаря поддержке своего курса значительной частью населения острова (47% избирателей поддержали Гоминьдан на упомянутых выборах в 1993 г.).

Демократическая прогрессивная партия также становится популярной у населения. Это подтверждают выборы 1992 г. в Законодательную палату, когда за ДПП проголосовало 30% избирателей, что позволило ей получить 50 мандатов из 161 (102 мандата у Гоминьдана). Выборы в представительные и исполнительные структуры власти на местном уровне в январе 1994 г. заметно увеличили число голосовавших за ДПП (вып.3, с.19). Таким образом, налицо тенденция к постепенному усилению позиций ДПП, опирающейся в основном на представителей низколоходной части жителей городов, молодую интеллигенцию, а также приверженцев независимого Тайваня. Последние, как известно, в октябре 1991 г. добились включения в свою политическую платформу требования, предусматривающего создание на острове независимого суверенного государства.

XIV съезд Гоминьдана проходил в условиях, когда накануне созыва от партии откололась часть ее членов, образовав так называемую Новую партию (Синьдан), в которую вошли представители второго поколения деятелей Гоминьдана в возрасте от 40 до 50 лет. Причиной выхода из Гоминьдана первоначально 30 его членов явилось, по их словам, коррумпированность управленческого и партийного аппарата, а также отсутствие гибкости в отношениях с КНР. Новая партия выступает за внесение ряда изменений в Конституцию (отмена обязательной воинской повинности, создание правительственной структуры по борьбе с коррупцией и др.), дальнейшее совершенствование связей с КНР, содействие формированию в восточной и юго-восточной частях азиатского континента экономического блока ("Большой Китай"), который бы контролировался китайским банковским и предпринимательским капиталом.

Новая партия пытается маневрировать в политической жизни общества. Сделав упор на участие в законодательной деятельности, она блоки-

руется в выгодных для нее случаях с основными оппозиционными партиями. Так, выступая заодно с ДПП и частью законодателей из Гоминьдана, Синьдан способствовал наделению Законодательной палаты правом расследовать деятельность Исполнительной палаты. В другой ситуации представители Новой партии в блоке с Гоминьданом не допустили прохождения законопроекта ДПП о референдуме по вопросу о независимости Тайваня.

Опыт экономического развития Тайваня доказывает, что при правильном использовании плановых методов управления хозяйством страны в условиях рынка и крайне ограниченных природных и сырьевых ресурсах (например, в 1990 г. Тайвань импортировал 93% необходимого ему энергоресурсов), можно достигнуть высоких результатов. По производству валового национального продукта на душу населения Тайвань в том же 1990 г. занимал 25-место в мире и четвертое - в Азии (вып.1, с.33). Не последнюю роль в экономических достижениях играет кадровая политика. Сведения в разделе "Кто есть кто в правительственных структурах Тайваня" позволяют отметить ряд специфических черт, присущих руководящему составу (вып.3, с.29-66). Так, все руководители верхнего эшелона имеют высшее (во многих случаях юридическое) образование и различные ученые степени, прошли солидный курс обучения в престижных западных университетах. Среди них сравнительно немногие ранее работали в частном бизнесе. В то же время немалая часть занималась в прошлом научной и преподавательской деятельностью в университетах за рубежом и на Тайване. В справочнике можно найти и другие особенности работы с кадрами, что помогает глубже понять причины достигнутого прогресса.

Основные задачи тайваньского правительства сегодня: сохранение высоких темпов экономического роста и сокращение диспропорций в распределении национального богатства; наращивание экспортного потенциала; под-

держание низкого уровня безработицы; укрепление финансовой системы; сохранение стабильных цен и низкой инфляции; создание крупных накоплений, являющихся основным источником внутренних капиталовложений (вып.1, с.30). Сегодня Тайвань имеет самые крупные в мире внутренние накопления (около 93 млрд. долл. США), являющиеся важным стратегическим резервом развития островной республики.

В области внешней торговли Тайвань провозгласил и осуществляет стратегию рыночной экспансии в качестве перспективной программы успешного экономического развития страны. Она включена в шестилетний план национального развития (1991-1996) и направлена на диверсификацию экспортных рынков Тайваня в США, Европе, Юго-Восточной Азии и некоторых других регионах, а также на превращение Тайбэя в финансовый центр тихоокеанского бассейна. На Тайване разработана стратегическая программа "движения на Юг", на нужды научного обеспечения которой правительством для академии Синика выделен "специальный бюджет" пока в размере 670 тыс. долл., который предназначен для проведения исследований в области истории, языка, общества, политики и экономики стран Юго-Восточной Азии (вып.4, с.44).

Несмотря на специфическое международное положение Тайваня, связанное фактически с дипломатической изоляцией, он имеет более 80 экономических, коммерческих и культурных представительств в 50 странах, с 29 государствами поддерживает официальные отношения, является членом 10 межправительственных и более чем 750 неправительственных международных организаций, в числе которых Азиатский Банк развития, Азиатско-тихоокеанский экономический совет, Международный олимпийский комитет (вып.1, с.51). Весьма полезным в этой связи представляется помещение в сборнике биографических данных около семидесяти наиболее видных дипло-

матов Китайской Республики (вып.4, с.51-78). Они позволяют выявить особенности развития ее внешнеполитических и внешнеэкономических связей, стремление сохранить опытные дипломатические кадры, наладить качественную подготовку достойной смены.

Для реализации намеченных планов тайваньское руководство намерено проводить курс, направленный на поддержание политической стабильности, максимальной свободы перемещения капиталов, предоставление необходимой финансовой информации и права на свободный въезд и выезд специалистов, сокращение налогов на бизнес, привлечение высококвалифицированного персонала и оборудования в области финансов, принятие законов и постановлений, соответствующих международным нормам (вып.1, с.50). По существу Китайская Республика на Тайване рассчитывает войти в следующее столетие, не будучи жестко зависимой от особенностей обстановки в каком-то конкретном регионе и располагающей необходимыми возможностями для стратегического маневрирования по широкому фронту.

Помимо уже отмеченного в сборниках можно найти интересные и полезные сведения по широкому кругу вопросов, связанных с научно-техническим развитием островного государства де-факто, состоянием образования, экологическими проблемами, деятельностью научных учреждений, вооруженных сил и полицейских органов. В этом смысле справочник имеет универсальный характер.

Вместе с тем нельзя не отметить отсутствия в нем статей по экономической (в том числе внешнеэкономической) проблематике (кроме первого выпуска в 1992 г.), внешней политике Тайваня (упоминавшийся раздел о персоналиях не может заменить реалий этой политики). Сборник выглядел бы более солидным при наличии в нем хорошего банка статистических данных, а также исторических материалов и документов, хронологий важнейших событий. По сравнению с первыми выпусками заметно сократился и список авторов статей в сборнике. Возможно, рецензируемое издание следовало бы переименовать, но то, что необходимо продолжить его выпуск, несомненно.

John Snelling, Buddhism in Russia, The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tzar. "Elemea", 1993. 320 p.

История взаимоотношений трех великих держав - Китая, Англии и России - по поводу Тибета в отечественной и зарубежной литературе полна апокрифов, домыслов и фальсификаций. Главным образом это относится к чудовищным планам поглощения, отторжения от Китая и колонизации Тибета. Однако пока еще ни один автор не объяснил, чем именно был привлекателен Тибет, ради чего было ломать копыя.

Более чем тысячелетняя история российской и тибетской государственности оставила в своих анналах всего один, но яркий след прямых взаимоотношений между двумя государствами. Это сравнительно короткий период, каких-то полтора десятилетия в начале XX века, когда Тибет впервые за всю свою историю стал активным субъектом международных отношений. Сотни статей и книг и даже специальная объемная библиография по Тибету посвящены главным образом этому периоду¹. В основном это литература на английском и китайском языках. На русском этой проблеме посвящены единичные публикации, к тому же обычно просто переписанные из зарубежных изданий². И зачастую были обусловлены политико-идеологическими гребованиями "классового подхода". Это искажало до неузнаваемости подлинную картину всей тибетской проблематики, особенно когда авторы обращались к китайскоязычным источникам, которые, как правило, трактовали тибетскую историю в рассматриваемый период всегда с антирусских позиций³.

На путь исправления этой историографии отчасти склоняются и зарубежные специалисты. Так, упомянутый выше Элстер Лэмб в беседе с автором этих строк довольно скептически отзывался об одном из книжных пассажей по поводу "шпионства" Агвана Доржиева, деятельность которого до настоящего времени трактовалась как важнейшее доказательство подрывной, экспансионистской и агрессивной политики России в Тибете.

Еще более убедительным свидетельством отхода от устоявшихся и ложных концепций стала опубликованная недавно книга видного английского буддолога Джона Снеллинга, ставшая достойным завершением его плодотворной карьеры. (По-

следнюю корректуру текста книги Снеллинг читал уже на больничной койке).

Эта "Книга Доржиева", как Снеллинг называл ее, призвана, по его замыслу, дать первый более или менее полный портрет человека, который умер "в мрачной темнице сталинского ГУЛАГа".

Издательство вынесло на обложку книги две фразы: об огромном уважении к Доржиеву как выдающемуся буддисту, который "способствовал утверждению буддизма в России", и о том, что "В конце прошлого столетия Тибет был вовлечен в борьбу сверхдержав, когда англичане и русские осуществляли территориальные захваты".

Религиозная и политическая сферы деятельности Доржиева связаны неразрывно, и эти две темы действительно наиболее важны не только как исторические реминисценции, но в значительной мере и как исторический источник современной политики в Центральной Азии.

Нет сомнений, что объективная оценка роли Доржиева приведет к правильному пониманию роли великих держав, в первую очередь России и Великобритании в развитии тибетского кризиса начала XX века. Джон Снеллинг отчасти решил эту трудную проблему и достиг известного результата. Ему пришлось изучить множество источников, в том числе головоломных и неясных материалов на русском языке, равно как и на английском. Он правильно понял истинную роль своего героя, и первым из англичан увидел в Доржиеве доверенное лицо и посланца Далай-ламы XIII. В глазах всех остальных соотечественников автора книги деятельность Доржиева представлялась зловредной. Она-де привела русскую армию к самым границам Британской Индии. В их глазах он был шпионом и агентом русского царя, а не тибетским посланцем и представителем Далай-ламы. И сегодня кое-кто продолжает повторять эти небылицы, которые появились в начале XX века в результате недостатка сведений, а подчас и под воздействием эмоций и политических страстей. Оценка Доржиева Снеллингом служит исправлению историографии и дает новое понимание истории международных отношений в Центральной Азии.

По поводу политической ситуации, в

которой действовал Доржиев, Джон Снеллинг пишет: "Тибет стал важным фокусом "Великой игры" англичан и русских"; ключевой фигурой Великой игры на стыке двух всков был Керзон, убежденный империалист, он сменил британскую политику "терпеливого ожидания" на "ничто не терпящую поспешность". (стр. 103).

Речь идет о том, что с приходом Керзона к власти в качестве вице-короля Британской Индии им были предприняты немалые усилия для налаживания отношений с Тибетом. Через специальных посланцев из приграничных с Тибетом территорий он отправлял письма к должностным тибетским лицам и к самому Далай-ламе. Однако эти усилия не имели успеха, тибетцы не желали устанавливать связи с ним, а его письма возвращали нераспечатанными. Такое пренебрежение выводило из себя вице-короля, отсюда его раздражительность и "ничего не терпящая поспешность" (поспешность в решении тибетских проблем с целью "упредить" российское проникновение в Лхасу).

Однако эта поспешность сыграла злую шутку с внешней политикой вице-короля. Она сировоцировала экспедицию Янгхазбенда, которая была инициирована под предлогом переговоров Доржиева в Санкт-Петербурге относительно будто бы "полного протектората России над Тибетом".

Между тем совершенно очевидно, что русская политика в целом отнюдь не склонялась к согласию с тибетским предложением об установлении официальных отношений между Тибетом и Россией. Не имея ни политических, ни военных, ни экономических интересов в Тибете, русское правительство "стремилось к безусловному сохранению статус-кво в Тибете"⁴. Независимо от того, что лхасское правительство имело определенные намерения в отношении России. Джон Снеллинг ясно пишет о том, что вопреки алармистским письмам Керзона в Лондон о русских поставках оружия, сотнях казаках, будто бы посланных в Тибет, в действительности Янгхазбенд по прибытии в Лхасу не обнаружил там ни русского оружия, ни россиян (стр. 108, 109).

Одновременно и британское правительство воздерживалось от новых территориальных приобретений, включая и Тибет. Именно поэтому, дав разрешение на миссию Янгхазбенда после множество оговорок и ограничений, оно, как пишет Снеллинг, "обложило Керзона всевозможными запретами" (стр. 107), поскольку не желало получать никаких преимуществ в этом регионе, а впоследствии отказалось от договор-

ных достижений Янгхазбенда в пользу китайского правительства.

Следовательно, Тибет не был "вовлечен в борьбу сверхдержав, когда англичане и русские осуществляли территориальные захваты", поскольку ни борьбы, ни захватов не было как таковых. Более того, сам автор не говорит об англо-русской борьбе за Тибет. Он делает лишь предположения; сослагательные наклонения бывают иногда любопытны и оригинальны в приложении к историческому процессу, но не в данном случае, поскольку они здесь не выходят за рамки прежних историографических утверждений. Однако они важны в том смысле, что ставят под сомнение эти историографические утверждения. Снеллинг пишет: "...если бы русские стали твердой ногой в Стране снегов, их армии могли бы двинуться..., если бы они в самом деле не стремились осуществить вторжение..." и т.п. (стр. 103). Подлинные факты и реальная русская политика отражены в документах Архива внешней политики России МИД. Они убеждают любого в том, что Россия не имела намерений вторгаться, что англичане и русские не делали территориальных приобретений в Тибете, что не было никакого соперничества сверхдержав за Тибет и Тибет не был "в фокусе Великой игры" и не был "пешкой на имперской шахматной доске", поскольку тибетская государственность позволяла Лхасе играть собственную независимую роль в международных отношениях.

Российские архивные документы свидетельствуют, что неприятие всего иностранного на протяжении веков культивировалось тибетскими правительствами и особенно китайскими амбанами - представителями цинского правительства. "Замкнутость и отвращение тибетцев к иностранцам усиленно поддерживается китайцами, которые в самых мрачных красках описывают местному населению гибельные последствия проникновения в Тибет заморских варваров", докладывал русский дипломат Щекин после продолжительного знакомства с тибетцами⁵.

Тем не менее, как писал в своем обращении Доржиев в российский МИД, изменения последних лет побудили тибетцев отправить посольства в различные страны и в конечном счете в Россию; эти изменения заключались в том, что традиционные связи Далай-ламы с цинским двором на протяжении предшествующих столетий, дававшие Тибету безопасность от внешних посягательств, к концу XIX века перестали выполнять эту функцию. Более того, створ Цинов с колониальной администрацией Британской Индии по поводу Сиккима со-

гласно конвенции 1890 г. остро задевал интересы Тибета, поскольку династийно-религиозные тибетско-сиккимские связи создали положение, которое позволяло считать Сикким частью Тибета.

Посольство Доржиева, состоявшее из высокопоставленных должностных лиц, помимо писем Далай-ламы доставляло в Петербург письма и других руководителей Тибета. В частности, тибетские министры писали: "После того как иноземцы англичане начали выказывать враждебные отношения к тибетскому государству, мы специально командировали приближенных служителей Далай-ламы с тем, чтобы русские и тибетцы соединились в мире и сочтались между собой как бы в родственные отношения"⁶.

Однако ни непосредственное обращение к царю, ни переговоры в МИДе не дали тибетской стороне желаемых результатов. Царский ответ был уклончив: "...приятно было осведомиться о желании Вашем установить постоянные отношения между державою российской и Тибетом, и мною повелено дать возможные по сему предмету объяснения Вашим послам"⁷. Не более определенным был и ответ русского МИДа, который обещал лишь "неизменное доброжелательство Тибету со стороны России"⁸.

Важнейшим элементом британской политики в Центральной Азии было расхождение между правительством вице-короля Индии и лондонским правительством. В то время как Керзон видел в Тибете объект легко осуществимой колонизации и склонял правительство метрополии к ее осуществлению, в Лондоне были озабочены лишь сохранением благополучных отношений с Цинами, а колонизация Тибета не входила в эти планы. Керзон доказывал, что русские заключили с Тибетом и Кита-

ем договор о российском протекторате в Тибете, а в Лондоне имели все основания не верить керзоновым мистификациям. Лишним тому доказательством были англо-русские контакты по этому поводу. Один из документов Архива свидетельствует, что посол России в беседе с английским министром иностранных дел, ссылаясь на инструкции своего правительства, заверил, что "не существует никакой договоренности о Тибете, что русское правительство не имеет никаких агентов в Тибете и не намерено посылать туда ни консула, ни посольства. Он даже выразил удивление по поводу такого запроса. Посол заявил, что русское правительство не имеет никаких планов в отношении Тибета"⁹.

В последнем случае, как можно заметить, источник документа английского происхождения, т.е. аналогичные документы о непричастности России к тибетским проблемам имеются и в английских архивах. Однако они не использовались археографами для понимания подлинной политики держав в Центральной Азии и для понимания англо-русских отношений по данной проблеме. Так что вся предшествующая историография не соответствует этим документам. Она пошла по пути мифотворчества, изображая всеиллие империализма и отводя роль бессильных жертв его политики всем прочим странам, в том числе Тибету.

И в данном случае российские помощники Джона Спеллинга (их имена перечислены в предисловии его книги) не снабдили автора ни единым архивным документом из АВПР, что, безусловно, помешало ему сделать столь необходимый и естественный шаг к пониманию исторической реальности.

© 1995

Н. Кулешов

1. J. Marshall, Britain and Tibet. - Bandoora, 1977. - P. 216-291 (700 наименований).
2. См., например, Остриков П.И. Империалистическая политика Англии в Китае, 1900-1914 гг. - Москва, 1978 г. (Наибольшая по объему глава в этой книге посвящена политике России и Англии в Тибете и по существу излагает концепцию и текст двухтомника. (Lamb A. McMahon line. London, 1966. 712 p.)
3. См., например, Чжоу Вэйчжу, Ин-Э цинъюэ вого Синзан шилюэ (Очерк истории агрессии Англии и России против нашего Тибета). Шэньси, 1984. 270 стр.
4. Архив внешней политики России, Китайский стол (далее АВПР), д. 450, л. 37.
5. АВПР, д. 1448, д. 3.
6. Там же, л. 98.
7. Там же, л. 103.
8. Там же, л. 108.
9. Government of India, Foreign Department, серия В6 N 78, инд. N 130-172, p. 26.

Молодякова Э.В. Япония: профсоюзы и общество. М.: "Наука", издательская фирма "Восточная литература", 1994, 240 с., 400 экз.

Сюжеты, связанные с профсоюзным движением, кажется, перестали принадлежать к наиболее популярным у отечественных политологов, историков и обществоведов. Профсоюзы по-прежнему называют "школой коммунизма", но уже сугубо иронически, считая, видимо, что их время безвозвратно прошло. Однако пример как сегодняшней России, так и всех развитых демократий Запада и Востока наглядно показывает, что сбрасывать профсоюзы со счетов еще рано. Они далеко не исчерпали свой организационный, прежде всего объединяющий потенциал и по-прежнему остаются важным фактором политической, экономической и общественной жизни. В одних случаях они выступают как инструмент поддержания социальной гармонии и обеспечения классового мира, в других — как мощное средство социальной защиты трудящегося населения. Второе больше характерно для России, первое — для Японии, о чем и пойдет речь.

Монография доктора исторических наук Э.В. Молодяковой не первое в отечественной литературе исследование о социальной и политической роли профсоюзов. Но можно смело сказать, что эта книга в своем роде уникальна. Посвященная теме, которая, казалось бы, исследована вдоль и поперек, за исключением последнего периода, она открывает в послевоенной истории профсоюзного движения Японии совершенно новые стороны и аспекты. Сделать это автору удалось прежде всего потому, что исследование свободно от догм "единственно верного учения" — понимать ли под ним марксизм или любую другую концепцию, доведенную до стадии мертвой догмы. Избран комплексный, многоаспектный подход. Э.В. Молодякова старается прежде всего разобраться, "как было" и "что произошло", а не "как должно было быть с точки зрения...". Существенно и то, что автору свойствен глубокий историзм, а большинство работ прежних лет по данной тематике как раз характеризуется его отсутствием. Например, для большинства профсоюзов 40-60-х годов высшими ценностями были классовая борьба и классовая солидарность в защите своих интересов, что

было адекватно как социально-экономическому положению в стране (вплоть до первых лет периода "высоких темпов экономического роста"), так и реальным интересам трудящихся масс. Профсоюзы с честью выполнили задачу, защитив своих членов от трудностей восстановительного и подготовительного периодов и в то же время внося свою лепту в подготовку и осуществление "японского экономического чуда". Что же касается последующих десятилетий, то положение в стране уже не требовало "накала классовой борьбы" и классового антагонизма, и чуткие к переменам в обществе и стране профсоюзы стали существенно менять свою тактику. Переход основных профсоюзных сил на позиции сотрудничества с предпринимателями и достижения классового мира был воспринят мировой системой социализма и ориентированным на нее международным рабочим и коммунистическим движением как "соглашательство". В этом как раз и сказалось отсутствие историзма и непонимание социальной и политической эволюции, столь губительное для всех тех, кто не осознал происшедших перемен.

Авторы прошлого времени в СССР толковали историю профсоюзного движения исключительно с позиций "классовой борьбы". При нынешней смене вех есть опасность "обратного" — но столь же одностороннего и в этой односторонности неизбежно ложного — толкования происшедших событий. Монография Э.В. Молодяковой, отличаясь единством методологии, далека от этой односторонности, как "марксистской", так и "соглашательской" (если пользоваться устаревшими, но все-таки привычными терминами), поэтому рецензируемая работа представляет большую ценность не только как исследование на конкретную — пусть даже и очень важную — тему. Ценность ее именно в новизне подхода к таким феноменам социальной и политической жизни, которые — при всей их изученности — до сих пор остаются неистолкованными и непонятыми по существу.

Несомненное достоинство монографии — подробный и четкий анализ системы про-

фсоюзам в Японии и особенно современно-го трудового законодательства в части, касающейся профсоюзов и их роли в отношениях нанемателя и работника. Громадное количество проработанных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые в отечественной литературе, осталось в "подводной части айсберга" - работа не загромождена пересказами и излишне обильным цитированием, что нередко считается в академических кругах признаком "научности" и "основательности". В работе больше выводов, чем фактов, но все эти выводы основаны именно на обширнейшей фактической базе и выстраиваются в стройную и строгую концепцию эволюции японских профсоюзов от классовой борьбы к классовому миру сообразно с эволюцией японского общества и государства в целом.

Существенный интерес представляет анализ системы отношений профсоюзов и политических партий. Эта проблема постепенно становится все более актуальной и для России, где профсоюзы заявляют о себе как о самостоятельной политической силе и чаще выдвигают политические требования, нежели экономические. Уверен, что монография Э.В.Молодяковой найдет себе читателей прежде всего не только среди коллег-востоковедов, но и среди политиков и профсоюзных деятелей разных уровней, поэтому определенный издательством для этой исключительно полезной книги тираж в 400 (четыреста!) экземпляров смехотворно мал даже по нынешним временам. Когда несомненная научная значимость книги

дополняется ее практической полезностью, это должно быть учтено в первую очередь издателями.

Монография доктора исторических наук Э.В.Молодяковой действительно заслуживает широкого изучения и обсуждения именно с точки зрения ее практической значимости. Конечно, японское трудовое законодательство может быть только "принято к сведению" соответствующими инстанциями в России - избави нас Бог от его слепого, некритического копирования! Но переход от антагонизма к сотрудничеству между государством и профсоюзами, между нанемателями и наемными работниками - это неизбежное поступательное развитие общества, возможно только при заинтересованном сотрудничестве обеих сторон. Произойдет ли это в России в обозримом будущем - от этого зависит наша судьба, судьба экономики, общества и государства. Монография Э.В.Молодяковой наглядно показывает, как происходил этот процесс в Японии и к каким блистательным результатам это привело, не затушевывая в то же время сложностей и негативных моментов.

В заключение хочется отметить язык и стиль книги, помогающие разобраться в сложных проблемах, например в хитроплетениях трудового законодательства или формулировках программных документов, которые далеко не всегда отражают их истинные цели. Автор успешно избежал псевдонаучного "новояза" и малограмотных калек с иностранных языков, столь любезных некоторым отечественным исследователям.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

80-летие Л.А.Березного

14 мая 1995 г. исполнилось 80 лет Льву Абрамовичу Березному, "патриарху" петербургского китаеведения, учителю нескольких поколений историков-китаеведов, мудрому и доброжелательному к людям человеку, подлинному петербургскому интеллигенту.

Рабочий-станочник машиностроительного завода, слушатель рабфака, а затем студент исторического факультета ЛГУ - таковы первые вехи жизненного пути Л.А.Березного.

Летом 1941 г., уйдя на фронт добровольцем, Лев Абрамович начал Великую Отечественную войну рядовым солдатом, а закончил ее гвардии капитаном минометного подразделения (знаменитые "Катюши"), в составе которого он прошел дороги России, Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Австрии.

С 1946 г. начался путь Л.А.Березного - востоковеда: аспирант, а затем ассистент кафедры новой истории Востока, кандидат исторических наук (1951), доцент, доктор исторических наук (1971).

профессор кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета Ленинградского - Санкт-Петербургского государственного университета. За эти без малого полвека им опубликовано более 170 работ, в том числе 4 крупных монографии; подготовлена не одна сотня востоковедов.

Благодаря научным изысканиям Л.А.Березного в историческом китаеведении впервые поставлен ряд чрезвычайно важных аналитических, методологических и историографических проблем. Им создан цикл работ, посвященный западной историографии новой и новейшей истории Китая; обоснованы многие важные выводы о кризисе цинских политических, социальных и экономических структур, о процессе модернизации Китая, о соотношении эволюционных и революционных начал в общественном развитии Китая первой половины XX в., о природе революционного процесса в китайском обществе.

Научная творческая энергия Л.А.Березного и сегодня проявляется в его постоянном и активном участии в отечественных и международных научных конференциях, в публикации новых исследований, в руководстве аспирантами и соискателями.

Многогранна преподавательская, научно-организационная, общественная деятельность Л.А.Березного. Среди подготовленных им специалистов - востоковеды из КНР, Словакии, Чехии, Вьетнама, Болгарии, Германии, Монголии. Л.А.Березный - член Диссертационного Ученого совета на восточном факультете, он входит в состав редколлегии журнала "Вестник СПбГУ", возглавляет РИСО факультета.

Многие китаеведы нашей страны, да и не только китаеведы испытали доброе влияние Льва Абрамовича: научное, педагогическое, человеческое. Л.А.Березный принадлежит к тем преподавателям, у которых хочется учиться, к тем исследователям, к

мыслям и доводам которых внимательно прислушиваешься, к тем людям, мнением которых и по профессиональным вопросам, и о себе лично всегда очень дорожишь.

Одним словом петербургские, и не только петербургские востоковеды счастливы видеть Ученого, университетского преподавателя и Человека, на которого всегда хочется равняться. Общение с Л.А.Березным, сам пример его жизненного пути, учит мужеству и гражданской ответственности, порядочности и патриотизму, доброжелательности к людям и необходимой требовательности, тактичности и умению постоять за дело.

Коллеги, товарищи, друзья, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" желают дорогому Учителю долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 20.03.95 г. Подписано к печати 15.05.95 г. Формат бумаги 70x100 1/16.
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 18.4 тыс. Уч.-изд.л. 15,2 Бум. л. 5,0
Тираж 1392 экз. Зак. 2651

Оригинал-макет © 1994 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.